

Д. В. Наливкин

НАШИ
ПЕРВЫЕ
ЖЕНЩИНЫ-
ГЕОЛОГИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ГЕОЛОГИИ,
ГЕОФИЗИКИ И ГЕОХИМИИ

Д. В. Наливкин

НАШИ
ПЕРВЫЕ
ЖЕНЩИНЫ-
ГЕОЛОГИ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1979

7562

Наши первые женщины-геологи. Наливкин Д. В. Л., «Наука», 1979, 216 с.

Крупнейший ученый, патриарх советской геологии, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, академик Д. В. Наливкин рассказывает в своей книге о первых женщинах-геологах, начавших свою деятельность еще до Великой Октябрьской социалистической революции; освещает их научную, педагогическую и организационную деятельность, а также условия, в которых она проходила; показывает героический характер работы женщин-геологов до Октябрьской революции и поразительный расцвет их исследований в советский период. Книга написана на основе воспоминаний самого автора. Широко использованы в ней также архивные и литературные материалы. Ил. — 30.

Ответственный редактор
доктор геолого-минералогических наук
К. А. ШУРКИН

© Издательство «Наука», 1979 г.

И $\frac{20100-639}{055(02)-79}$ Без объявления. 1601000000.

Введение

Развитие Советского Союза необыкновенно и удивительно. История человечества не знает ничего подобного, и в этом немалая заслуга советских женщин. Наши женщины выполнили и выполняют сейчас громадную, нередко сложную работу и выполняют ее с энтузиазмом. Они работают во всех областях науки и техники, но мало областей, в которых они выполнили бы такой объем научной работы, провели бы такие исследования, получили бы такие выдающиеся результаты, как в области геологических наук — стратиграфии и палеонтологии. Эта работа, эти исследования и результаты удивят нас еще больше, если мы сравним их с тем, что происходит за рубежом.

Придется сразу признать, что нигде за рубежом нет ничего подобного.

Возьмем для примера науки, мне наиболее близкие, — палеонтологию и биостратиграфию. В Справочнике советских палеонтологов, составленном И. Е. Заниной в 1968 г., числится 1490 женщин. Сейчас, через 11 лет, их значительно больше, в то время как во многих зарубежных странах число женщин-палеонтологов в те годы не превышало двух-трех десятков. Результаты сравнения настолько удивительны, что в них трудно поверить.

Меня иногда спрашивают, почему я написал эту книгу? Ответ ясен и прост. Причина — глубокое уважение, даже восхищение той поразительной, громадной геологической работой, которая выполнялась раньше и в еще больших объемах выполняется нашими женщинами сейчас.

Мне много приходилось бывать за рубежом. Я избран почетным членом многих геологических обществ как

социалистических стран, так и капиталистических и знаю состояние геологической службы. Там есть и хорошие, и плохие стороны, но меня всегда поражала и удивляла ничтожная доля участия женщин в геологических работах. За рубежом нет ничего похожего на ту выдающуюся работу, которую ведут наши женщины-геологи.

То, чего достигли женщины во всех областях нашего народного хозяйства, и в частности в геологии, это так удивительно, так уникально и приносит такую пользу, что невольно хочется вспомнить тех, кто начал вести и ведет в настоящее время эту необыкновенную работу. Хочется это сделать еще и потому, что я — один из немногих, кто лично встречался с нашими первыми женщинами-геологами. Мне посчастливилось слушать М. В. Павлову еще в 1911 г. С В. А. Варсанюфьевой я был знаком с 1927 г. Никогда не забуду свои встречи и со многими другими женщинами-геологами, и я рад, что могу, хотя бы кратко, поделиться яркими, незабываемыми впечатлениями, которые эти встречи оставили.

Моя книга рассчитана на широкий круг геологов и краеведов. Детали, интересные только для специалистов, освещены лишь в самых общих чертах. Научные результаты, заслуживающие особого внимания, описаны достаточно полно, но не меньшее внимание уделено и тем, кто достиг этих результатов, их жизни и деятельности.

Кроме очерков о жизни женщин-геологов в книге даны краткие очерки о мужчинах-геологах, игравших большую роль в становлении женщин-геологов как ученых, а также в их научной работе; это очерки об академиках А. П. Павлове и А. А. Борисяке и профессоре А. А. Чернове.

История наших женщин-геологов и палеонтологов начинается в 70-е годы прошлого столетия.

Те женщины-геологи, которые работали тогда, уже все ушли из жизни, ушли, но оставили после себя яркую память. Мы вспоминаем их всегда с уважением и глубокой благодарностью.

Наше советское государство сразу же, с первых дней своего существования, сделало женщину равноправной с мужчиной. Перед женщинами открылись двери всех вузов страны. Сначала в вузах было немного женщин, но с каждым годом их становилось все больше и больше, наконец, число женщин и мужчин, получающих высшее

образование, уравнилось, а в некоторых специальностях женщины начали преобладать. К таким специальностям относятся, в частности, гидрогеология и инженерная геология. Что так привлекает женщин на эти специальности, я не понимаю. Программа ничем особенным не отличается, работа гидрогеолога так же трудна, как и у геологов других специальностей, но женщины идут на гидрогеологию непрерывным потоком. Ничего плохого в этом нет, но все-таки интересно, почему?

Учатся наши студентки хорошо, не хуже студентов, а часто и лучше. Успешно кончают, идут на производство, хорошо работают в любых условиях, не боятся никаких трудностей, начинают защищать кандидатские диссертации, некоторые, правда немногие, доходят до докторских, успешно защищают и их, и, наконец, на геологических кафедрах наших вузов появляются профессора женщины.

Некоторым женщинам поручаются ответственные посты, не менее важные, чем профессура. В конце 30-х годов число женщин-геологов измерялось уже не единицами, как до Великой Октябрьской социалистической революции, а сотнями, но все же их было меньше, чем мужчин.

Сейчас, в эпоху необычайного расцвета социалистического государства, мы уверенно идем вперед по пути к коммунизму. С каждым годом число женщин-геологов растет и сейчас измеряется уже не единицами и десятками, и даже не сотнями, а возможно несколькими тысячами. Я думаю, что число геологов женщин и мужчин сейчас почти уравнилось, а на некоторых специальностях, например на палеонтологии и биостратиграфии, их даже больше. Это хорошо.

Я на своем веку видел многих геологов, число одних моих учеников измеряется сотнями, и меня часто спрашивают: «А кто лучше работает — мужчины или женщины?». Ответ у меня уже выработался: «Хорошо работают и те и другие, предпочтения я не даю никому».

В Справочнике палеонтологов Советского Союза, изданном в 1968 г., приведено около 2500 фамилий, около 1500 из них — фамилии женщин. Интересно, что наиболее трудными и сложными группами занимаются в основном женщины. Так, например, фораминиферами зани-

маются 480 человек, из них мужчин только 80. Брахиоподы определять значительно легче, ими занимаются 180 палеонтологов, из них мужчин 100, а женщин 80. Трилобитов изучать значительно сложнее, но они не требуют длительной, однообразной и кропотливой работы, и тут труд поделен пополам — в нем участвуют 33 женщины и 27 мужчин. Заниматься члениками криноидей — это ужасная тоска, и из 13 человек, которые их изучают, всего 1 мужчина. И вообще, в палеонтологии господство мужчин ушло в прошлое и, по-видимому, безвозвратно.

Интересно распределение женщин-палеонтологов в мировом масштабе. В 1975 г. в Британском музее, в Лондоне, профессор С. Х. Брантон составил список палеонтологов всего мира, занимающихся изучением брахиопод. В список вошло около 350 фамилий, среди них было 27 женщин. Среди этих женщин 21 работает в СССР, 3 — в Польской Народной Республике и по одной в Болгарии, ЧССР и Франции. Следует еще раз отметить, что, согласно нашему справочнику 1968 г., в СССР брахиоподами занимаются 80 женщин и 100 мужчин. Это С. Х. Брантону было неизвестно. Однако сравнение 80 советских специалисток с одной во Франции весьма показательно.

Если в палеонтологии женщины преобладают абсолютно, то в других геологических науках картина гораздо более пестрая. Правда, нет ни одной науки, в которой не работали бы женщины, но в ряде наук они безнадежно отстают.

Для примера возьмем тектонику, которую я тоже хорошо знаю. На несколько сотен мужчин-геологов, изучающих тектонику и развивающих ее как науку, приходится всего только несколько женщин. Правда, эти женщины высококвалифицированные специалисты, они мужественные и смелые, такие же как мужчины, но их всего единицы. В массе женщины-геологи к широким тектоническим обобщениям сегодня еще не подготовлены, но я не теряю надежды и думаю, что это явление временное. А если бы все наши мужчины-тектонисты были бы столь же добросовестными и тщательными в работе, как наши женщины-геологи, и столь же уважительно относились бы к фактическому материалу, которым они обладают, то это было бы неплохо.

В работе наших первых женщин-геологов, о которых идет речь в книге, существуют четыре основных направления: научное, педагогическое, организационное и общественное.

Научной работе, кабинетной и полевой, в книге уделено наибольшее внимание, и она освещена наиболее полно.

Преподавательская работа тоже освещена достаточно подробно, тем более что я сам преподаванием занимаюсь 63 года. Оценке преподавания очень помогли воспоминания слушателей. Иногда они очень интересны.

Общественная работа рассмотрена совместно с организационной. Последняя приносит большую пользу и является частичкой общественной работы. Членов партии среди женщин-геологов, к сожалению, немного. К сожалению, потому что члены нашей партии отличаются повышенной требовательностью и строгостью не только к себе, но и к своим товарищам по работе, а это очень полезно.

Семейная жизнь нередко оказывала и оказывает большое влияние на работу наших женщин. К сожалению, она часто замалчивается и считается «личным делом», о ней мало известно и, вероятно, многое здесь опущено. Таким образом, интересный вопрос о семейной преемственности в науке остался невыясненным.

В моей книге говорится только о курсистках. Сейчас курсисток нет, и это слово почти забыто, но когда я учился в Горном институте, а это было как раз перед Великой Октябрьской социалистической революцией, курсистки пользовались большим вниманием и уважением. Сейчас даже не верится, что при царском режиме обучение в университетах и технических вузах для женщин было запрещено. Женщины могли получить высшее образование только на женских курсах, где мужчины могли лишь преподавать. Учившиеся на этих курсах и назывались «курсистками».

Лучшие курсы, готовившие геологов, были в Москве. Не хуже были и Бестужевские курсы в Петербурге. Палеонтологов выпускали курсы Лохвицкой-Скалон и курсы Лесгафта; высшие женские курсы были в Томске, Тифлисе (ныне Тбилиси), Киеве и Харькове.

Несколько слов о терминах «геология» и «палеонтология». Я включил палеонтологию в геологию, как это часто

делается. Принципиально это неправильно: палеонтология — это наука биологическая, но дело в том, что мы обычно палеонтологами называем биостратиграфов, а биостратиграфия — наука геологическая.

Отличить их очень легко: стратиграфы получают ученую степень геолого-минералогических наук, а палеонтологи — ученую степень биологических наук. Все, кто в дальнейшем называются палеонтологами, это биостратиграфы, палеонтологов немного — всего лишь несколько человек.

При составлении книги я пользовался большой поддержкой. Число лиц, оказавших мне помощь, очень велико. Всем им я приношу глубокую благодарность. Каждый, к кому я обращался, неизменно оказывал мне сильную помощь. В таких условиях работать было приятно.

Почти каждый раздел просмотрен авторитетными и заинтересованными лицами. Все сделанные ими замечания и исправления внесены в текст, а их было много. В результате книга стала своего рода коллективным трудом.

В Москве одним из первых ответил на мои вопросы академик В. В. Меннер. Он обратил мое внимание на А. Б. Миссуна — эту поразительную польку. Большой материал передала мне А. И. Осипова, и в частности выдержки из дневников М. И. Шульга-Нестеренко. Они написаны очень живо, ярко и красочно. Р. Ф. Геккер достал мне редкий портрет М. В. Павловой, когда ей было 20 лет и она была настоящей украинской красавицей.

Неоценимую помощь я получил и со стороны Д. М. Раузер-Черноусовой. Всегда готовы были дать справку о любом геологе В. В. Тихомиров и его помощники.

В Ленинграде материалов гораздо меньше. Это вполне понятно, так как все наиболее выдающиеся женщины-палеонтологи и стратиграфы работали и жили в Москве. В Петербурге (Ленинграде) находился главный геологический центр России — Геологический комитет, однако для женщин он был почти недоступен.

И все же много интересных и важных данных мне удалось получить в ЛО Архива АН СССР.

Большую помощь я получил от своих товарищей — профессоров Горного института и от сотрудников своей

кафедры исторической геологии. Много ценных указаний сделали мне отдельные женщины-геологи, и среди них В. А. Сытова; очень помогли и сведения, сообщенные мне Н. Н. Кузькоковой — бывшим ученым секретарем Коми филиала АН СССР.

В заключение не могу не высказать еще раз моей искренней признательности и глубокой благодарности всем, кто так или иначе помог мне в подготовке этой книги.

Первые из первых

Первые четыре женщины в истории отечественной науки, посвятившие свою жизнь геологии, были палеонтологами. Они как бы возвестили то преобладание женщин в палеонтологии, которое так резко и ясно оформилось в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции.

Вот имена этих первых женщин геологов: Мария Васильевна Павлова, Евгения Викторовна Соломко, Мария Кузьминична Цветаева и Анна Петровна Амалицкая.

М. В. Павлова получила высшее геологическое образование в 1884 г. в Сорбонне, в Париже. Е. В. Соломко закончила Высшие женские курсы в Петербурге в 1883 г., но совершенствовалась в палеонтологии главным образом в Германии и первая из русских геологов-женщин получила диплом доктора геологии и философии в Швейцарии. М. К. Цветаева пришла в палеонтологию уже профессиональным преподавателем «естественной истории» после окончания в 1877 г. Высших женских курсов в Москве. Она много лет работала под руководством выдающегося геолога и палеонтолога С. Н. Никитина, который, очевидно, и обучил ее палеонтологической методике. А. П. Амалицкая вообще высшего образования не имела. Она изучала ископаемых животных — парейазавров — под руководством мужа, профессора В. П. Амалицкого, и стала в этой области палеонтологии выдающимся специалистом.

Итак, первые женщины-геологи появились в России в середине 80-х годов прошлого столетия. Возникает вопрос: кто же из них, однако, был первой, начавшей раньше других научную работу? Отвечая, приходится признать, что точных дат мы не знаем. М. В. Павлова поступила в Сорбонну в 1882 г. и сбор своих палеонтологических

коллекций могла начать не раньше 1883 г. М. К. Цветаева, по-видимому, начала палеонтологические сборы в конце 70-х годов, а с 1884 г. уже включилась в работу по выпуску «Русской геологической библиотеки» при Геологическом комитете. Е. В. Соломко стала заниматься петрографическими исследованиями в начале 80-х годов, а палеонтологическими — ориентировочно с середины 80-х годов. А. П. Амалицкая приступила к сбору коллекций северодвинских позвоночных в 1895 г.

Многие из приведенных дат приблизительны. Наиболее точны даты опубликования первых научных работ по геологии. У М. В. Павловой — это монографическое описание одной из групп юрских аммонитов, 1886 г. У Е. В. Соломко первая небольшая статья о микроструктуре строматопор появилась в 1885 г. У М. К. Цветаевой монография о моллюсках карбона Средней России вышла в свет в 1887 г. А. П. Амалицкая в первые годы занятий геологией собственных публикаций не имела, но была негласным соавтором мужа.

Итак, если учесть научную значимость названных публикаций, то мы имеем полное право считать первой русской женщиной ученым-геологом Марию Васильевну Павлову, впоследствии профессора палеонтологии, члена-корреспондента и, наконец, почетного академика АН СССР.

Второй, очевидно, была Мария Кузьминична Цветаева. Никаких ученых степеней и званий у нее не было. Скромная, наблюдательная, исключительно добросовестная, не боящаяся никакой работы, она в свое время пользовалась всеобщим признанием, не меньшим, чем М. В. Павлова. Обе они были тогда членами одних и тех же научных обществ, обе входили в Организационный комитет Международного геологического конгресса в 1897 г. Они были знакомы и часто встречались в кругу друзей.

Третье место принадлежит Евгении Викторовне Соломко. Она — первый доктор геологических наук, исключительно способный, разносторонний и наблюдательный ученый.

Четвертое место занимает Анна Павловна Амалицкая. Всю свою жизнь она отдала изучению северодвинских позвоночных, открытых ее мужем. Сначала она интересовалась ими потому, что для ее мужа они были основным содержанием жизни. После его смерти в 1918 г. они стали смыслом и ее жизни. Кроме них, для нее ничего

не существовало. Благодаря ее неустанным заботам и хлопотам коллекция этих позвоночных сохранилась до наших дней в блестящем состоянии.

Позднее, в 90-е годы, появилась женщина-геолог Анна Болеславовна Миссуна — ученый широкого диапазона. Она занималась литологией ледниковых отложений, минералогией, петрографией и осадочными полезными ископаемыми. Она была настоящей курсисткой. Окончив Высшие женские курсы в 1895 г., она всю жизнь была связана с ними: преподавала различные геологические дисциплины и одновременно в летнее время занималась полевыми геологическими исследованиями.

Позднее появилась целая плеяда курсисток-геологов, воспитание которых — как специалистов высокого класса и патриоток своей Родины — большая заслуга А. Б. Миссуна. Все сказанное позволяет отдать А. Б. Миссуна пятое место среди первых русских женщин ученых-геологов. Она была бесстрашным исследователем, мужественно переносившим все трудности полевой работы, которую осуществляла нередко самостоятельно, была первым в России крупным специалистом по четвертичным отложениям, душевным и приятным человеком.

Мария Васильевна Павлова

Первое место среди русских женщин-геологов и палеонтологов бесспорно занимает Мария Васильевна Павлова. Занимает она его по праву. Не только ни одна женщина-геолог, но даже ни один мужчина-геолог не удостоивались такой высокой оценки научной деятельности, какой удостоилась М. В., — в 1930 г. она была избрана почетным членом Академии наук СССР.

Ни одна женщина-геолог не может похвалиться таким большим стажем научной работы, какой имела она, — 50 лет. Не менее важно и то, что за все это время М. В. не изменяла тематики своих работ — изучения травоядных млекопитающих. Таким постоянством не может похвалиться никто.

Первой М. В. является и по времени начала своей научной деятельности. Еще в 1883 г., работая и учась в Сорбонне, она начала собирать свои поразительные коллекции.

Когда мне в 1911 г. довелось встретиться с нею, я был студентом Петербургского горного института, она — заслуженным профессором, заведующей Геолого-палеонтологическим музеем Московского университета. В этом музее мы и встретились. Наш профессор, Алексей Алексеевич Борисяк, после окончания лекций по исторической геологии решил организовать экскурсию в Москву и Подмосковьё для ознакомления с классическими разрезами юры и карбона. Поехало нас человек пятнадцать. В Москве сразу пошли в университет, в старое здание (где сейчас размещается Геологоразведочный институт), на кафедру Алексея Петровича Павлова. Алексей Петрович прочитал нам небольшую лекцию, рассказал о последних достижениях в геологии Подмосковья. Нам всем он очень понравился (уже тогда А. П. Павлов был общепризнанным главой московской школы геологов), он словно горел юношеским энтузиазмом. Этот энтузиазм нас всех увлек, и я проникся к А. П. глубоким и искренним уважением.

После лекции А. П. повел нас в музей, находившийся рядом, в том же здании, где он находится и сейчас. В музее полновластной хозяйкой была его жена — Мария Васильевна. С тех пор прошло уже 68 лет, но невысокая,

живая, жизнерадостная женщина осталась в моей памяти навсегда, осталась благодаря своему энтузиазму, своей поразительной любви к палеонтологии, к такой, казалось бы, скучной науке.

В Марии Васильевне меня поразило не то, что она первая стала профессором, директором музея (это я оценил значительно позже), меня поразило ее необыкновенное увлечение, явная любовь к каким-то не очень привлекательным на вид костям таинственного фенакодуса. Как она загоралась, увлекалась, вся сияла внутренним огнем, держа в руках небольшие обломки костей, — вот это было удивительно, и это я запомнил на всю жизнь.

Правда, Алексей Алексеевич Борисяк на своих лекциях рассказывал нам про фенакодуса, эту необыкновенную лошадь с пятью копытами на каждой ноге, — лошадь величиной с хорошую собаку. Я знал, что фенакодус был предком современной лошади. Меня же тогда интересовала Мария Васильевна.

Мария Васильевна Гортынская родилась в 1854 г. в Черниговской губернии, в г. Козелец, в семье врача.

Она очень любила отца, он, по-видимому, и передал ей увлечение природой, определившее всю ее жизнь. Замуж она вышла рано, за человека, который был значительно старше ее. Он умер в 1880 г.; 1882 год застал ее уже в Сорбонне.

Сорбонна в Париже — это один из старейших университетов мира, который всегда поражал своей свободой, своей доступностью. В прошлом столетии каждый желающий мог войти в университетскую аудиторию и слушать лекции любого профессора. Во время практикума студент получал указания, советы и руководство лучших специалистов, — ученых, пользовавшихся мировой известностью. И, что самое главное, здесь не было никаких ограничений для женщин, здесь они пользовались теми же правами, что и мужчины.

В царской России правительственные чиновники относились к высшему образованию женщин отрицательно. Только после отмены крепостного права и появления некоторых демократических свобод отдельные женщины стали проникать в университеты в качестве вольнослушательниц. Лишь в 70-х годах в ряде университетских городов (Петербург, Москва, Казань, Киев) откры-

М. В. Павлова. 1874 г.

лись первые медицинские женские высшие курсы, просуществовавшие, за редким исключением, до середины 80-х годов. Таким исключением стали женские курсы широкого профиля в Петербурге и в Москве, на которых и появились первые небольшие группы женщин-геологов в России.

Однако все университеты и технические высшие учебные заведения оставались недоступными для женщин до Великой Октябрьской социалистической революции. Такое положение имело место и во многих других государствах. Только Сорбонна была маяком для всех женщин, стремящихся к науке. В нее стремились и в ней учились многие русские женщины. Среди них одной из первых была молодая, 26-летняя, бездетная вдова Мария Васильевна Иллыч-Шишацкая (урожд. Гортынская).

В Сорбонне М. В. училась четыре года. Сначала она поступила на кафедру зоологии к профессору Мильн-Эдвардсу. Пройдя курс, она перешла на кафедру палеон-

тологии к профессору Годри, где и нашла свое призвание. Палеонтология млекопитающих и эволюционное учение были основой всех ее научных работ на протяжении всей ее долгой жизни. Недаром она считала Годри своим учителем.

В лаборатории Годри М. В. работала одновременно с французским палеонтологом Депере и американским палеонтологом Осборном. Депере впоследствии написал великолепную книгу о развитии животных и эволюции органического мира. Она вскоре была переведена на русский язык и произвела на меня большое впечатление. Осборн стал крупнейшим палеонтологом США. В Нью-Йорке он организовал музей истории природы. В нем есть два больших зала, посвященных учению Дарвина. В 1930 г. я был в этом музее, восхищался его залами и могу с полной ответственностью сказать, что во всем мире в то время не было, а возможно и сейчас нет, музея, где бы дарвинизм, и в частности происхождение человека, были бы показаны с такой поразительной ясностью. Своей пропагандой дарвинизма Осборн вызвал резкое озлобление нью-йоркского духовенства. После смерти Осборна главный епископ города отказался его отпевать. Отказались отпевать Г. Ф. Осборна и многие другие служители культа. Только после долгих хлопот родных и сослуживцев нашелся священник какой-то небольшой церкви, который согласился совершить этот обряд, и Осборна похоронили.

Нам вся эта история кажется невероятной, фантастической, но в журнале «История природы», издающемся музеем, еще в прошлом году была напечатана статья, в которой подробно описывалось, как в ряде штатов Америки и сейчас в школах запрещено даже упоминание имени Дарвина. Многие образованные, культурные люди, занимающие ответственные посты, искренне верят всему тому, что написано в библии. И сейчас в США существуют общества и клубы, посвященные борьбе с эволюционным учением, особенно с учением о происхождении человека. Это невероятно, но это факт.

М. В. всю жизнь поддерживала дружеские связи с Осборном. В июне 1929 г. он писал ей из Нью-Йорка: «Дорогая мадам Павлова!

Меня чрезвычайно порадовали Ваше письмо и Ваша фотография. Я сразу же вставил ее в рамку, чтобы по-

ставить среди выдающихся палеонтологов против моего письменного стола.

Сердечно поздравляю Вас с избранием в члены Киевской Академии наук и Петроградской Академии наук.

Посылаю Вам все свои наиболее значительные статьи и сообщаю, что большая работа о *Proposcidea* (хоботных, — Д. Н.) подвигается вперед — работа, в которой я пользовался Вашими ценнейшими исследованиями.

Искренне Ваш Генри Фэругильд Осборн».¹

Во время пребывания во Франции, в лаборатории профессора Годри, М. В. совершила несколько экскурсий для сбора костей ископаемых позвоночных, особенно лошадиных. Все эти ископаемые кости она привезла в Москву, и эти сборы легли в основу коллекций геологического музея университета, которым М. В. впоследствии заведовала. Коллекции млекопитающих она собирала потом и в России. Те кости пятипалой лошади фенакодуса, которые она показывала нам в 1911 г., были найдены ею лично.

Для сбора коллекций костей позвоночных всегда нужны деньги, и немалые. Нужны они были, конечно, и М. В. во Франции, но, где и как она их доставала, неизвестно. Тем не менее, кости были ею собраны и в довольно большом количестве. В своих письмах к М. В. А. П. Павлов касался всех житейских вопросов, он беспокоился о всех мелочах ее жизни, но о деньгах он никогда не писал. Отец М. В. — врач — вряд ли был денежным человеком. Очевидно, материально обеспеченной М. В. стала после смерти своего первого мужа. О нем она говорила очень редко, и мы знаем только, что он был земским врачом в Астрахани.

Кости позвоночных, собранные, изученные и описанные М. В., послужили основой ее знаменитой серии работ «Исследования по истории копытных». Первый выпуск этой серии вышел в свет в 1887 г.

Вернувшись в Россию, М. В. на некоторое время уехала к отцу, которого она очень любила. По-видимому, именно отец поддержал ее в желании получить высшее образование, стать самостоятельным научным работником,

¹ Радовский М. И. Первая русская женщина-палеонтолог. — Природа, 1963, № 5, с. 89.

принести своей жизнью пользу другим, делать то, что стало бы памятью ее жизни. Этого всего она добилась с избытком.

Первой из всех женщин-геологов получив диплом высшего учебного заведения, возвратившись в Москву, М. В. начинает свою поразительную деятельность — научную, педагогическую и организационную. Еще в Париже она увлекается ископаемыми позвоночными, и в первую очередь лошадиными. Одна за другой выходят в свет ее монографии на русском и французском языках, которые приносят ей мировую известность и славу.

Много времени она отдаёт и организационной деятельности. М. В. одна собирает коллекции, готовит экспозиции, хлопочет о помещении, достает оборудование и шаг за шагом создает геологический музей университета, первый геологический музей в Москве. Сейчас он принадлежит Московскому геологоразведочному институту (МГРИ) и носит имя Павловых. Музей по объему небольшой, но содержит две выдающиеся по своему научному значению группы коллекций. Первая группа — это коллекции ископаемых млекопитающих, собранные в основном самой М. В., вторая группа — это коллекции юрских и нижнемеловых аммонитов, собранные ее мужем, Алексеем Петровичем Павловым. Эти коллекции непрерывно изучались и использовались многими геологами и палеонтологами. И в настоящее время в музее работают советские и зарубежные специалисты.

Деятельность Алексея Петровича была исключительно многогранна. Его интересовали не только юра и мел и их фауна; он много работал над изучением четвертичных отложений и их фауны; его интересовали тектоника, особенно района Самарской Луки, и практическая геология. Одно время он много занимался верхним мелом и палеогеном. Во время полевых работ он собирал богатейшие, очень нужные коллекции и все их отдавал в музей.

Над созданием музея работали, конечно, они оба с М. В., и трудно сказать, кто из них сделал больше, однако оформление экспозиции, все руководство работой было в руках М. В. Заведующим музеем безраздельно была она, она одна выполнила громадную, исключительно сложную и трудную работу.

М. В. Павлова. Профессор

Музей не только оказывал практическую помощь геологам, он делал гораздо больше — способствовал формированию мировоззрения человека, открывая перед ним удивительную картину развития мира животных.

Неоднократно работал я в музее и после Великой Октябрьской социалистической революции. Я изучал коллекции девонской и карбоновой фауны, интересовали меня материалы по границе юры и мела, мела и палеогена, наконец, исключительно интересны были данные по строению Самарской Луки. И каждый раз, когда я входил в залы музея, передо мной вставал образ невысокой, живой, горящей энтузиазмом женщины, его создателя — Марии Васильевны Павловой.

Педагогическая деятельность М. В. также была поразительна. Она была первой в России женщиной-профессором палеонтологии. При царском режиме ей, как и всем женщинам вообще, пути в университет были закрыты, но и тогда существовали частные высшие женские курсы, их называли Лубянскими. На них в 1910 г. была открыта

кафедра палеонтологии и профессором заведующим кафедрой была избрана Мария Васильевна Павлова. После Великой Октябрьской социалистической революции она стала профессором палеонтологии Московского университета и занимала этот пост до 1930 г. В 1927—1929 гг. она составила и издала «Курс палеонтологии».

Значение педагогической деятельности М. В. громадно. Все московские женщины-геологи и палеонтологи дореволюционного времени были ее ученицами. Их, правда, было немного, но они внесли большой вклад в развитие геологии. Достаточно назвать таких ученых, как В. А. Варсанофьева, Е. Д. Сошкина, Т. А. Добролюбова, Д. М. Раузер-Черноусова, М. А. Болховитинова, С. В. Семихатова, М. И. Шульга-Нестеренко. В годы Советской власти число ее учениц и учеников значительно возросло. Перечислить их трудно, да и вряд ли необходимо — они все с нами, мы их знаем и ценим. Без преувеличения можно сказать, что М. В. создала московскую школу палеонтологов. В основе всех работ московской школы лежит эволюционное учение. Описания форм всегда сопровождаются очерком развития, а сами описания отличаются тщательностью, детальностью и полнотой. У московских палеонтологов есть чему поучиться, и это в основном заслуга Марии Васильевны Павловой.

В 1921 г. в университете лекции М. В. слушала Т. Г. Сарычева, впоследствии ставшая одним из ведущих палеонтологов Палеонтологического института АН СССР. В интересных и содержательных воспоминаниях она пишет: «М. В. Павлова возглавляла кафедру палеонтологии, читала лекции для геологов и зоологов и вела практические занятия с группой зоологов, в которую входил из геологов ее любимец В. В. Меннер.

Экзамены она принимала у всех, и геологов, и зоологов, причем принимала их очень строго. Экзаменов очень боялись не только студенты, но и ассистенты — М. И. Шульга-Нестеренко, М. А. Болховитинова и В. А. Теряев.

Я занималась в группе М. А. Болховитиновой и помню, как перед экзаменом она молилась богу о благополучном исходе, крестила нас, а во время экзамена сидела на полу за шкафами и громким шопотом подсказывала нам ответы. М. В. была почти совсем глухой и подсказок не слышала.

За неудовлетворительные ответы страдали не только студенты, но и их преподаватели, с которыми М. В. особенно не церемонилась. После разговоров с ней и М. И. Шульга-Нестеренко, и М. А. Болховитинова частенько заливались слезами.

На заседаниях геологической секции Московского общества испытателей природы, где собирались все московские геологи, неизменно председательствовал А. П. Павлов. Рядом с ним всегда сидела Мария Васильевна. Мы студентки обязаны были ходить на заседания».²

Уже к началу XX в. деятельность М. В. привлекает к себе внимание, и когда профессор Ф. Ю. Левинсон-Лессинг пишет свою интересную работу о женщинах-геологах, вышедшую в 1901 г.,³ то на первое место он ставит М. В. Павлову.

Интересна переписка М. В. и Ф. Ю. Левинсона-Лессинга, сопровождавшая появление этой работы, хранящаяся в Архиве АН СССР.

Вот первое письмо М. В.

«Многоуважаемый Франц Юльевич!

Исполняю Ваше желание, посылаю Вам биографические сведения о себе и список работ. Не знаю, в таком ли виде составлено это, как Вам это хотелось, но для меня это настолько необычайное дело, что не знала, как его лучше выполнить. Буду рада, если мои сведения будут полезны для Вашей работы.

1900. 20 января».⁴

Второе письмо.

«Многоуважаемый Франц Юльевич!

Посылаю Вам, согласно Вашему желанию, мою карточку, но не знаю, найдете ли Вы ее достаточно хорошей. Это мой последний снимок, но я вообще очень плохо выхожу в отношении сходства.

1900. 24 ноября».⁵

Последняя фраза чисто женская. Однако нельзя забывать, что наш почетный академик, крупнейший ученый, выдающийся профессор, был настоящей женщиной.

И еще одно письмо — третье.

² Личный архив Д. В. Наливкина.

³ Профессор Ф. Левинсон-Лессинг. Женщины-геологи. СПб., 1901, 23 с.

⁴ ЛО Архива АН СССР, ф. 311, оп. 3, д. 139.

⁵ Там же.

«Многоуважаемый Франц Юльевич!

Позвольте мне выразить Вам благодарность за присылку оттиска „Женщины-геологи“ и за лестный отзыв о моих научных трудах.

М. Павлова. 1901. 20 сентября». ⁶

В том же письме она поправляет Ф. Ю. Левинсона-Лессинга: «Никогда на Воробьевых горах не работала». М. В. так строго относилась, так ценила свои работы, что даже такая незначительная неточность вызвала поправку.

И, наконец, четвертое письмо, уже через 25 лет, к ставшему академиком Ф. Ю. Левинсону-Лессингу.

«Глубокоуважаемый Франц Юльевич!

Получила я Ваше поздравление с избранием меня членом-корреспондентом Академии наук, и признаюсь, что это доставило мне большое удовольствие. Вспоминаю то далекое время, когда вышла Ваша книжечка „Женщины-геологи“, когда увидела себя причисленной к небольшому числу, тогда еще, геологов. Тогда мне было приятно видеть себя признанной именно Вами — беспристрастным судьей! Спасибо Вам за привет». ⁷

Далее она пишет о том, что потеряла равновесие, упала со стула и растянула сухожилие. В конце сообщает о здоровье А. П. и передает от него привет.

Как трогательна эта передача привета от А. П., которой она заканчивает многие свои частные письма. Казалось, что совершенно независимый человек, да еще член-корреспондент, мог бы обойтись без упоминания мужа, но нет. Муж для нее — это часть ее самой, неотъемлемая часть всей ее жизни, без его упоминания письмо не кончено.

Однако вернемся к дореволюционному периоду. Царское правительство в лице Министерства просвещения не проявляло никакого интереса к научной деятельности М. В. и ее успехам — ведь она была женщиной. В 1916 г. группе профессоров Московского университета удалось добиться присвоения ей научной степени доктора зоологии. Лидер группы профессор Л. С. Берг шлет ей поздравительное письмо. М. В. отвечает.

⁶ Там же,

⁷ Там же.

«Многоуважаемый Лев Семенович!

Шлю Вам искреннюю благодарность за то сочувственное приветствие, которое я сейчас получила по случаю высокой чести, оказанной мне Московским университетом. Что же касается кафедры, то я о ней не смею даже и мечтать, так как теперь есть новые молодые силы, более пригодные для этого высокого дела.

С уважением М. Павлова. 1916. 28 марта».⁸

Ее выдающаяся, совершенно исключительная деятельность в период царизма не могла получить должной оценки. Только Советская власть, советское свободное государство дали женщине равные права с мужчиной. Был оценен по достоинству и труд М. В. Павловой. Уже в 1921 г. она была избрана академиком Академии наук УССР. В 1925 г. ее избирают членом-корреспондентом Академии наук СССР. Нельзя забывать, что это было первое в истории России избрание женщины-геолога и палеонтолога в состав Академии наук.

В 1930 г. М. В. избирается почетным академиком Академии наук СССР. Это избрание действительно было исключительно почетно. Ни до, ни после нее ни один геолог и палеонтолог почетным членом Академии наук СССР не избирался.

М. В. была типичной украинкой со всеми присущими ей достоинствами и недостатками. Как многие украинки, она в молодости была красивой. Великолепные черные волосы, всегда скромно убранные, темные, живые, блестящие, умные глаза, прямые черные брови, прямой нос, красиво изогнутые губы, большой прямой волевой подбородок, правильный овал лица и высокий лоб — лоб мыслителя. Смотреть на ее портрет 1874 года, когда ей было 20 лет, приятно и сейчас.

Она была невысокого роста, прямая, подвижная, жизнерадостная, приятная, но с сильным характером, настойчивая, иногда властная, настоящий командир. Эту особенность характера считают недостатком, но так ли это? Порой на работе быть хорошим командиром совсем неплохо.

Когда мне довелось увидеть М. В., ей было 57 лет. Она был заслуженным, известным профессором и с нами,

⁸ Там же, д. 15.

студентами, обращалась строго и непреклонно. Мы беспрекословно исполняли ее малейшие указания. На ее лицо мы, конечно, не смотрели, оно нас мало интересовало, но горячность и увлечение, с какими она показывала нам свои коллекции костей, ее глубокая убежденность в правильности эволюции лошадиных, как я уже говорил, нас глубоко поразили, и этого я никогда не забуду. В музее она держалась как настоящая хозяйка, и было видно, что там она знает все и все делается по ее указаниям.

Для характеристики М. В. очень важно ее знакомство с А. П. Павловым, завершившееся браком. А. П. умер в 1929 г., М. В. пережила его на восемь лет. Все, что я пишу ниже, основано на выдержках из писем А. П. к М. В., хранившихся в ее бумагах. Эти выдержки приведены в исключительно интересной и содержательной книге их ученицы, В. А. Варсанофьевой.⁹

В Париж А. П. приехал в апреле 1882 г. Там он поселился в Латинском квартале, рядом с Сорбонной, в отеле, где уже со своей семьей жил его товарищ по университету, доцент зоолог М. А. Мензбир. А. П. часто ходил к нему в гости, у него он и встретился с М. В., которая изучала в Сорбонне естественные науки, в том числе палеонтологию и геологию.

С первого раза они очень понравились друг другу. С каждой новой встречей, а их было много, взаимная симпатия становилась все глубже и глубже. Оба были уже не очень молодыми людьми, каждому из них было около 30, но они были полны энергией. А самое главное — у них оказались одинаковые интересы, цели жизни и даже миросозерцание. Это сблизило их окончательно. А. П. впервые встретился с женщиной, решившей всю жизнь отдать науке, с женщиной, интересы и устремления которой так гармонизировали с его собственными. В своем письме к родным в Москву он оживленно пишет о М. В., о ее серьезном тяготении к науке, о том, как у них много общего, как его интересуют ее взгляды и дальнейшая деятельность. Понравился он и М. В., и она этого не скрывала.

⁹ Варсанофьева В. А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. М., 1947. 392 с.

Все происходило в Париже, в Латинском квартале, на фоне веселой, радостной, полной всякими увлечениями поразительно свободной жизни.

Но вот наступила осень, А. П. надо было ехать в Москву — начинать чтение лекций, М. В. надо было сдавать экзамены в Сорбонне, и они временно расстались. Эта разлука была заполнена их письмами друг к другу. А. П. любил писать письма, писал много и поразительно хорошо, ясно, красочно, интересно, содержательно. Каждое его письмо было небольшим литературным произведением. М. В. тщательно хранила эти письма, и 50 лет спустя, после ее смерти в 1938 г., они были найдены в ее бумагах. А. П. писал ей о своей жизни, о всем, что его волновало. М. В. отвечала ему на все письма, но, что она писала, мы почти не знаем, писем ее сохранилось мало.

А. П. послал ей свою научно-популярную книжку; в ответном письме М. В. похвалила ее, и вполне заслуженно, но А. П. пишет ей: «С чего Вы взяли разыскивать художества в моих произведениях? Качества эти так же чужды мне, как, например, Тургеневу или Толстому какие-нибудь аммониты или археоптериксы. Вообще я не привык к таким похвалам моим произведениям, но хочу верить в искренность Вашего впечатления, боюсь только как бы не возмечтать».¹⁰

У М. В. начались экзамены, естественно, она начала волноваться, и А. П. пишет ей: «Наконец Вы дожили до самых страшных минут, а теперь я думаю уже и пережили их, так как по благополучном миновании первого экзамена добрая половина накопившегося страха должна исчезнуть в пространстве. Ожидаю с нетерпением вести о ходе Ваших экзаменов и о состоянии Вашего духа».¹¹

«Дух» у М. В. был, конечно, на высоте. С выдающимися способностями и железным характером сдать экзамены в Сорбонне было нетрудно. А. П. и М. А. Мензбир приглашают М. В. в Москву для работы в музее университета; наконец, в конце года она приезжает, знакомится с работой в музее, она ей нравится, но еще важнее, что ей нравится мать А. П., с которой он ее знакомит. Однако приближается рождество, Новый год,

¹⁰ ЛО Архива АН СССР, ф. 311, оп. 3, д. 183.

¹¹ Там же.

и на праздники М. В. уезжает в Чернигов, в свою семью, к отцу, которого она очень любила. Но и там она не забывает А. П. и шлет его матери рождественский подарок. Он восторженно пишет: «Уж как же Вы удивили и обрадовали мамашу вчера Вашим подарком, так остроумно присланным. Какой Вы, однако, чудный человек».¹²

Это, конечно, показывает, что М. В. решила соединить свою судьбу с судьбой А. П. Он это решение принял давно, но она, уже раз побывав замужем и не очень удачно, хорошо знала все особенности семейной жизни и со свадьбой не торопилась.

После праздников она приезжает в Москву, находит себе квартиру и начинает московскую жизнь, длившуюся целое столетие. В Москве М. В. снова встречается со своими старыми друзьями по Парижу — семьей М. А. Мензбира — и входит в их кружок. Душой кружка был М. А. Мензбир, доцент университета, зоолог, человек необычайно живой, остроумный и веселый. А. П., обычно человек застенчивый, когда садился за рояль и начинал петь, то становился центром собрания. М. В. не отставала от него. Отличаясь большой живостью, энергией, подвижностью и горячностью, она резко выделялась среди других молодых женщин их кружка. А. П. смотрел на нее с обожанием.

В то время М. В. интересовалась философскими произведениями Л. Н. Толстого. А. П. пишет ей: «Не знаю, имеете ли Вы понятие о том, чем теперь интересуется Лев Николаевич? Думаю, что нет, а то Вы бы не удивились тем его воззрениям, о которых Вы теперь вычитываете. О нем рассказывают люди, которым можно верить и которые его знают, что те идеи, которые высказаны в его „Исповеди“ и евангелии, уже сменились иными, что он изучает теперь, преимущественно беседами, математику и астрономию и вообще точные науки с целью подорвать их авторитет, разрушить их основания и избавить род человеческий от их тлетворного влияния, возвратиться к первобытной простоте и блаженству неведения. Как Вам это кажется?».¹³

¹² Там же.

¹³ Там же. Об отношении Л. Н. Толстого к науке см. «Исповедь» и письма 80—90-х годов к разным лицам.

Оба они были убежденными дарвинистами. Длительное развитие всего органического и неорганического мира для них было незыблемой истиной, основой всего их мирозерцания. Религиозные догмы и легенды они не признавали. Не нуждались они и в никакой поддержке свыше и знали, что нет никакой загробной жизни. В то же время они не были и активными атеистами. Религия их просто не интересовала.

Постепенно М. В. и А. П. сближаются все больше и больше. Из его писем хорошо видно, какое место она уже заняла в его жизни, как ему хочется быть вместе, делиться с ней всеми своими мыслями и переживаниями, вместе обсуждать все, что их волнует, интересует. М. В. все это, конечно, хорошо знала, но ей хотелось окончательно наладить их будущую жизнь, а главное всячески помочь А. П. А перед ним стояла большая и трудная задача — защита докторской диссертации и получение звания профессора. Пока он все еще оставался доцентом. Правда, диссертация уже была почти готова, но М. В. знала, что супружеская жизнь задержит, а быть может, и сорвет эту защиту, и она сознательно сдерживала их сближение.

Наступило лето 1885 года. А. П. получил предложение продолжить геологическую съемку Поволжья в районе Симбирска (ныне Ульяновска) и провести детальное изучение юрских и меловых отложений. Работа шла под руководством С. Н. Никитина, старшего геолога Геологического комитета. А. П. выехал в Симбирск, а М. В. уехала в Чернигов, к родителям. А. П. непрерывно пишет ей, делясь всеми невзгодами и деталями своей работы: «С утра ушел на экскурсию, вернулся с полной сумкой камней и ископаемых. Хоть Вы будете бранить, но признаюсь, что целый день ничего не ел. Впрочем, взял с собой шоколад, коньяк и походный кофейник».¹⁴ Фраза «хоть Вы и будете бранить» хороша, она ясно показывает и их близость, и то, что М. В. уже «взяла» Алексея Петровича в свои руки. Неоднократно он просит, умоляет ее приехать в Симбирск, но она упорно отказывается, ссылаясь на болезнь брата, за которым надо ухаживать. В другом письме А. П. просит ее не переживать слишком сильно из-за болезни брата, беречь свои силы и

¹⁴ ЛО Архива АН СССР, ф. 311, оп. 3, д. 183.

приехать отдохнуть и поработать в Симбирск «в тишине и уединении, прерываемом моими периодическими посещениями сего града».¹⁵ Но М. В. так и не приехала. А. П. пришлось довольствоваться многочисленными, большими и хорошими письмами. В них он пишет не только о житейских событиях, но и обсуждает важнейшие, принципиальные вопросы: «Я думаю Вы согласитесь со мной, что всеми силами следует стремиться к первой формулировке результатов, и особенно мне, в моем теперешнем положении».¹⁶ А. П. говорит об изучении юрских отложений и их разреза, которые должны были входить в докторскую диссертацию.

Письма писала и М. В., простые и хорошие:

«Дорогой Леша!

Очень грустно было мне узнать о Вашей неудаче с лодками, и очень хотелось бы знать, чем кончилось дело. Надеюсь получить письмо от Вас в Екатеринбурге.

Мы добрались до Перми хорошо, хотя попали на довольно плохой, очень небольшой пароход. Зато очень дешево, от Нижнего до Перми — 5 руб., 2-й класс. До Перми ехали четыре дня (почти). Здесь страшная жара. Кама очень красива, местами производит совсем иное впечатление, как ожидала я. Теперь она очень широка. Разлив необычный. Грандиозная, светлая какая-то, Волга серьезней. Сегодня уезжаем в Екатеринбург, может быть, остановимся в Кушве, чтобы съездить на гору Благодать.

Будь здоров. Твоя М.»¹⁷

Они уже зовут друг друга уменьшенными именами, пишут «ты», но местами все еще проскакивает «Вы». А как коротко и хорошо описание Камы! Много раз я ездил по ней, и она действительно «грандиозная и светлая».

Лето кончается, оба они возвращаются в Москву, и снова начинается насыщенная и напряженная работа. М. В. работает в музее, готовится к преподаванию на Высших женских курсах, много времени отдает изучению и описанию коллекций млекопитающих, собранных ею еще в Париже. А. П. по-прежнему несет большую педагогическую нагрузку, пишет отчет Геологическому

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

А. П. Павлов и М. В. Павлова в музее

комитету и упорно работает над диссертацией. Свободного времени у него нет совершенно, но тем не менее он часто встречается с М. В., вместе с ней работает в музее университета, и они постоянно обсуждают и решают самые различные вопросы. За зиму они окончательно сближаются, вопрос о свадьбе уже решен, но М. В. решительно требует, чтобы она была после защиты диссертации.

И вот наступает май, сияющий, блестящий, весь утопающий в весенних цветах, приятный и радостный. Для М. В. и А. П. этот май 1886 года был особенно приятен, особенно радостен. В начале мая Алексей Петрович блестяще защищает диссертацию, а через две недели он и Мария Васильевна окончательно соединяют свою жизнь. Весь свой дальнейший жизненный путь они прошли вместе, рука об руку. А этот путь был так велик, так длителен и так полон удивительной, поразительной работой и блестящими достижениями. Детей у них не было, не было детей у М. В. и от первого мужа, и всю жизнь, все 43 года, они прожили только вдвоем и прожили дружно. Иногда они пререкались, критиковали

друг друга, но это только укрепляло их союз, делало его еще более прочным.

Этапы их жизни, их работу, их достижения мы хорошо знаем, они общеизвестны. Достаточно сказать, что А. П. стал академиком, создателем московской школы геологов. Его многочисленные ученики сами стали академиками и профессорами. Его выдающиеся труды в самых различных областях геологии и палеонтологии пользуются мировой известностью, они легли в основу многих наших исследований.

Не менее значительны и труды М. В. Правда, все они сосредоточены только в одной области — палеонтологии, но в этой области они исключительно важны.

В Архиве АН СССР сохранилась рекомендация для избрания М. В. в 1924 г. в члены-корреспонденты Российской Академии наук, принадлежащая перу известного зоолога, академика А. Н. Северцева. Он пишет: «Научная деятельность Марии Васильевны Павловой известна всем. Напомню лишь ее труды по изучению кондилартр и представителей копытных, достаточно оцененные европейскими и американскими палеонтологами. Далее идут ее чрезвычайно важные исследования филогенеза лошадиных, исследования об ископаемых носорогах, ископаемых хоботных и целый ряд других работ, известных каждому маммологу России и Западной Европы.

Многолетняя научная деятельность, начавшаяся в 1884 г., продолжается и теперь с прежней неустанной энергией.

Указанные крупные научные заслуги дают М. В. Павловой право на звание члена-корреспондента Российской Академии наук.

Академик А. Н. Северцев».¹⁸

В то время М. В. было около 70 лет.

Для нас сейчас особенно важно, что М. В. и А. П. создали московскую школу женщин-геологов и палеонтологов. Эта школа дала советской науке выдающихся исследователей, женщин-ученых, труды которых и сейчас сохраняют ведущее положение в нашей науке.

Мария Васильевна и Алексей Петрович были ровесниками, оба родились в 1854 г., оба прожили большую и удивительную жизнь. А. П. ушел первым, в 1929 г.,

¹⁸ Там же, д. 92.

ему тогда было 75 лет. М. В. прожила на 9 лет дольше. Эти трудные 9 лет для нее были ужасны. Их могла вынести только мужественная, стойкая, негибкая женщина. Потерять человека, с которым прожил душа в душу многие годы, — это тяжкий, невыносимый удар, удар, после которого хочется умереть как можно скорее. Мария Васильевна переживала свое горе долго. Она осталась одна, постарела, неузнаваемо изменилась, согнулась. Одна молоденькая студентка видела ее в эти годы. Мария Васильевна гуляла с двумя собачками — наиболее близкими ей существами; вид ее был страшен. Но перед нами останется не этот трагический образ, перед нами всегда будет живая, подвижная, энергичная, невысокая женщина с черными блестящими глазами, огненная и в то же время выдержанная, с большой силой воли и исключительно приятная. Ее образ неотделим от образа Алексея Петровича — высокого, прямого, сильного, обаятельного, с глубокими искренними глазами, то суровыми и строгими, то ласковыми, с высоким широким лбом, лбом мыслителя. Мыслителями, учеными и творцами нового они были оба всю свою жизнь, долгую и такую поразительно содержательную.

М. В. так любила, так уважала А. П., что ей хотелось с самого начала их совместной жизни удовлетворять каждое его желание. В то время А. П. увлекался юрскими аммонитами, ему хотелось, чтобы и М. В. работала вместе с ним, над одной темой. И М. В. удовлетворила его желание: она начала изучать аммонитов, и ее первая печатная работа посвящена описанию нижнемеловых аммонитов, тесно связанных с юрскими. Работа эта вышла в свет в 1886 г.

Но сердце М. В. уже давно было отдано ископаемым млекопитающим, и она не могла оторваться от них. А. П., очевидно, знал, чувствовал это, и у него не хватило ни сил, ни сердца настаивать на своем желании, и М. В. возвратилась к своим млекопитающим, которыми она увлеклась еще во Франции. Ими она занималась всю свою жизнь.

Уже в 1887 г. появляется первый выпуск ее знаменитых «Этюдov палеонтологической истории копытных». Второй выпуск следует в 1888 г., третий — в 1890 г. Так они и идут один за другим «величественной грядой». Последний выпуск, девятый, выходит в 1906 г. Зная, что

за рубежом с русским языком мало кто знаком, М. В. все выпуски пишет на французском языке, которым она владела свободно. Ее труды охотно напечатали бы в заграничных журналах, но М. В. хочет сохранить приоритет русской науки и все написанные по-французски выпуски печатает только в русских журналах. «История копытных» получила мировую известность и действительно необыкновенно подняла престиж русской науки. Это было очень важно, так как в 1897 г. в Москве впервые состоялся Международный геологический конгресс. М. В. Павлова и М. К. Цветаева входили в Организационный комитет и были первыми русскими женщинами членами конгресса. Многие участники конгресса посетили геологический музей университета, созданный М. В.

Казалось бы, такого выдающегося произведения, как «История копытных», достаточно любому ученому. Когда М. В. закончила его, ей было 50 лет, но она была полна творческих сил, и в 1910 г. вышла ее новая монография «Ископаемые слоны России», а в 1913 и 1914 гг. — две части выдающейся работы «Третичные млекопитающие юга России».

Изучение костей ископаемых млекопитающих — это камеральная работа, но кости надо найти, собрать, надо работать на обнажениях по берегам рек, оврагов, в каменоломнях, в карьерах. Эту работу М. В. выполняет бесстрашно, не останавливаясь ни перед какими затруднениями. С годами ее коллекции растут.

В процессе сбора и изучения своих коллекций М. В. провела и другую уникальную работу — она объехала целый ряд удаленных краеведческих музеев и на месте просмотрела и определила их коллекции. Эти коллекции нередко были очень интересны и важны, и просмотр их дал очень важные и интересные результаты. Они были важны не только для самой М. В., но еще более — для краеведческих музеев, для тех сотен тысяч людей, которые ежегодно посещают эти музеи и пополняют там свои знания.

Работа М. В. была высоко оценена краеведческими обществами. В Архиве АН СССР в Москве, в фондах М. В. Павловой, есть толстая папка, наполненная свидетельствами и дипломами об избрании М. В. почетным членом различных обществ, в том числе и краеведческих. Какие только уголки России они ни представляют — тут

и Восточная Сибирь и Западная, и Урал, и Северный Кавказ, и Украина. Ни один геолог, ни женщина, ни мужчина, подобной работы не проводил. И в этом отношении, как и во многих других, М. В. Павлова единственна.

Наступает Великая Октябрьская социалистическая революция. Вскоре после революции Московские высшие женские курсы сливаются с университетом. М. В. становится профессором Московского университета и вся уходит в организационную и преподавательскую работу. Очередная монография появляется только в 1924 г., когда М. В. исполняется 70 лет. Она снова посвящена гиппарионам — этой поразительной трехкопытной небольшой лошадке, неисчислимые табуны которой весело носились по южным степям неогеновой Европы и Азии.

Начинаются тяжелые годы болезни А. П. Павлова. М. В. сопровождает его по санаториям, ухаживает за ним, и ей не до научной работы. Последняя палеонтологическая работа М. В. появляется только в 1933 г. Она содержит описание «Фауны ископаемых млекопитающих, собранных близ г. Хвалынска на Волге». В то время М. В. идет уже 80-й год. В работе она искала забвения от ужасной потери — смерти мужа, с которым она прожила более 40 лет. Но забвения не было, не было и сил для научной работы.

Так закончилось научное творчество Марии Васильевны Павловой. По своему значению и размерам оно до сих пор не превзойдено никем — не только женщинами, но и мужчинами-палеонтологами. Остается только поражаться, как у небольшой, живой и энергичной женщины хватило сил для выполнения такой необыкновенной, единственной в своем роде работы.

Описывать детали научной работы М. В. нет необходимости. Это уже сделано в великолепной биографии М. В., написанной ее ученицей, другой выдающейся и поразительной женщиной — Верой Александровной Варсанофьевой в книге об А. П. Павлове.¹⁹

Остановлюсь только на одном вопросе, имеющем большой теоретический интерес, на значении гиппари-

¹⁹ Варсанофьева В. А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. М., 1947. 392 с.

онов в истории лошадей. Гиппарион — это небольшая лошадка. На каждой ноге у нее было три копыта — среднее, большое и длинное, и два боковых, коротких и маленьких. И вот многие ученые считали, что в процессе эволюции, путем отмирания боковых копыт гиппариона, образовалась лошадь.

М. В. в своих работах убедительно показала, что строить филогенетические ряды только по одному, хотя и важному морфологическому признаку нельзя. Для этого необходимо изучение всего животного. Она обратила внимание на строение зубов гиппариона и доказала, что зубы его значительно сложнее и совершеннее зубов лошади. Поэтому гиппарион не может быть предком лошади, он является лишь ее родственником.

Получилась такая же история, как с человеком и обезьянами. Многие считают, что обезьяны — это предки человека, что человек ведет свое начало от обезьян. Это неверно, неточно. Обезьяны — это не наши предки, а только ближайшие родственники, наши «двоюродные братья и сестры». Нашими же предками являются вымершие человекообразные существа, жившие несколько миллионов лет тому назад. К сожалению, они нам пока еще недостаточно известны.

Кроме больших остеологических монографий М. В. написала небольшую книжку под названием «Причины вымирания животных в прошлые геологические эпохи». Написала она ее в 1924 г., в конце своей научной деятельности, когда обладала громадным фактическим материалом по вымершим млекопитающим. Это придает книжке особое значение. Содержание ее кратко изложено в уже упоминавшейся биографии М. В., написанной В. А. Варсанофьевой. Вера Александровна полностью разделяет точку зрения М. В. Она пишет: «М. В. в этом вопросе стоит на дарвиновских позициях. Решительно отбрасывая представления о predetermined, ограниченном сроке существования видов, об „истощении жизненной силы“ и тому подобные идеалистические измышления, она видит причины вымирания в тех же естественных процессах, которыми обусловлена эволюция в концепции Дарвина».²⁰ И далее: «Думаю, если бы мы

²⁰ Там же.

захотели объединить общим термином главные факторы, влиявшие на вымирание животных, самым подходящим было бы сказать: борьба за существование вообще и больше всего при влиянии изменяющихся геологических и физико-географических условий жизни земного шара. М. В. Павлова и здесь остается эволюционистом — дарвинистом». ²¹

Все это хорошо, значение борьбы за существование и влияние изменяющихся условий жизни, изменяющейся экологии несомненно, но недостаточно. Одними внешними условиями вымирание не объяснить. Мы все знаем, что онтогенез повторяет филогенез, что изучение его очень важно для понимания филогенеза. Онтогенез всегда заканчивается смертью, так же как филогенез — вымиранием.

Все мы знаем, что внешние условия сильно влияют на организм, но мы также хорошо знаем, что организм погибает не от внешних условий, а от болезней. А что такое болезнь? Это явления, происходящие внутри организма. Основной причиной смерти служат явления (изменения клеток), происходящие внутри организма. Внешние условия, в том числе и борьба за существование, голько ускоряют или замедляют эти процессы. В этих внутренних изменениях ничего идеалистического нет. Это какие-то изменения в строении и деятельности клеток, слагающих организм. Эти изменения мы обобщаем под названием «старение», «старчество».

Для меня лично большое значение имела другая отрасль научной деятельности М. В. Она перевела на русский язык работу английского палеонтолога Хетчинсона «Вымершие чудовища», перевела потому, что она ей понравилась. Понравилась она и мне, и даже больше чем понравилась. Я прочел ее, когда кончал среднюю школу. Животные прошлого заинтересовали меня чрезвычайно, и я окончательно решил стать палеонтологом. В этом плане я считаю М. В. своим учителем.

С тех пор прошло много лет. И вот я в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР, в небольшом двухэтажном домике позади Зоологического музея. Сижу, и у меня первый раз в жизни в руках письмо М. В.

²¹ Там же.

Смотрю на него, и мне кажется, что Мария Васильевна разговаривает с академиком-секретарем Ольденбургом, и я чувствую в ее голосе, во всем ее существе первую боязнь от неотвратимости потери любимого человека, с которым она была связана всю свою долгую жизнь. Этот ужас она скрывает, но все равно он сквозит в каждом слове.

В письме, адресованном С. Ф. Ольденбургу, она пишет о тяжелом состоянии здоровья А. П. Павлова, о том, как он лечится в санаториях и больницах Германии, как он хочет вернуться в Москву и как она боится, что он не в силах этого сделать после тяжелого кровоизлияния. М. В. пишет: «Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Шлю Вам сердечную благодарность за деньги, которые мы получили. Но, к сожалению, они застали Алексея Петровича не вполне в хорошем состоянии, и он не мог написать Вам сам, а ему это очень хотелось.

Улучшения в здоровье не произошло, и теперь он лежит очень ослабленный. Главная причина слабости состоит в зависимости от потери крови. Главная беда теперь в большой слабости, он все время лежит. Конечно, больше всего хотелось бы в Москву. Но везти его в Москву в таком состоянии невыносимо. Хочется верить в улучшение!

Алексей Петрович шлет Вам сердечный привет.

С глубоким уважением

М. Павлова
1929. 7 сент.»²²

Через две недели Алексей Петрович умер.

И вот я снова в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР, передо мной лежит квадратная бумажка, незаметная, потертая, на ней написано:

«Свидетельство о смерти № 7069.

Гр. Павлова Мария Васильевна умерла 20 сентября 1938 г.

Причина смерти: Воспаление легких.

Место смерти: Москва.

Возраст: 84 года».²³

Так закончилась жизнь этого замечательного человека и большого, выдающегося ученого-палеонтолога.

²² ЛО Архива АН СССР, ф. 311, оп. 1а, д. 92.

²³ Там же, д. 83.

Мария Кузьминична Цветаева

Мария Кузьминична Цветаева была современницей Марии Васильевны Павловой. В 1884—1885 гг. они встречались в семье их общего знакомого — М. А. Мензбира, зоолога, доцента Московского университета. В. А. Варсанофьева в своей книге об А. П. Павлове пишет: «М. К. Цветаева была ученицей и сотрудницей С. Н. Никитина. Еще в гимназии, где он был преподавателем естествознания, она заинтересовалась естественными науками, и в частности геологией. По окончании школы она, сама сделавшись учительницей, стала отдавать все свои досуги геологии. Летом М. К. экскурсировала то вместе с С. Н. Никитиным, то по его поручению деятельно помогала ему в сборе палеонтологического материала. В 1888 г. ею была напечатана монография по головоногим подмосковного каменноугольного известняка».¹

М. К. была человеком скромным, искренним, бескорыстно преданным своим друзьям и своей педагогической и научной работе. С. Н. Никитин так характеризует ее в одном из своих писем к Алексею Петровичу Павлову: «Она принадлежит к редким людям, способным к самому бескорыстному, душевному отношению к людям, ей близким, безразлично будь то мужчина или женщина. В качестве такого душевного товарища Мария Кузьминична была рекомендована мною Вам, и я могу смело сказать, что она со всей душевностью приняла Вас в число своих друзей».²

Но А. П. в то время был увлечен Марией Васильевной и никаких других друзей-женщин ему было не надо. В одном из своих бесчисленных писем к М. В. он просто пишет: «Теперь я в Саратове. От Никитина получил письмо о результатах его наблюдений, и в том же письме он пишет, что Мария Кузьминична доехала с ним только до Сызрани и оттуда вернулась в Москву».³ Никаких особых дружеских чувств в этом письме не чувствуется.

¹ Варсанофьева В. А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. М., 1947.

² ЛО Архива АН СССР, ф. 311, оп. 3, д. 183.

³ Там же,

М. К. Цветаева. Сотрудник Геологического комитета

Это было в 1885 г., монография же М. К. по карбоновым наутилоидеям была напечатана в «Трудах» Геологического комитета в 1888 г. (очевидно, что сбор материала для этой монографии и его изучение заняли весь промежуток времени между этими датами и, по-видимому, в то время, когда М. К. была сотрудницей Геологического комитета).

Вполне вероятно, что М. К. Цветаева была первой женщиной-сотрудником Геологического комитета, поскольку до Великой Октябрьской социалистической революции в Геолком, как правило, женщин-геологов не принимали. Мария Кузьминична была редким исключением; это могло произойти только благодаря С. Н. Никитину, пользовавшемуся в Геолкоме большим влиянием. Несомненно, что С. Н. Никитин высоко ценил работу М. К.

С. Н. Никитин был человеком тяжелым, самолюбивым. Геологи, работавшие вместе с ним, не любили его. Помню, как восьмилетним мальчиком я слушал разговоры отца

с приятелями, позднее ставшими известными геологами, — Н. Н. Яковлевым, В. А. Вознесенским, Д. В. Голубятниковым. Отец тогда находился у С. Н. Никитина на гидрогеологических работах, и я запомнил его возмущение поступками С. Н. Никитина, негодование друзей отца. Как они кричали и возмущались, я запомнил на всю жизнь, но, что конкретно их возмущало, я, конечно, сейчас уже забыл; кажется, разговор шел о присвоении чужих материалов.

То, что С. Н. Никитин мог хотя бы частично пользоваться материалами своей помощницы, такой скромной и безответной, вполне возможно, но М. К. была так деликатна, что если и возмущалась, то вряд ли открыто. Может быть, и скорее всего, она считала это даже нормальным, считала, что «так полагается». Мой отец был не из тех людей, которые стали бы негодовать без достаточных на то оснований, а его негодование я помню хорошо.

Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, человек также исключительно деликатный, в своей интересной, но малоизвестной работе «Женщины-геологи» пишет: «Имея на руках большую мать-старушку и слепого дядю, г-жа Цветаева принуждена добывать средства к существованию добавочной работой сверх службы в гимназиях. Неудивительно, что у нее остается очень мало времени для научных занятий; по ее собственному признанию, она занимается палеонтологией только на святках. Зато каждое лето, за последние лет 10—15, М. К. посвящает отдыху от педагогики, а именно геологическим экскурсиям. Она изучает геологическое строение Центральной России и исходила пешком почти весь бассейн Волги. Результатом этих экскурсий явились наблюдения, часть которых поступила в качестве сырого материала в распоряжение геолога Никитина, отмечавшего это в надлежащих местах своих работ; большая же часть этих наблюдений еще не опубликована вследствие недостатка времени для их окончательной обработки».⁴

И далее: «Кроме того, с 1884 по 1896 г. М. К. участвовала в составлении „Русской геологической библиотеки“ — библиографического издания, которое за озна-

⁴ Профессор Ф. Левинсон-Лессинг. Женщины-геологи. СПб., 1901, с. 14, 15.

ченные годы выходило при „Известиях Геологического комитета“ под редакцией С. Н. Никитина». ⁵

Слова Ф. Ю. Левинсона-Лессинга свидетельствуют о длительной работе М. К. в Геологическом комитете. Отмечается это и в годовых отчетах Геолкома.

Приведу некоторые биографические данные о М. К. Цветаевой. Родилась в 1854 г. В 1872 г. закончила Первую московскую гимназию. В том же году поступила преподавательницей естественных наук в Четвертую московскую женскую гимназию, а через 10 лет по совместительству — еще и в Первую гимназию.

В 1873—1877 гг. М. К. прослушала полный курс физико-математических наук на только что организованных тогда Высших лубяньских естественноисторических женских курсах при Третьей московской мужской гимназии. На этих курсах в 1874—1877 гг. теоретически и практически она прошла университетские курсы химии, физики, ботаники, зоологии, минералогии, палеонтологии и геологии. Геологию и минералогию читал С. Н. Никитин. Под его руководством М. К. начала и впоследствии продолжала свои занятия геологией, как в поле, так и в лаборатории. Работала она с ним долго, около 20 лет. Все эти годы собранные ею геологические материалы С. Н. Никитин включал в собственные труды. Поэтому геологические печатные работы у нее отсутствуют, а есть только палеонтологические. Она собрала большую и интересную коллекцию каменноугольных наутилоидей, тщательно изучила ее и результаты опубликовала в двух больших монографиях, напечатанных в «Трудах Геологического комитета», Первая монография вышла в свет в 1888 г., а вторая — через 10 лет, в 1898 г. Эти монографии содержат обширный новый материал, ранее никем не описанный, и представляют существенный вклад в русскую палеонтологию. Пользуются ими и в настоящее время.

М. К. Цветаева была членом Минералогического общества, членом Общества испытателей природы в Москве и членом Общества любителей естествознания в Петербурге. Кроме того она была членом Международного геологического конгресса 1897 г. и участвовала в уральской экскурсии, руководимой А. П. Карпинским и Ф. Н. Чернышевым. Если отнести М. В. Павлову к палеонтоло-

⁵ Там же, с. 15.

гам, то М. К. была первой и единственной женщиной-геологом, участвовавшей в работе конгресса.

Б. М. Келлер в своем очерке о русских геологах, участниках международных геологических конгрессов, подчеркивает, что женщин среди экскурсантов было лишь пять-шесть, причем из них только М. К. Цветаева имела отношение к геологии.

Имя М. К. Цветаевой стоит не только в списке членов конгресса, вместе с именем М. В. Павловой оно стоит и в списке членов Организационного комитета. Быть членом Организационного комитета конгресса — большая честь, это избрание отчетливо показывает, какое большое значение современники придавали научным работам М. К. Цветаевой.

Как это ни странно, но все ведущие женщины-геологи и палеонтологи дореволюционного периода учились и работали в Москве, в городе, тогда занимавшем второе-степенное положение. В Петербурге, тогдашней столице, их было мало и по своей квалификации они значительно уступали московским. Первым московским женщинам-геологам — М. В. Павловой, М. К. Цветаевой и А. Б. Миссуна — можно противопоставить только одну — Е. В. Соломко, но она уступает им и по объему выполненной работы, и по ее качеству.

Академик Ф. Ю. Левинсон-Лессинг очень ценил Евгению Викторовну, и в своей книжке «Женщины-геологи» поставили ее на первое место, даже впереди М. В. Павловой и М. К. Цветаевой, не говоря уже об А. Б. Миссуна. Вряд ли это правильно, но он составил о ней короткий и очень хороший биографический очерк. Этот очерк и лег в основу приводимой здесь мною характеристики.

Е. В. Соломко родилась в 1862 г. в Ярославле. Училась сначала дома, а затем в Московском екатерининском женском институте. Кончила его в 1878 г. с наградой. В следующем году поехала в Петербург на только что открывшиеся Высшие женские курсы. Курсы проходила на физико-математическом факультете, и кончила их в 1883 г. Девушка занималась хорошо, обладала выдающимися способностями, училась с увлечением и по окончании ее оставили при кафедре геологии и палеонтологии Петербургского университета, которой руководил известный геолог и петрограф профессор А. А. Иностранцев и где доцентом-палеонтологом был П. Н. Венюков, крупный специалист по девонской фауне, человек педантичный и строгий. Вначале Е. В. Соломко под руководством профессора А. А. Иностранцева работала по петрографии. Она участвовала в геологических экскурсиях в Олонецкой губернии, на Кавказе, на Украине. Одновременно она вела практические занятия по петрографии на женских курсах. Свою первую работу Е. В. посвятила детальному и тщательному описанию интересной вулканической породы у сел. Исачки Полтавской губернии (1884 г.).

Е. В. Соломко. Доктор философии
и геологии

Затем работой Е. В. Соломко начинает руководить П. Н. Венюков, и из петрографа она становится палеонтологом. Сам Венюков занимался девонскими брахиоподами и моллюсками, интересными и легко определяемыми группами. Но Е. В. он дал очень трудную группу девонских строматопор, которую сам боялся определять. В то время в России не было ни одной работы по строматопорам, и Е. В. все пришлось начинать сначала. Она хорошо знала немецкий язык, и это ей очень помогло. Для консультации она едет в Дерпт (Тарту), в университет, к профессору Гревинку и с его помощью быстро и успешно заканчивает монографическое описание девонских строматопор.

Однако Венюков строматопорами не ограничился, он дал Е. В. еще более трудную для определения и описания коллекцию юрских и меловых кораллов Крыма. Выдающиеся способности позволили Е. В. успешно справиться и с этой труднейшей задачей, но для консультации ей пришлось ехать в Германию, в Мюнхен, к самому

Карлу Циттелю — крупнейшему палеонтологу того времени. Он встретил ее радушно и сочувственно и позволил не только определять кораллы в Палеонтологическом музее, но даже слушать и курс его лекций. Любопытно, что даже сам Циттель не решился посадить ее в одну аудиторию с немецкими студентами, и Е. В. пришлось слушать курс из соседней комнаты, через открытую дверь. Но решительную и умную девушку это не смутило. Она не только прослушала весь курс лекций, но и составила описание всей своей коллекции кораллов, да еще на немецком языке.

По окончании работы Е. В. решила получить ученую степень. В императорской Германии это было строжайшим образом запрещено, и Е. В. пришлось для защиты диссертации ехать в Швейцарию. В Цюрихском университете в июле 1887 г. она успешно провела защиту и получила ученую степень доктора философии и геологии. Однако воспользоваться этим выдающимся успехом ей не пришлось. В конце того же 1887 г. она вышла замуж за грека, тоже доктора философии, директора Одесского коммерческого училища. Как сложилась ее семейная жизнь, я не знаю. Известно только одно — после замужества ее научная деятельность прекратилась, и больше никаких работ она не печатала, а через десять лет, в 1898 г., умерла. Так преждевременно оборвалась жизнь этой поразительно способной женщины, когда ей было всего 36 лет.

Смотришь на ее фотографию и видишь скромную, строгую девушку, одетую в черное платье с высоким воротничком, с каким-то украшением на шее; черные волосы, правильное прямое лицо, большие темные глаза и громадное пенсне на шнуре. Смотришь на нее и думаешь: жаль, что такой хороший и талантливый человек погиб так безвременно, а русская наука потеряла выдающегося ученого. Но ничего не поделаешь, пути сердца женщины неисповедимы.

Евгения Викторовна была первой русской женщиной, получившей ученую степень доктора геологии, да еще когда ей было всего 25 лет.

Анна Болеславовна Миссуна

В северо-восточной части современной Белоруссии располагается своеобразная, очень красивая холмисто-озерная область ледниковых отложений, гигантских конечных морен. Длинные и высокие гряды, сплошь заросшие лесом, тянутся друг за другом. Между ними, в глубоких впадинах, располагаются бесчисленные прозрачные озера.

Сейчас это край туристов; десятки тысяч людей со всех сторон съезжаются туда, они ходят везде, по всем этим грядам, купаются в озерах, наслаждаются и лечатся кристально чистым воздухом. В середине прошлого столетия это была глухая, малонаселенная местность, удаленная от больших городов, страна небольших, удаленных друг от друга поместий. В одном из таких поместий в польской семье и родилась Анна Болеславовна Миссуна.

Когда я пишу эти строки, передо мной лежит небольшая тонкая книжица в темной матерчатой потертой обложке и в ней написано: «РСФСР. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Не трудящийся, да не ест. Трудовая книжка. Фамилия: Миссуна. Имя: Анна. Отчество: Болеславовна. Место рождения: Витебская губерния, Лепельский уезд, Дубровская волость, с. Быковщина. Время рождения: 1868 г., 12 ноября. Место постоянного жительства: Москва. Основная профессия: преподавательница. Какие знает языки: польский. Грамотен ли: грамотна. Образование: высшее. Отметка о браке: девица. Время выдачи книжки: 18 мая 1920 г.»¹

В конце книжки собственноручная подпись — Анна Болеславовна Миссуна.

Беру эти книжку в руки, и мне думается, что 55 лет тому назад ее также держала в руках и бережно хранила сама Анна Болеславовна, а было это всего за год до ее смерти.

С самых ранних лет А. Б. привыкла целыми днями бродить и лазать по холмам, купаться в озерах, все время проводить в лесу. Она привыкла к своей родине, страстно полюбила ее и эту любовь сохранила на всю жизнь. Глав-

¹ Архив МОИП, ф. 77, оп. 9.

ные ее научные работы посвящены родному краю. А. Б. стала одним из лучших специалистов по моренным отложениям, первой женщиной-геологом, давшей так много для их изучения.

Странствование по лесам и холмам сделало девочку мужественной, сильной и бесстрашной. Это бесстрашие она сохранила на всю свою недолгую жизнь.

М. Е. Мирчинк, составившая хорошую биографию А. Б., пишет: «На свою родину она возвращается не раз, но кроме того в течение ряда лет ею исхожены и изъезжены большие пространства и в Верхнем Поволжье, и в Крыму, и на далеком Севере, по притокам р. Вычегды. Свои исследования она производила одна, пешком или на телеге, с помощью случайного рабочего. В последние годы с нею вместе работали ее ученицы.

Понятно, что появление одинокой женщины, с молотком в руках и с рюкзаком на спине, в то время было совсем необычно, тем более что эта женщина шла не торными дорогами, а выходила из долин и оврагов, по которым она странствовала в поисках геологических обнажений. Это вызывало подозрение у местных властей, и ее часто задерживали. Ей не раз приходилось сживать в камерах заключения при волостных правлениях и при участках уездной полиции, пока выясняли ее личность. Во время русско-японской войны ее арестовали даже как, якобы, переодетого женщиной „китайского шпиона“. Впоследствии с большим юмором она вспоминала о своих злоключениях.

Отважная и настойчивая, она не останавливалась перед тяжелым трудом и пренебрегала опасностями. Одно из любимых изречений, характеризующих ее, было: „Трус умирает постоянно, храбрый умирает только раз“. Стараясь получить ответы на поставленные ею вопросы, она не останавливается ни перед каким риском, и в Крыму взбирается на такие кручи, куда не рисковали подняться ее предшественники-исследователи.²

Рядом с помещьем отца никаких школ не было, и первоначальное образование девочка получила дома, затем ее послали в Ригу, в частную гимназию, носившую странное название — «Школа дочерей». Каких «доче-

² Мирчинк М. Е. А. Б. Миссуна (1869—1922). М., 1940, с. 10.

рей», не говорилось, но, очевидно, подразумевалось «дочерей польского народа»; в то время поляки заслуженно ненавидели царский режим; отец А. Б. был участником восстания 1863 г. В гимназии А. Б. в совершенстве овладела немецким языком и впоследствии писала на нем свои статьи так же свободно, как на русском и на своем родном польском языке.

Окончив гимназию в 1887 г., А. Б. остается в ней в качестве учительницы польского языка и арифметики. В 1890 г., не оставив никаких сбережений, умирает ее отец, и А. Б. возвращается на родину, в свое поместье, ухаживает за старушкой-матерью и младшими братьями. Кажется, что все пропало, все кончено, но А. Б. не сдается. Она энергично принимается за самообразование, увлекается естествознанием: выписывает учебники, вступает в переписку с Варшавским обществом естествоиспытателей. За три года она собирает большую коллекцию растений и насекомых, позже переданную Варшавскому обществу естествоиспытателей. Список растений с краткими заметками она публикует в своей первой печатной статье на польском языке в 1895 г. К тому же времени относится и ряд ее популярных краеведческих статей, напечатанных в польском журнале «Wezech-swiat».

В 1893 г. А. Б. получает небольшую частную стипендию и едет в Москву на Высшие женские курсы. С этого момента вся жизнь ее меняется. Москва становится ее второй родиной. Ей не раз предоставлялась возможность вернуться в родные места, но она считала это возвращение недопустимой изменой своим друзьям, своим товарищам по работе и неизменно от него отказывалась. В Москве она и умерла.

М. Е. Мирчинк пишет: «Истая демократка в жизни, прекрасно знавшая нужды и горе народа по своему детству в бедной усадьбе и по своим последующим странствиям в глуши польско-литовских и русских деревень, А. Б. всем своим благородным духом всегда стояла против реакционной политики царского правительства. Она постоянно находилась на стороне прогрессивных, борющихся с ним сил и вела соответствующую агитацию при своих поездках по деревням во время русско-японской войны и в последующее время пробуждения революционного сознания. За распространение революционной лите-

ратуры и агитацию против царизма А. Б. была предана суду и подверглась тюремному заключению».³

Приехав в Москву, А. Б. поступает на частные женские курсы, носившие тогда странное, но вполне понятное название «Коллективные уроки». Царское правительство, считая вредным высшее образование для женщин, закрыло существовавшие с 1872 г. Высшие женские курсы, организованные профессором Герье. Профессора же этих курсов, желая их сохранить, придумали для них новое безобидное название «Уроки», считая, что уроки могут получать и женщины. Министр высшего образования попался на эту удочку и «уроки» разрешил. Среди преподавателей, безвозмездно отдававших и силы, и время этому общественному делу, были известные тогда профессора В. И. Вернадский, В. Ф. Давыдовский, А. И. Коновалов, М. А. Мензбир, А. П. Павлов и В. Д. Соколов.

Молодая, высокая, сильная и миловидная курсистка с увлечением погружается в науки; четыре года проходят как миг, и в 1896 г. А. Б. кончает курсы. Она окончательно решает посвятить себя геологии, приступает к самостоятельной научной работе и своему решению остается верной до конца жизни.

Сначала она занималась минералогией под руководством такого выдающегося ученого, как В. И. Вернадский. По его заданию она самостоятельно изучала некоторые вопросы минералогии. С этого времени у нее установились дружеские отношения и с самим В. И., и с его семьей. Это показывает, что уже тогда В. И. Вернадский высоко ценил А. Б. Такой строгий и требовательный человек, каким был академик В. И. Вернадский, не стал бы иначе устанавливать с ней дружеские отношения. По-видимому, это он знакомит ее с выдающимся кристаллографом Е. С. Федоровым, который поручает ей и другой студентке — Лидии Владимировне Яковлевой — изучение кристаллических форм сернистого аммония. В 1898 г. А. Б. Миссуна и Л. В. Яковлева печатают статью на эту тему в «Протоколах» Московского общества испытателей природы. Это была первая геологическая публикация Анны Болеславовны.

Особенно много работала А. Б. под руководством В. Д. Соколова. Между ними завязалась дружба, полная

³ Там же, с. 14.

взаимного уважения, продолжавшаяся до последних дней жизни В. Д. Соколова. Эта дружба оказала огромное влияние на всю деятельность и жизнь А. Б. Под руководством В. Д. Соколова она начала изучение четвертичных отложений, и в первую очередь конечных морен, которым посвятила многие годы жизни.

А. Б. родилась в царстве конечных морен. Среди них она бродила в детские годы, среди них не раз бывала и позднее. Вполне понятно, что конечные морены становятся главной темой ее исследований. Первую работу, посвященную конечным моренам своей родины, она печатает уже в 1899 г. В 1902 г. появляется ее большая работа по ледниковым отложениям Белоруссии и Литвы. В том же году она печатает ее на немецком языке в журнале Немецкого геологического общества (*Zeitschrift deutsche geologischen Gesellschaft*). В следующем 1903 г. появляется ее работа на русском языке по геологии Гродненской и Минской губерний, а в 1904 г. — статья о валунных мергелях, которая печатается опять в том же немецком геологическом журнале.

В 1904 г. А. Б. переключает свое внимание на Крым, а затем — на Тверскую губернию, но и здесь не забывает она своих любимых четвертичных отложений и печатает в 1909 г. статью о них в немецком гляциологическом журнале.

Возвращаясь на некоторое время на родину, она пишет в 1910 г. статьи на польском языке, а в 1911 и 1914 гг. — на русском. Свою серию ледниковых работ она заканчивает картой-справочником строительных материалов по западному фронту, напечатанной в 1916 г.

В 1917 г. А. Б. постигает большое горе — умирает ее научный наставник и руководитель В. Д. Соколов. После Октябрьской революции перед ней встает сложный вопрос — возвращаться ли на родину, в Польшу, где остались ее родные, или нет? А. Б. остается в Советском Союзе.

Серия работ А. Б. по четвертичным отложениям, изучение которых проводилось ею в течение 20 лет, представляет собой выдающееся новаторское исследование. А. Б. была первой женщиной, выполнившей такие длительные и трудные самостоятельные геологические наблюдения, собравшей громадный новый фактический материал и сделавшей такой важный вывод, как вывод о многократ-

ности оледенений. По своему таланту и работоспособности она свободно, вероятно, могла бы конкурировать с М. В. Павловой, но ей помешала многотемность исследований. А. Б. начала с ботаники и энтомологии. Затем она переключилась на четвертичное оледенение. В 1902 г. она уже работала в Крыму, одновременно собирала и изучала юрские кораллы и мезозойские магматические породы, притом и то, и другое, так непохожее друг на друга, она изучала старательно и добросовестно. Юрские кораллы, важные для стратиграфии и палеогеографии, вообще описываются ею впервые. Изверженные породы изучались ранее многими, но благодаря бесстрашным лезвиям по кручам А. Б. открыла такие обнажения, которые помогли решить весьма важные геологические вопросы.

После Крыма А. Б. едет в Верхнее Поволжье, а затем, вместе с В. Д. Соколовым, — в Тверскую губернию. Здесь она изучает и каменноугольные рыбы, и ледниковые отложения, и своеобразные загадочные структуры, не то тектонические, не то ледниковые. В Тверской губернии она работает три года, а в 1910 г. снова переключается на свои родные конечные морены. Снова выходит ряд интересных и важных работ по четвертичным отложениям, но вдруг, в 1913 г., в сборнике в честь В. И. Вернадского, так ею любимого, она помещает статью об южнорусских диатомеях.

Во время первой мировой войны и после Великой Октябрьской революции А. Б. снова работает по четвертичным отложениям, но, чтобы оказать помощь родине, концентрирует все свои усилия на изучении полезных ископаемых, связанных с этими отложениями. Особенно много работает она по торфу. Ей уже физически трудно писать работы, тем более готовить их к печати, но то, что и здесь она оказала большую помощь, явствует из некролога, составленного Торфяным институтом и напечатанного в его «Известиях».

Если бы не было этой безумной многотемности, как много могла бы дать А. Б. по своим любимым четвертичным отложениям. Кто был виновником этой многотемности, сказать трудно. По-видимому, в основном это зависело от ее постоянного руководителя — профессора В. Д. Соколова. И у самого В. Д. Соколова не было единого цикла работ, который послужил бы ему в память.

Однако несомненно, что и сама Анна Болеславовна любила разнообразие в своих работах. Ну кто, например, заставил ее вдруг заняться южнорусскими диатомеями?

А. Б. была первой женщиной-геологом, пострадавшей от многолетию. В свое время она была единственной, сейчас среди наших женщин-геологов от этого страдают, иногда «гибнут» уже сотни, возможно, многие сотни старательных и способных научных работников. Мой искренний совет нашим женщинам-геологам — всеми силами стараться работать в одном направлении и в этом направлении искать разнообразие и новое. Среди наших женщин-геологов много и выдающихся, блестящих исследователей, и все они обязаны своим успехом постоянному, устойчивому направлению в своей научной работе.

Педагогическая деятельность А. Б. была большой и разнообразной, нередко трудной, часто незаметной, но всегда полезной и нужной. По окончании курсов «Коллективные уроки» она остается на них бесплатным ассистентом по кафедре химии у профессора Коновалова, но одновременно помогает и геологам, деятельно участвует также и в административной работе.

Когда «Уроки» были, наконец, реорганизованы в Московские высшие женские курсы и на них был создан геологический кабинет, профессор В. Д. Соколов немедленно пригласил на курсы в качестве ассистента свою верную ученицу Анну Болеславовну Миссуна. Это произошло в 1906 г., и с тех пор А. Б. была неразрывно связана с курсами. Первое время преподавателей было мало и ей приходилось вести практические занятия и по петрографии, и по палеонтологии, и по исторической геологии. Позже она вела занятия только по исторической геологии.

М. Е. Мирчинк писала: «Преобладавшая в А. Б. черта научного исследователя отражалась и на ее педагогической деятельности, значение чего особенно сказывалось в ее умении вовлекать своих учениц в серьезную научную работу. При ее содействии с первых курсов они уже начинали посещать заседания научных обществ. Она всячески помогала пробуждению в них интереса к тематической научной работе, вырабатывала посылки для начинающих темы и делала все, чтобы развить этот интерес дальше. Она доставала соответствующую литературу, ста-

А. Б. Миссуна. Преподавательница Высших женских курсов

ралась предоставить нужный материал и, как *только могла, вела студентов к решению поставленных задач».⁴

Благодаря этому мы находим среди ее учениц ряд выдающихся женщин-геологов. К ним прежде всего относится вся североуральская группа А. А. Чернова, включавшая В. А. Варсанофьеву, Е. Д. Сошкину и Т. А. Добролюбову. Затем можно назвать Д. М. Раузер-Черноусову, М. И. Шульга-Нестеренко, О. Г. Туманскую и много других.

Как это непохоже на то, что делается в настоящее время в наших вузах. По собственному опыту знаю, что если сказать нашим ассистентам, даже самым старательным и способным, что они должны организовать научную работу студентов, они в ответ только рассмеются и скажут: «У нас времени едва хватает на основную работу. Мы не можем организовать научную работу студентов, нам даже самим времени не хватает».

Одевалась А. Б. всегда крайне скромно, в простые темные платья, носила гладкую прическу. Она могла показаться суровой, даже сухой, но на самом деле была

⁴ Там же, с. 12.

необыкновенно глубоким, чутким, нежным и деликатным человеком. А. Б. не знала материнства и не имела собственной семьи, всю силу своей любви она обратила на младших братьев. Им она заменила мать, умершую вскоре после смерти отца. Когда они выросли, она перенесла свою привязанность на племянницу, а затем — на младших сыновей своего друга и руководителя В. Д. Соколова.

Тяжелая непосильная работа с каждым днем подрывала ее здоровье. Тяготы первой мировой войны, а затем гражданской довершили дело — в мае 1922 г. Анна Болеславовна Миссуна умерла. Ей было всего 53 года. Как много еще мог бы сделать этот поразительный и необыкновенный человек!

С польскими геологами меня соединяет долголетняя дружба и взаимное уважение. Я горжусь тем, что избран почетным членом Польского геологического общества. Мои польские друзья сообщили мне об А. Б. Миссуна ряд важных данных.

В Польше А. Б. Миссуну так же ценят и уважают, как и у нас. Много ценных сведений о ней прислал мне академик профессор С. З. Рожицки. Ему удалось найти в Музее Земли в Варшаве биографическую записку младшего брата Анны Болеславовны — Эдварда, за которым она ухаживала в детстве. Записка составлена 10 октября 1928 г. в Варшаве, где брат был директором страхового общества «Полония». Академик С. З. Рожицки был так любезен, что перевел эту записку на русский язык и перевод прислал мне.⁵ Привожу данные, дополняющие материал, изложенный выше.

Отец Анны Болеславовны — Болеслав Миссуна — участник польского восстания 1863 г. Он ненавидел царский режим и эту ненависть передал дочери. До прихода Советской власти она занималась антиправительственной пропагандой и за это даже подвергалась тюремному заключению. И в этом она была первой среди женщин-геологов.

Отец передал А. Б. горячую любовь к родине, к родному краю. Под его влиянием написаны ее первые краеведческие работы.

Далее брат пишет, что, когда А. Б. захотела уехать в Москву, отец и мать противились этому. Они не хотели,

⁵ Личный архив Д. В. Наливкина.

чтобы дочь покинула родной край, но А. Б. настояла на своем. Высшее образование она могла получить тогда проще всего в Москве. В Москву она и поехала.

В Москве она вела не только научную работу. Она окунулась в общественную жизнь, вступила в члены Московского общества испытателей природы и даже принимала участие в работе Международного геологического конгресса в Стокгольме.

Все это показывает, что А. Б. стала высококвалифицированным научным работником. Она пользовалась всеобщим признанием и уважением.

Все идет хорошо до кончины ее наставника и друга профессора В. Д. Соколова, которая явилась для А. Б. тяжелейшим ударом. Здоровье ее портится, она уже не ведет преподавания и большой научной работы. Ей крайне тяжело. Младший брат Эдвард приглашает ее к себе в Польшу. Однако А. Б. опасалась, что в Польше она не сможет продолжать свою научную работу и не получит необходимого для жизни жалования. Быть же бременем для кого-нибудь, по свидетельству брата, она не хотела.

В своем последнем письме брату А. Б. пишет: «Мучит меня страшно невозможность вести научную работу. А ведь тот, кто не движется вперед, — движется назад. Жизнь теряет свой смысл и значение. Иногда ложусь спать и думаю, как было бы хорошо больше не просыпаться».⁶ Почти так и вышло: 2 мая 1922 г. от болезни сердца Анна Болеславовна умерла. Умерла она на даче под Москвой, похоронена на Новодевичьем кладбище, самом почетном кладбище нашей Родины.

Безвременно оборвалась жизнь этой поразительной женщины, первой польской женщины-геолога, первой женщины-исследователя четвертичных отложений, наставницы многих наших женщин-геологов.

⁶ Там же.

Анна Петровна Амалицкая

Анна Петровна родилась в 1861 г. По окончании гимназии она вышла замуж за В. П. Амалицкого, профессора Варшавского университета. После свадьбы они поехали в научную командировку за границу, А. П. — в качестве секретаря своего мужа. С тех пор вся ее жизнь связана с научной деятельностью В. П. Амалицкого, и в частности с созданием уникальной, единственной в мире коллекции пермских пресмыкающихся с Северной Двины. Работа над коллекцией продолжалась и после смерти В. П. Амалицкого (1918 г.), продолжалась еще 20 лет, до кончины А. П. в 1939 г., когда ей уже было 80 лет.

В 1895 г. В. П. Амалицкий открыл на берегу Северной Двины в пестроцветах верхней перми линзы песчаников, содержащие массу конкреций самых различных размеров. При вскрытии конкреций оказалось, что каждая из них включает в центре какую-нибудь кость животного. Было замечено, что конкреции залегают в виде скоплений и каждое скопление — это целый скелет животного паразитической сохранности, да и сами животные необыкновенные, новые, еще не известные науке. В. П. Амалицкий изучил их, описал, определил. С каждым годом коллекция становилась все больше и все разнообразнее. В конце концов В. П. Амалицкий настолько увлекся изучением этих ископаемых животных, что отдал их исследованию всю свою творческую жизнь. Анна Петровна постоянно сопровождала мужа, непрерывно ездила на далекую и суровую Северную Двину, жила в трудных полевых условиях и непрерывно и целеустремленно работала.

Она оказывала мужу огромную помощь, работала с такой беззаветной преданностью и увлечением, что В. П. считал ее своим главным помощником. Работа длилась годами, А. П. уже знала всех найденных рептилий и амфибий не хуже мужа, она сама стала научным работником, но всеми своими трудами, всеми своими огорчениями и радостями она всегда делилась с мужем. В. П. так высоко ценил работу А. П., что, когда ему удалось найти кости совершенно нового, единственного в своем роде животного, он назвал его в честь Анны Петровны *Anna Petri*.

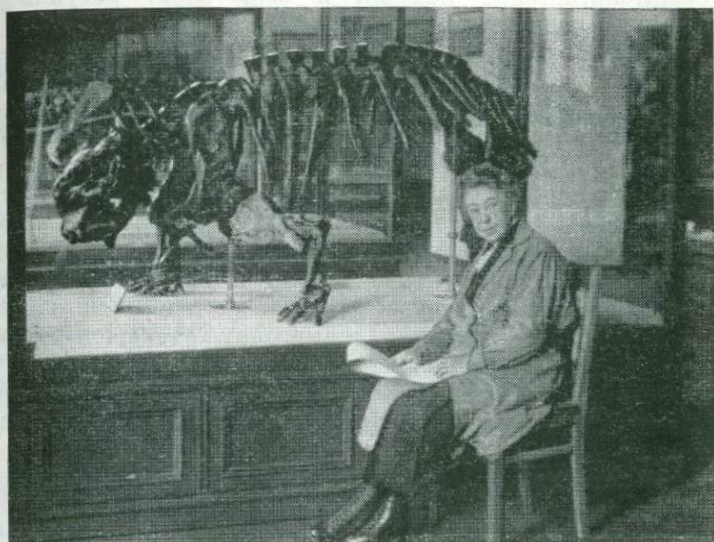

А. П. Амалитская】

Коллекция монтировалась и хранилась первоначально в Варшаве, в университете, где В. П. Амалитский был профессором. Она скоро выросла в большое собрание, заключавшее в себе десятки скелетов. Нигде в мире не было такой коллекции.

Началась первая мировая война. В. П. срочно демонтирует скелеты, укладывает их в ящики и отправляет в глубь России. Часть ранее собранного материала оставалась на берегу Северной Двины. Волнения за судьбу коллекции, связанные с перевозкой, подрывают здоровье В. П. Амалитского и в 1918 г. он умирает.

А. П. остается одна, но это только кажущееся одиночество, она живет коллекцией, коллекция ей заменяет все — и мужа, и семью. Сначала она делает все для спасения коллекции, а затем работает над ее улучшением и пополнением. Ей уже 60 лет, но она все еще полна жизни, полна сил. С большим трудом она монтирует коллекцию в Ленинграде, в Геологическом музее Академии наук СССР.

А. П. Амалитская в музее среди парейазавров

Много раз я водил своих учеников, студентов Горного института, смотреть эту экспозицию, неоднократно ходил один, чтобы понять этих поразительных животных, и каждый раз нас неизменно встречала всегда приветливая А. П. Встречала и показывала экспонаты с таким увлечением и любовью, как будто собственных детей. Да, пожалуй, и на самом деле эти причудливые, необыкновенные животные были дороги ей как дети.

За свою выдающуюся работу и знания А. П. еще в конце прошлого столетия была избрана членом Петербургского общества естествоиспытателей, а позднее, когда она стала сотрудником Ленинградского геологического музея, — членом Палеонтологического общества.

Ф. Ю. Левинсон-Лессинг писал: «Нельзя не упомянуть Анны Петровны Амалитской, которая, не будучи специалистом-геологом, ежегодно с 1895 г. сопровождает своего мужа, профессора геологии В. П. Амалитского, в его экспедициях и таким путем участвует в его полевых работах и раскопках. Она и сама сделала несколько интересных

палеонтологических находок и изготавливает рисунки и таблицы к палеонтологическим работам мужа».¹

В 1934 г. Академия наук переехала в Москву. Спустя некоторое время перевезли туда и Геологический музей. Академик А. А. Борисяк очень ценил собрание В. П. Амалицкого, и благодаря его заботам собрание удалось снова выставить в Палеонтологическом музее. Опять эти удивительные парейазавры и иностранцевии, а вместе с ними и единственная *Anna Petri* поражали и удивляли посетителей музея. В 1937 г. во время Международного геологического конгресса, проходившего в Москве, собрание Амалицкого было одной из главных достопримечательностей, показанных геологам всего мира, съехавшимся на конгресс. В этой демонстрации принимала участие и сама Анна Петровна. После конгресса она вернулась в Ленинград, где жила в Доме для престарелых ученых, и вскоре умерла.

Амалицких сегодня нет с нами, но собрание их живет и увеличивается. Скоро оно переедет в новое, специально строящееся здание Геологического музея, и там оно будет выставлено полностью, чего нельзя было сделать раньше. Наконец, коллекция десятков реконструированных скелетов этих поразительных животных будет доступна всем, она будет поражать и удивлять, как всегда, тысячи посетителей музея. Это будет лучшим памятником А. П. и В. П. Амалицким, посвятившим и отдавшим делу ее создания свои жизни.

¹ Профессор Ф. Левинсон-Лессинг. Женщины-геологи. СПб., 1901, с. 16.

Высшие женские курсы и основатель московской школы геологов А. П. Павлов

Высшие женские курсы играли исключительно важную роль в подготовке русских женщин-геологов. Особенно велико значение Московских женских курсов, давших нашей стране много выдающихся педагогов и ученых-геологов, стратиграфов и палеонтологов, на плечи которых после Великой Октябрьской социалистической революции легла большая работа по развитию советской геологической науки.

Однако прежде чем рассказывать об этих курсах, следует кратко остановиться на состоянии высшего женского образования в царской России того времени, когда возникла московская школа геологов, во многом обязанная своим появлением выдающемуся ученому геологу А. П. Павлову.

Каждый из нас знает и помнит известную картину Н. А. Ярошенко «Курсистка». Она хорошо отражает стремление наших женщин к науке, к знаниям, стремление, которое не могли остановить никакие трудности, никакие лишения. Картина написана в 1883 г., в первые годы существования высших женских курсов. В непогоду, под дождем, идет стройная, приятная девушка. Она скромно одета, почти по-монашески. Осенняя теплая кофта подтянута ремнем, сверху накинута простая темная шаль, голову закрывает небольшая круглая шапка, а под мышкой пачка тетрадей и книг. Она идет и спокойно смотрит вперед, ничто не может ее остановить. Картина хороша.

Высшие женские курсы, на которых учились одни женщины, существовали в семи городах: Москве, Петербурге, Томске, Киеве, Тифлисе, Харькове и Варшаве. Они были тесно связаны с университетами, профессора и преподаватели у них были одни и те же. В этих семи городах кадры преподавателей были наиболее многочисленными, именно поэтому здесь и возникли женские курсы. На курсах были те же факультеты, что и в университетах, но в первые годы геологических факультетов

на курсах не было. В подготовке женщин-геологов основной труд выпал на долю кафедр геологии и палеонтологии. Там, где эти кафедры обладали наиболее сильным и многочисленным составом, там и на женских курсах возникли кафедры геологии, а потом и палеонтологии.

Интересно, однако, почему все женские курсы возникли почти в одно и то же время — во вторую половину 70-х годов? Интересен и такой вопрос: почему ни при одном университете Западной Европы не возникали женские курсы?

Почему курсы появились именно в 70-е годы, более или менее ясно. Борьба за равноправие женщин особенно резко проявилась в 60-е годы, в годы необыкновенного расцвета общественной мысли, но организовать учебные заведения, да еще для женщин, было не так-то просто. Для этого требовалось время, дело затянулось до 70-х годов.

Но почему вообще надо было открывать женские курсы? То, что их не было во Франции, это понятно. В Сорбонне могла учиться любая женщина, но француженки не учились, не хотели учиться. В 80-е годы XIX в. там училась только одна женщина-палеонтолог — Мария Васильевна Гортынская (впоследствии Павлова).

В Германии высшее образование женщин было запрещено, так же как и в России, но женские курсы там никто не открывал, да и желающих учиться на них не было. А в России их открыли, да еще в семи городах, так как женщин, желающих учиться на них, было достаточно. В первые годы, даже десятилетия, это были сугубо общественные организации. Преподавание шло в случайных помещениях, преподаватели, включая ведущих профессоров, работали бесплатно. Постепенно курсы крепили и развивались, и уже к началу нашего века это были хорошо организованные учебные заведения со своими зданиями, своими кадрами, однако ведущие профессора по-прежнему работали бесплатно.

Учебные программы курсов были такие же, как и в университетах, такие же были и факультеты. Все женщины-геологи учились на естественноисторических факультетах. Все будущие геологи концентрировались вокруг геологической и палеонтологической кафедр Москов-

ского и Петербургского университетов, но в первых геологических группах их было совсем немного — по 15—20 курсисток.

В интересной статье, напечатанной в 1901 г., Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, горячий поборник женского образования, перечисляет всех женщин-геологов, окончивших курсы за первые 20 лет их существования.¹ Их оказалось всего 6, это и в Москве, и в Петербурге вместе. За следующие 20 лет курсы подготовили значительно больше геологов, но всё же очень немного. Некоторые из них стали высококвалифицированными специалистами, и помощь их молодой советской геологии, и особенно палеонтологии, как мы увидим ниже, была весьма существенной.

Интересные данные о женских курсах приводит бывшая курсистка геолог В. А. Варсанюфьева. Ее рассказ интересен не только сам по себе, но и как иллюстрация блестящей эрудиции и способностей самой В. А. «Стремление русских женщин к высшему образованию и возникновение высших женских курсов в России связано с революционно-демократическим движением 60-х годов. В 1860 г. появились первые женщины-слушательницы в русских университетах. На это было обращено внимание, и 15 декабря 1861 г. в Министерстве народного просвещения обсуждался вопрос о возможности приема женщин в университеты. Он был решен отрицательно. Не получив на родине доступа к высшему образованию, русские женщины устремились за границу, главным образом в Швейцарию, где в 1867 г. Цюрихский университет и политехникум открыли двери студенткам.

В 1872 г. в Цюрихе училось 108 русских женщин при 20 представительницах всех других национальностей. Это вызвало большое недовольство царского правительства, так как в заграничных, и особенно в швейцарских, университетах русские женщины не только получали доступ к закрытому для них на родине высшему образованию, но и вовлекались в революционное движение и общение с эмигрировавшими туда русскими революционерами. Нелестно было для русского правительства и то, что русских женщин в заграничных университетах ока-

¹ Профессор Ф. Левинсон-Лессинг. Женщины-геологи. СПб., 1901, с. 16.

залось в 5 раз больше представительниц других стран. Правительство отзывает в 1872 г. русских женщин из заграничных университетов и дает разрешение на открытие Высших женских курсов в России.

Помимо ... Петербургских медицинских женских курсов, Лубянских курсов и курсов Герье в Москве в 1876 г. открываются женские курсы в Казани, а в 1878 г. — в Петербурге и Киеве. Но положение этих курсов, открытых „поневоле“, было все же шатким. В 1881 г., после подавления революционно-демократического движения, закрытие всех высших женских курсов было предрешиено. В 1886 г. был прекращен прием новых слушательниц, а в 1888 г. все курсы были ликвидированы, кроме Петербургских, которые отстоял и возглавил Бестужев-Рюмин и которые стали называть Бестужевскими». ² Они просуществовали до первых лет Советской власти и дали нашей стране ряд крупных ученых женщин, но среди них преобладали минералоги и петрографы. Это объясняется составом профессуры, здесь преподавали выдающиеся ученые, будущие академики, основоположники ряда новых научных направлений — петрограф Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, минералоги и геохимики В. И. Вернадский и А. Е. Ферсман, кристаллограф Е. С. Федоров.

История этих курсов заслуживает специального разговора. Нас же сейчас больше интересуют Московские высшие женские курсы, значение которых в подготовке биостратиграфов и палеонтологов исключительно велико.

Московские высшие женские курсы. История Московских высших женских курсов интересна и сложна, особенно в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции, и даже запутана. Так, в 1872 г. М. К. Цветаева поступила на только что открытые Высшие женские естественноисторические курсы при Третьей мужской гимназии. Она была первой курсисткой-геологом. А. Б. Миссуна поступила в 1893 г. на Высшие женские курсы, носившие тогда странное название «Коллективные уроки», и благополучно закончила их в 1896 г.

С течением времени число курсисток увеличивалось. Они начали группироваться вокруг кафедры геологии,

² Варсанофьева В. А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. М., 1974, с. 96.

руководимой таким блестящим профессором, как А. П. Павлов. Несколько позднее, в начале нашего века, возникла кафедра палеонтологии, руководимая М. В. Павловой. Она стала центром подготовки наших первых женщин-палеонтологов, точнее биостратиграфов.

Сколько всего было московских курсисток, точно неизвестно. Некоторые из них по окончании курсов не занимались или почти не занимались геологией, и имена их забыты.

Среди особенно активно работавших в геологии курсисток выделялась «черновская группа», организованная доцентом А. А. Черновым, помощником А. П. Павлова. В ее состав входили такие выдающиеся геологи и палеонтологи, как В. А. Варсанофьева, Е. Д. Сошкина, Т. А. Добролюбова и М. И. Шульга-Нестеренко. С этой группой в начале своей работы были связаны известные специалисты-палеонтологи: Д. М. Раузер-Черноусова, С. Н. Наумова и некоторые другие.

Остановимся на одной любопытной детали из жизни московских курсов. Современники рассказывают, что среди последних курсисток в Москве перед первой мировой войной выделялись две — Е. Молдавская и В. А. Варсанофьева. Е. Молдавская — более спокойная и выдержанная — благодаря своим недюжинным способностям по успеваемости была первой — по всем предметам у нее были одни пятерки. В. А. Варсанофьева уже тогда выделялась своей красотой, живым, огненным характером, любила и умела командовать, но по успеваемости отнюдь не блистала. У нее было много троек, но по предметам, которые ее интересовали, которые она считала важными, она имела круглые пятерки и много читала и работала сверх программы.

По окончании курсов положение резко изменилось. Е. Молдавская, как это часто бывает с круглыми пятерочницами, не сумела сконцентрировать своего внимания, своих сил. Ее геологические работы небольшие, немногочисленные и сейчас почти забыты. В. А. Варсанофьева, наоборот, всю свою жизнь занималась одной тематикой — геологией и геоморфологией Северного и Среднего Урала, и ее многочисленные и большие работы известны всем.

Е. Молдавская и В. А. Варсанофьева — хороший пример того, как важно не только иметь хорошие способности, но и уметь их сконцентрировать и применить на

практике. Для этого нужна только настойчивая, тщательная и длительная работа в одном направлении, по одной тематике.

Здесь уместно остановиться и сказать несколько слов об А. П. Павлове, отчасти уже известном читателю по очерку о М. В. Павловой.

Алексей Петрович Павлов был не только главой высшего женского геологического образования в Москве, но и создателем всей московской школы геологов. С ним мне пришлось встретиться только один раз, в 1911 г., во время экскурсии, организованной А. А. Борисьяком для студентов Петербургского горного института. С его работами встречался я и позже, а с его учениками работаю всю жизнь. Они ставят А. П. на первое место среди советских геологов, я же первое место отдаю А. П. Карпинскому.

Мне А. П. Павлов сразу очень понравился — высокий, прямой, с открытым лицом, высоким лбом, с зачесанными назад волосами, небольшой бородкой и в настоящем профессорском пенсне. Понравился своей горячностью, увлечением, с которым обсуждал спорные вопросы, своей искренностью, своей прямоотой и сердечностью. К нам, студентам, он относился как к себе равным.

Потом так же мне понравились и его книги, такие же ясные, содержательные, увлекающие и разнообразные по тематике. Понравились мне и его ученики, такие же многочисленные и разные, как и его книги, такие же содержательные и интересные, такие же увлекающие и вызывающие споры. Хороша и вся московская школа геологов, созданная А. П.

Для всех московских курсисток А. П. «был царем и богом». Даже самостоятельная, решительная и мужественная В. А. Варсанофьева считала своим учителем лишь одного А. П. По его книгам, еще девочкой, она познакомилась с геологией. А. А. Чернов одно время был ассистентом А. П. И он, и вся его группа тоже училась по работам А. П. Училась геологии у своего мужа и сама М. В. Павлова. Только одна милая, сердечная и простая М. А. Болховитинова не молилась на А. П. Я сначала не мог понять, почему? Сейчас думаю, что М. А., человек глубоко религиозный, действительно молилась только богу и не могла молиться на профессора. Молиться на А. П. она, конечно, не молилась, но то, что она читала,

знала и руководствовалась работами А. П., в этом нет сомнения.

А. П. учил не только курсисток, но и их учителей; он придавал высшему женскому образованию очень большое значение (недаром рядом с ним была М. В.) и делал все возможное в организационном отношении, чтобы помочь развитию женских курсов, улучшить их работу.

Алексей Петрович Павлов родился в 1854 г. Отец его умер рано, и он остался вдвоем с матерью в более чем скромных условиях. Окончив гимназию в 1874 г., поступил в университет на естественное отделение физико-математического факультета. Слушая лекции профессора Г. Е. Шуровского, он увлекся геологией. Тема его дипломной работы — юрские аммониты; за эту работу А. П. получает золотую медаль, а увлечение аммонитами сохраняется у него на всю жизнь.

В 1879 г. А. П. кончает университет, а в 1880 г. поступает в него на должность хранителя Геологического кабинета. Через два года он уже читает лекции на Высших женских курсах. Летом 1884 г., после блестящей защиты магистерской диссертации, он в первый раз едет за границу, в Париж, в знаменитую Сорбонну. Здесь он знакомится со своей будущей женой Марией Васильевной, с которой, как пишет В. А. Варсанофьева в своей книге об А. П. Павлове, он «прошел рука об руку не только как с любимой супругой, но и как с другом и товарищем по работе».

В 1886 г. А. П. исключительно успешно защищает докторскую диссертацию по юрским аммонитам Поволжья. Его приглашают на работу в Геологический комитет — единственное специальное геологическое учреждение России. Это была большая честь. Одновременно его избирают профессором Московского университета. На этом посту он остается до конца своей жизни.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед советской геологией новые, блестящие перспективы. А. П. понимает это и с необычайным увлечением погружается в работу. Однако он уже не молод, здоровье подорвано, и порыв к новому был недолгим. В 1929 г. Алексей Петрович умер, оставив о себе блестящую память.

Жизни А. П., его научным трудам посвящено много книг и статей, но лучшая из них — биография, написан-

ная В. А. Варсанофьевой. Книга называется «Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии», издана она в Москве в 1947 г. В ней детально описана жизнь А. П., обстоятельно общедоступно изложено содержание всех его работ, показано их значение для развития мировой науки.

Вера Александровна всю жизнь боготворила Алексея Петровича, искренне любила его и посмертной биографии его отдала все свое умение, весь свой талант, все свое сердце. Книга получилась великолепной, это лучшее произведение Веры Александровны.

Однако вернемся к истории становления московской школы женщин-геологов, в подготовке которых значительную роль сыграл Народный университет Шанявского.

Университет Шанявского. Это своеобразное дореволюционное высшее учебное заведение России. Как уже отмечалось, при царизме доступ в высшие учебные заведения России, в том числе и в Московский университет, был весьма ограничен, для мужчин существовал ряд ограничений, а прием женщин был вообще запрещен. Именно поэтому в 1906 г. видный общественный деятель на ниве просвещения А. Л. Шанявский завещал громадную сумму для организации «Народного университета». Позже этому университету было присвоено его имя. Доступ в университет был открыт всем, без всяких ограничений. При приеме никаких документов не требовалось, нужно было только желание учиться, получить высшее образование, стать полезным своей родине. В него принимались все, независимо от пола, национальности и образования. Зато по окончании никаких дипломов не выдавалось. Человек просто получал высшее образование, и все.

В 1911 г. в университет Шанявского перешли многие передовые преподаватели, ушедшие из Московского университета в знак протеста против реакционных мероприятий министра просвещения Кассо. Преподавание здесь велось на очень высоком уровне. Среди профессоров был ряд выдающихся ученых, стремившихся передать свои знания народу. Достаточно вспомнить такие имена естественников, как М. В. и А. П. Павловы (позже А. П. Павлов передал кафедру А. П. Иванову, отцу Е. А. Ивановой, которая и сообщила мне эти данные), А. Е. Ферсман, Г. В. Вульф, Я. В. Самойлов, Н. К. Кольцов, С. Н. Рефор-

матский, П. П. Лазарев. Не менее высококвалифицированными были кадры и на физико-математическом и гуманитарном отделениях.

Сначала университет размещался в наемных помещениях, но затем для него было построено новое, прекрасное здание, с новейшим оборудованием.

После Октябрьской революции, когда все вузы стали доступны народу, необходимость в существовании университета Шаняевского отпала, и он был слит с Московским университетом; в освобожденном здании разместился Коммунистический университет.

С Высшими женскими курсами, где могли учиться только женщины, университет Шаняевского связан не был. Университет Шаняевского дал высшее образование некоторым известным женщинам-геологам, и среди них в первую очередь следует назвать М. А. Болховитинову и Е. А. Иванову.

После Октябрьской революции все московские курсистки приняли активное участие в строительстве новой жизни. Среди них не было ни одной эмигрантки. Особенно активно занимались они подготовкой кадров, в которых молодое социалистическое государство очень нуждалось.

Мария Александровна Болховитинова

В начале 30-х годов мне надо было серьезно познакомиться с геологией Подмосковского угольного бассейна. Мне сказали, что лучше всего ее знает М. А. Болховитинова. И вот я уже в Москве, в университете; нахожу Марию Александровну, она приветливо встречает меня, начинаем разговаривать, но ее все время отвлекают, все время к ней приходят, то студенты, то преподаватели. Наконец, она не выдерживает, весело смеется и говорит: «Нет, здесь ничего не выйдет, меня в покое не оставят. Приходите лучше ко мне домой, попьем чайку и поговорим как следует», — дает адрес, где-то на Таганке.

Прихожу на Таганку — высокий, пологий холм, весь в узких небольших извивающихся улочках, сплошь застроенных небольшими, но крепкими каменными домами, одноэтажными и двухэтажными, очень приятными. Они мне напоминают Муром. Таганка была тогда центром московского купечества средней руки, а отец М. А. был прасолом — оптовым скупщиком. Наконец, нахожу улочку, дом, кажется одноэтажный, но с большим полуподвалом. Вхожу, Мария Александровна приветливо встречает, улыбается: «Ну как Вам Таганка понравилась? У Вас в Ленинграде таких нет!». Я, отвечая, тоже улыбаюсь: «Да, что-то не заметил, а вот Муром, родину моей жены, она действительно напоминает». Проходим в кабинет, небольшой, уютный и спокойный, говорим час, другой, время идет незаметно. Мария Александровна знает много, и с ней говорить приятно, но вот зовут пить чай. Идем в столовую. С удовольствием отмечаю: «Какой у Вас хороший дом!». Она с гордостью отвечает мне: «Отцовский, всю жизнь прожили в нем». Чай был вкусный, домашнее печенье еще вкуснее.

Так с Марией Александровной я и познакомился. Много раз потом я встречался с ней, и с каждым разом она нравилась мне все больше и больше, с каждым разом росло мое уважение к ней — крупному ученому и поразительно хорошему человеку.

М. А. Болховитинова родилась в 1877 г. в Москве. Отец дал ей среднее образование; когда же пытливая,

Профессор М. А. Болховитнова.
[Конец 30-х годов

наблюдательная девушка захотела учиться дальше, отец категорически запретил: «Тебе надо семью разводить, а не заниматься всякими науками». Однако дочь со своим решительным и настойчивым характером отцу не уступила: «Я все равно буду учиться!». Тот рассердился: «Ну и учись, как хочешь, не дам тебе ни копейки!». Она спокойно ответила: «И не надо, проживу сама», и ласково: «Ты, папочка, не сердись, мне так хочется учиться!».

И вот Мария Александровна уходит из дома, дает уроки, берется за любую работу, немного зарабатывает и учится, учится с увлечением. В 1907 г. (в том же году и я поступил в Горный институт) она поступает в университет Шанявского на геологическое отделение.

По предложению профессора А. П. Иванова и под его руководством Мария Александровна начинает работы в Подмосковном бассейне. С самого начала она собирает богатую и разнообразную фауну, увлекается ею, и это

определяет всю ее дальнейшую жизнь и научную деятельность.

Хотя М. А. и увлекается геологией и палеонтологией Подмосковья, очень много сил она отдает и педагогической деятельности. В 1911 г. она становится ассистентом университета Шанявского по кафедре геологии.

Осенью 1912 г. М. А. поступает на Высшие женские курсы, в 1916 г. она их заканчивает и, наконец, получает долгожданный диплом. Будучи курсисткой, М. А. помогает А. Б. Миссуна вести практические занятия по исторической геологии.

В 1918 г., после ликвидации женских курсов, М. А. зачисляется, наконец, ассистентом на кафедру геологии Московского университета. С этого года и начинается, собственно, ее педагогическая карьера. В 1919 г. М. В. Павлова приглашает ее ассистентом к себе, на кафедру палеонтологии, а А. Н. Рябинин — для чтения лекций по палеонтологии в Московскую горную академию.

В Академии (учебное заведение) она ведет и другие занятия, организует также и палеонтологический кабинет. В 1929 г. М. А. начинает читать основной курс палеонтологии в Московском университете, а в 1930 г., с момента основания Московского геологоразведочного института (МГРИ), переходит в него, и вся ее дальнейшая педагогическая деятельность уже связана с ним. В 1930 г. она утверждается в звании доцента, в 1935 г. — в звании профессора палеонтологии и ей присваивается степень кандидата наук. В 1938 г. М. А. становится заведующей кафедрой палеонтологии и на этом высоком посту работает 20 лет, до последних дней жизни. Преподает она всегда весело, с увлечением. Ее педагогическая деятельность почти не уступает деятельности самой М. В. Павловой. Ее многочисленные ученики рассеяны сейчас по всей нашей необъятной родине, и все они вспоминают о ней с добрым чувством и глубоким уважением.

Н. В. Литвинович в адресованном мне письме вспоминает: «Мария Александровна была человек, очень увлеченный палеонтологией. Лекции она читала с большим вдохновением и старалась вложить в студенческие сердца любовь к палеонтологии. Когда студент плохо

отвечал, она очень огорчалась. Помню такой эпизод на экзамене. Студентка не ответила на вопрос, какие современные кораллы она знает, и в частности о благородном красном коралле. Тогда М. В. показала на ожерелье, которое у нее было на шее. Студентка, не задумываясь, ответила: «Это шлифованные камушки». Надо было видеть возмущение Марии Александровны, она воскликнула: «Да это же кощунство не знать такого!» Это было сказано с таким негодованием, что студентка сразу бросилась в слезы. Слезы смягчили сердце Марии Александровны, она рассказала ей, что это красный коралл, и даже поставила отметку».¹

М. И. Щербакова, слушавшая лекции М. А. в 1936—1937 гг., пишет: «Эти лекции проходили очень красочно и увлекательно. Мария Александровна всегда старалась оживить палеонтологию и представить нам вымерших животных, чтобы мы поняли, как они жили, чем питались, как дышали...»

На всю жизнь я сохранила чувство большой благодарности к М. А. как к ученому и как к человеку, всесторонне и широко образованному. Она хорошо знала историю страны, художественную литературу, прекрасно читала стихи русских классиков, импровизировала свои стихи и превосходно знала живопись и музыку, хорошо танцевала и играла на рояле».²

М. А. любила собирать учеников у себя дома. Эти собрания превращались в увлекательные беседы о музыке, литературе и живописи. Сама М. А. была очень эрудирована в этих областях, нередко эти собрания превращались в музыкальные вечера.

Научная работа М. А. также весьма значительна. Правда, она осложнялась громадной педагогической нагрузкой, но тем не менее ею опубликовано более 20 работ. В большинстве своем они палеонтологические и связаны с Подмосковьем. Уже в начале 30-х годов М. А. становится лучшим специалистом по фауне палеозоя Подмосковья. Ей поручаются самые ответственные работы. Когда в Москве на Ордынке бурится исключительно важная скважина, в обработке собранного мате-

¹ Личный архив Д. В. Наливкина.

² Там же.

риала принимают участие ведущие ученые Москвы, и среди них М. А. Бурятся скважины под Дворец Советов — их материал обрабатывает М. А., проходитя Метрополитен — опять привлекается Болховитинова.

Много сделала М. А. и для познания карбона Казахстана. Ее увлечение фауной карбона хорошо отражено в дружеском шарже. На нем М. А. изображена в шикарной шляпе из гигантской фузулиниды, в роскошном длинном платье, отделанном фораминиферами, и с веером из гигантской мшанки. Такого «наряда» не удостаивался ни один палеонтолог. Этот рисунок очень нравился и самой М. А. На обороте рисунка ее рукой написано стихотворение, очень созвучное ей («Из Майкова?»):

Ночь смотрит тысячами звезд,
а день глядит одним.
Но солнца нет, и на Земле
тьма стелется, как дым.
Ум смотрит тысячами глаз,
Любовь глядит одним.
Но сердца нет и нет любви,
и дни плывут, как дым.

Стихи хороши и своеобразны, так похожи на творения М. А., что невольно возникает мысль, а не написала ли она их сама? Очевидно, недаром у ссылки на Майкова поставлен вопросительный знак. Сейчас рисунок хранится у А. Н. Золкиной.

В 1952 г. во МГРИ торжественно отмечалось 75-летие Марии Александровны. В том же году она оставила преподавательскую работу, но осталась в Москве. М. А. — блестящий пример коренной москвички: в Москве она родилась, в Москве училась, в Москве всю жизнь работала, в Москве провела последние годы жизни и в Москве в 1957 г. умерла.

Качество научных работ, преподавания, да и всего, что делала М. А., было очень высоким. Ее красочные, живые лекции увлекали слушателей. В своих исследованиях она впервые в России применила новый метод кислотной обработки известняков. Благодаря ему М. А. получила колонии мшанок и раковинки брахиопод исключительной сохранности и микроскопических размеров. Это позволило ей сделать ряд ценнейших наблюдений по онтогенезу, восстановить развитие ряда форм

М. А. Болховитинова. Дружеский шарж к юбилею

чуть ли не с эмбриональных стадий. Коллекции, собранные М. А., до сих пор составляют гордость Палеонтологического музея АН СССР.

Всю жизнь М. А. была одинока, своей семьи у нее не было. Семью ей заменили научная работа и преподавание, но даже и на этих двух «детей» у нее времени не хватало. М. А. была исключительно приятным и хорошим человеком, простым, искренним и доброжелательным, но в то же время, когда это было нужно, она становилась строгой и непреклонной. У меня о ней остались самые хорошие воспоминания; встречаться с ней всегда было приятно. На всю жизнь я сохранил самое глубокое и искреннее уважение к ней. Лучше ее людей мало.

М. А. была очень своеобразным человеком. В частности, она была глубоко и искренне религиозна. Такой

она была в детстве, такой осталась на всю жизнь. Она соблюдала все церковные правила, исполняла все церковные обряды, серьезно веруя в их громадное значение; особое внимание она обращала на помощь бедным. Я думаю, что и преподаванием она увлекалась потому, что в свое время это тоже была помощь неимущим, но только не деньгами, а знанием. Оказывала она и материальную помощь, причем в больших размерах. В расцвете своей деятельности М. А. иногда зарабатывала довольно много всякими определениями и консультациями, жила же она всегда очень скромно, все лишние деньги шли на помощь бедным. За десятки лет она помогла очень большому числу людей. Ее все любили и уважали при жизни, а на похоронах, проходивших с торжественным церковным ритуалом, ее провожали не только близкие, сотрудники и ученики, но и большое число людей, которым она помогала.

Александр Александрович Чернов и черновская группа

Коренной горняк, геолог-уралец Александр Александрович Чернов родился в 1877 г. в Соликамске, на западном склоне Урала. Его отец — управитель Соликамского солеваренного завода — окончил Екатеринбургское горное училище, так же как и дед А. А. Чернова — Н. А. Чернов. Сам Александр Александрович был представителем третьего поколения черновской династии горняков, а его сын — Георгий Александрович — четвертого. Он с честью продолжил работы отца в Печорском крае. Такая многоступенчатая преемственность встречается редко.

С детских лет А. А. принимал участие в геологических работах отца на Урале, и по окончании Пермской гимназии вопрос о выборе специальности был для него ясен. Он мог быть только геологом и работать только на Урале. Так оно и вышло. Единственный раз он соблазнился экзотикой и изменил Уралу, было это в 1907—1908 гг., тогда он путешествовал с П. К. Козловым по Центральной Азии. Однако уже в 1909 г. А. А. возвращается на Урал и с тех пор его не покидает. До Великой Октябрьской революции он преимущественно работал недалеко от своей родины — Соликамска, охватывая исследованиями и Уфимское плато, после Октябрьской революции он работал только на Севере, распространяя свои исследования на весь Печорский край — от Северного Урала до Тимана включительно.

Геологические исследования А. А. носили региональный характер и всегда сопровождались целеустремленным, настойчивым поиском полезных ископаемых. Эти поиски увенчались блестящим результатом: А. А. открыл Печорский угленосный бассейн и доказал его промышленное значение; честь его открытия принадлежит Александру Александровичу. Сейчас Печорский бассейн имеет всесоюзное значение, а во время Великой Отечественной войны имел и международное.

Я встречался с А. А. несколько раз, и всегда меня поражали его живость, неисчерпаемая энергия, его огненный характер. Если он считал, что что-нибудь надо сделать, его нельзя было остановить ничем.

Своеобразной особенностью всех работ, проводимых А. А., было преобладание в них женщин, причем непременно его учениц по Высшим женским курсам, а затем и по университету. Чаще всего он привлекал к ним В. А. Варсанофьеву как более разностороннюю и энергичную, но никогда не забывал и Е. Д. Сошкину, и Т. А. Добролюбову, а позже его нередко сопровождала М. И. Шульга-Нестеренко.

Это было полезно в двух отношениях. Во-первых, А. А. таким образом подготовил и дал русской геологии ряд выдающихся специалистов. Во-вторых, на этом выигрывал и сам А. А. — его сотрудницы работали исключительно хорошо, нередко самоотверженно.

При всей практической направленности работ А. А. «всю жизнь глубоко интересовался различными общепалеонтологическими вопросами, разрешаемыми палеонтологической наукой, и задачами палеонтологии в области стратиграфии. В разные годы он публикует статьи, освещающие различные направления и задачи палеонтологических исследований».¹

Особенно интенсивно работа А. А., конечно, проходила летом, во время полевых исследований, но и зима была достаточно насыщена. У него была хорошая семья: внимательная, заботливая жена, сын и дочь, воспитанию которых он уделял много внимания. Очень много времени уходило на преподавание, и особенно на Высших женских курсах и в университете. На курсах он заведовал кафедрой геологии и читал курс эволюционной палеонтологии. В 1934 г. А. А. оставил преподавание и сконцентрировал свои камеральные и полевые работы в Коми филиале Академии наук СССР.

А. А. Чернов первый указал на нефтеносность громадной области, лежащей между Тиманом и Уралом, когда еще студентом работал на Ухте вместе со своим учителем А. П. Павловым. Это мнение он высказал в 1909 г. в статье «Условия залегания печорской нефти». Позже он неоднократно обосновывал свое мнение.

В 1942 г. в докладе на геологической конференции в Коми АССР А. А. отметил, что нефтеносные фации

¹ Астрова Г. Г. Мария Ивановна Шульга-Нестеренко (1891—1964). Некролог. — Палеонтолог. журн., 1965, № 2, с. 157, 158.

Южного Тимана широкой полосой уходят в Большеземельскую тундру. В 1943 г. он проводил геологическое исследование Вуктыльской и других структур и указал на перспективность их в отношении нефтегазоносности. Эти указания блестящие подтвердились открытием крупного газоконденсатного Вуктыльского месторождения.

Незадолго до Великой Отечественной войны умерла первая жена А. А. Чернова. Несколько лет спустя он женился на своей сотруднице, постоянной спутнице М. И. Шульга-Нестеренко.

Для характеристики отношения А. А. к своим ученицам можно привести, например, его знакомство с М. И. Шульга-Нестеренко. Это было в 1913 г. М. И. уже была на курсах четвертый год. Прослушав доклад в кружке В. А. Варсанофьевой, она увлеклась геологией, ей захотелось заниматься ею, но для этого нужен был реферат. М. И. направили к А. Б. Миссуна, и ей она показала свою статью. А. Б. знала эту статью, удивилась, что М. И. не пришла к ней раньше, а появилась только на четвертом году обучения, и сразу же предложила ей работать в геологической лаборатории, сказав при этом, что она может остаться при курсах после окончания. Ей было предложено обратиться к А. А. Чернову, который был профессором на Высших женских курсах и которого М. И. побаивалась.

А. А. Чернов поручил ей обработку аммонитов артинского яруса из своих сборов и показал, как надо препарировать окаменелости. М. И. пишет в дневнике: «Препарировка мне очень понравилась, и я ушла только через 3 часа, унося на своем синем балахончике геологическую пыль, а в душе — радость и удовлетворение. С этих пор (осень 1913 г.) я начала проводить в кабинете по несколько часов. Чернов почти каждый раз приходил ко мне и подолгу сидел, много рассказывал. Первый раз за свою курсовую жизнь я встретила профессора, который был так прост; меня поражало, что он не следит по часам за каждым своим словом, не торопится с деловым видом. Передо мной был человек, страстно любящий свое дело, курсы, своих аммонитов. Я чувствовала, как предан он науке, и не стеснялась обращаться к нему с распросами, не боялась показаться невеждой — так старательно и со вниманием разбирал он каждое мое сомне-

ние. Все существо мое оживало и раскрывалось в геологическом кабинете, в атмосфере труда, науки, дружелюбных, простых отношений».² И далее: «Мне хорошо теперь, и по временам я страшно жалею, что раньше не пришла сюда, в мой милый, такой дорогой и близкий геологический мир... Дни мои так полны теперь, что я благословляю судьбу и пока не мечтаю ни о чем лучшем».³

«Александр Александрович Чернов, — писала Г. Г. Астрова, — работал до последних дней своей жизни, сохраняя всегда душевную молодость, ясность мысли и энтузиазм в работе. Он был очень скромен и никогда не стремился к внешним почестям и «карьерным» успехам. Его отличал прямой и открытый характер и неизменно доброжелательное отношение к людям. Труд всей жизни А. А. снискал ему глубокое уважение среди геологов и палеонтологов и огромную популярность, особенно в пределах республики Коми, над исследованием природных богатств которой он работал до конца своих дней».⁴

Александр Александрович умер в 1963 г., когда ему было 86 лет. В том же роковом для черновской группы году умерли и М. И. Шульга-Нестеренко, и Е. Д. Сошкина.

Начиная разговор о группе профессора А. А. Чернова, я испытывал некоторые сомнения относительно ее названия. Все женщины-геологи, входившие в состав этой группы, — В. А. Варсанофьева, Е. Д. Сошкина, Т. А. Добролюбова, М. И. Шульга-Нестеренко — настолько самостоятельны, настолько самобытны, что подчинять их А. А. Чернову как-то неудобно. Но все они первую половину своей научной деятельности работали под его руководством, по его методике, в его области, да и в моей памяти все они настолько связаны друг с другом, что название «черновская группа» оправдано.

Начало группе положил профессор А. П. Павлов, которому принадлежат и многие другие хорошие начинания. Еще в 1909 г. В. А. Варсанофьева, курсистка вто-

² Дневник М. И. Шульга-Нестеренко. Личный архив А. И. Осиповой (г. Москва).

³ Там же.

⁴ Астрова Г. Г. Мария Ивановна Шульга-Нестеренко (1891—1964). Некролог. — Палеонтолог. журн., 1965, № 2.

А. А. Чернов с сотрудниками в Коми филиале АН СССР

Крайняя слева — В. А. Варсанофьева, крайний справа — А. А. Чернов

рого курса, его ученица, отправляясь в поездку по р. Каме, просила совета А. П., что посмотреть. Он познакомил ее со своим ассистентом А. А. Черновым. В то время Александр Александрович Чернов уже был увлечен Уралом. Свое увлечение он передал и В. А. Варсанофьевой. В 1911 г. она упростила его устроить летом экскурсию курсисток на Урал. Он согласился, и будущие члены группы в первый раз поехали на Северный Урал, в Печорский край, но это была только экскурсия. Настоящие работы в Печорском крае черновская группа начала только после окончания гражданской войны, в 1923 г.

После экскурсии А. А. Чернов поручает В. А. Варсанофьевой самостоятельные работы по изучению Уфимского плато и его полезных ископаемых. Через год к этим работам привлекается и Е. Д. Сошкина. Под руководством Александра Александровича они работают на Уфимском плато до 1915 г. В 1917—1918 гг. А. А. Чернов и В. А. Варсанофьева едут на Средний Тиман, а с 1923 г. — по поручению известного минералога и геохимика А. Е. Ферсмана — начинают систематическое

исследование Печорского края и его богатств. С самого начала к этим работам привлекаются Т. А. Добролюбова и Н. Н. Иорданский. В 1925 г. В. А. Варсанофьевой и Н. Н. Иорданскому поручается изучение южной части Печорского края, Е. Д. Сошкиной и Т. А. Добролюбовой — его средней части. В северной части работает сам А. А. Чернов со своей спутницей палеонтологом М. И. Шульга-Нестеренко. В 1924 г. в партии Е. Д. Сошкиной работает коллектором сын А. А. Чернова, Георгий Александрович. В 1926 г. он проходит студенческую практику в партии отца и с тех пор непрерывно работает в Печорском крае. Им открыто крупное каменноугольное месторождение на р. Воркуте и выявлены признаки нефтеносности Усинского участка в Большеземельской тундре. В 1930 г. к работам группы присоединились В. В. Коперинка и Е. А. Шебарова. Последовательность работ, проводившихся в тяжелых и сложных условиях, очень живо описана Г. А. Черновым.⁵

В таком составе черновская группа работала с 1923 г. по 1932 г. — целых десять лет. В 1932 г. Е. Д. Сошкина полностью переключается на изучение кораллов. Уходит на палеонтологию и Т. А. Добролюбова. В то же время полевые работы в Печорском крае оставляет и М. И. Шульга-Нестеренко, и черновская группа распадается, но сам А. А. Чернов продолжает свои исследования в Коми АССР до последних дней жизни (1963 г.); еще дольше здесь работают В. А. Варсанофьева и Г. А. Чернов.

Результаты работ черновской группы исключительно велики как в научном, так и в практическом отношении. Ее членами составлены геологические карты таких областей Северного Урала, которые ранее были почти не известны. Собраны богатейшие палеонтологические коллекции. Весьма ценны данные по стратиграфии палеозоя, тектонике и геоморфологии. Группой открыты новые угольные месторождения: Вуктылское и ряд верхнепалеозойских месторождений, слагающих обширный и важный Печорский каменноугольный бассейн.

Честь открытия этого бассейна принадлежит А. А. Чернову. Я помню, как в начале 30-х годов на заседании Ученого совета Геологического комитета (ныне ВСЕГЕИ) шел ожесточенный спор о значении Печорского бассейна.

⁵ Чернов Г. А. Полвека в Печорском крае. Сыктывкар, 1974.

А. А. Чернов горячо доказывал его громадное значение. Его противник (уже не помню его фамилию) возражал, считая, что пласты угля здесь непостоянны, уголь плохого качества и запасы его незначительны. Время доказало справедливость выводов А. А. Чернова, и сейчас Печорский бассейн снабжает углем весь наш Север, хотя уголь и на самом деле не всегда первоклассный.

Значение Печорского бассейна неоспоримо. Не менее значительны заслуги А. А. Чернова и в подготовке первых женщин-геологов. Четыре таких выдающихся ученых, как В. А. Варсанофьева, Т. А. Добролюбова, Е. Д. Сошкина и М. И. Шульга-Нестеренко, — это большое достижение.

Лучшей оценкой членов черновской группы служит тот факт, что последние три палеонтолога, входившие в ее состав, были приглашены академиком А. А. Борисяком в организованный им Палеонтологический институт (ПИИ). А. А. Борисяк и его ближайшая помощница по организации института ученый секретарь Т. Г. Сарычева были очень требовательными людьми и приглашали к себе только выдающихся специалистов.

Но этого мало. Несмотря на протесты многих геологов, А. А. Борисяк добился включения Палеонтологического института в состав Отделения биологии Академии наук СССР. Он правильно считал, что палеонтология — это биологическая наука. Соответственно он требовал от своих сотрудников и усиления биологического направления в их работе. Если он кого-то приглашал, то, значит, считал, что приглашенный им специалист должен и может усилить биологическую направленность своих исследований. Очевидно поэтому он сначала пригласил Е. Д. Сошкину и Т. А. Добролюбову и только потом М. И. Шульга-Нестеренку. У М. И. склонность к преподаванию всегда была более яркой и сильной, чем у двух первых.

Надо сказать, что ожидания А. А. Борисяка все трое с успехом оправдали. Все трое большое внимание обратили на филогенез и онтогенез и их взаимную связь. Все трое очень много сделали для детальнейшего изучения внутреннего строения скелетных образований. Единственно, что они недооценили, как недооценивал и сам А. А. Борисяк, — это экологические исследования. Правда, они иногда велись, но явно в недостаточном объеме. Очень мало опять-таки у них данных о строении мягкого

тела животных. Восстановление мягких частей тела, внутренних органов, конечно, очень трудно, но по скелетным образованиям вполне возможно.

У всех четырех членов черновской группы, «черновского монастыря», как их тогда в шутку называли, таких своеобразных и непохожих, была одна общая особенность — у них не было детей. Они ушли из жизни, и после них остались лишь научные труды.

Вместе с Е. Д. Сошкиной с 1929 г. по 1932 г. работает Н. В. Литвинович. Позже она принимает участие в составлении описания геологической карты, а в 1937 г. публикует описание девонских брахиопод. В своих воспоминаниях она пишет: «Я любила их обеих (Е. Д. Сошкину и Т. А. Добролюбову), но большую нежность питала к Елизавете Дмитриевне за ее более теплое и дружеское отношение к людям, несмотря на их возраст. Татьяна Алексеевна также очень хороший человек, но она была несколько суше, серьезнее, более официальна и особых вольностей со студентками не допускала. Я с обеими работала с удовольствием. Мне нравилась их преданность своей работе, аккуратность, и я многому у них научилась и до сих пор с благодарностью вспоминаю время, проведенное в их обществе. На Печоре под их руководством я проработала четыре года, но и позднее не теряла с ними связь, особенно с Елизаветой Дмитриевной, которая была моим научным руководителем».⁶

Интересны воспоминания Т. Г. Сарычевой, также учившейся в Московском университете с 1921 г.: «Вся черновская группа существовала в МГУ как-то обособленно и называлась обычно иронически „монастырем“. Я помню некоторые куплеты, которые исполнялись на одном из студенческо-преподавательских кабаре в Татьянин день. Студентов в то время было очень мало, мы тесно общались со всеми преподавателями и устраивали совместные встречи Нового года и Татьянина дня. Приведенные ниже куплеты пели два хора — мужской и женский — на церковный мотив, подобно тому как во время церковной службы перекликаются два клироса:

Наш монастырь заветный,
Для всех мужчин запретный,
Но все же не бездетный.

Папаноцера, папаноцера!

⁶ Письмо к автору книги. Личный архив Д. В. Наливкина.

Суровы наши скиты,
Живут в них троглодиты,
Нечесаны, немывы,
И вместо Афродиты
У них лишь аммониты.

Перисфинктес павлови, пересфинктес павлови,
перисфинктес павлови!

Отец наш аммонитный,
Хлеб нынче есть уж ситный,
С изюмом, аппетитный.

Парапроноритный, парапроноритный,
парапроноритный!

Наша мать святая,
Игуменя честная,
Вся мелколопастная.

Медликоттия, медликоттия, медликоттия!

А наша мать святая,
Но тут мы умолкаем
и молвить не дерзаем

Про копытницу, про копытницу,
про копытницу!⁷

Последний куплет касался уже, конечно, М. В. Павловой.

В 1917 г. под руководством А. А. Чернова и В. А. Варсанюфьевой на Тимане работает Д. М. Раузер, а несколько позже, в 1926 г., в Печорском краю — С. Н. Наумова, которую товарищи с любовью называли «Сонечка». Обе они впоследствии стали выдающимися специалистами палеонтологами.

Кроме того в различное время в составе черновской группы работали и другие женщины-геологи, менее известные. Это еще более подчеркивает то огромное влияние, которое черновская группа оказала на подготовку первых женщин-геологов.

Наиболее своеобразным членом этой группы была Н. А. Емельянова, по образованию химик, а по специальности — писательница. Ее перу принадлежат очень хорошие и интересные очерки о В. А. Варсанюфьевой, Е. Д. Сошкиной и других. В ответ на просьбу сообщить мне некоторые данные, она любезно прислала письмо, в котором пишет: «В первые годы моего пребывания на Высших женских курсах я меньше встречалась со слушательницами цикла геологии; поступала я на естественное отделение физико-математического факультета по циклу химии, и прочная дружба у меня установилась с курсист-

⁷ Там же.

ками-химичками. Постепенно, узнав о замечательных экскурсиях, какие проводит В. А. Варсанюфьева, я стала постоянным их участником, а впоследствии настолько заинтересовалась геологией, что сделала ее второй своей специальностью.

В геологическом кабинете я встречалась с Татьяной Алексеевной Добролюбовой, А. Б. Миссуна, Еленой Молдавской, с Марией Ивановной Шульга-Нестеренко. Но лучшие мои воспоминания принадлежат Елизавете Дмитриевне Сошкиной и Вере Александровне Варсанюфьевой. Вы предполагаете, что я хорошо знаю „всю черновскую группу“. Да, это так, но знаю главным образом в те годы, когда участвовала в экспедиции А. А. Чернова на Тиман. В 1917 году в нее входили В. А. Варсанюфьева и Е. Д. Сошкина, уже известные тогда геологи, а я и Дагмара Раузер были коллекторами. В 1918 г. экспедиция продолжалась уже без Веры Александровны». ⁸

В своем письме к Н. А. Емельяновой я писал, что считаю главными помощницами и сотрудницами А. А. Чернова В. А. Варсанюфьеву, Е. Д. Сошкину, Т. А. Добролюбову и М. И. Шульга-Нестеренко. В ответ Н. А. пишет: «Совершенно соглашаясь с Вашим определением „главных черновских женщин“, хочу прибавить к ним имя пятой — Дагмары Максимилиановны Раузер-Черноусовой, отдающей и до сих пор все свои знания и силы любимой палеонтологии, человека одаренного, отличающегося особенно необходимым геологу характером — стойким и в то же время мягким, какой привлекал к ней впоследствии студентов и создал многих научных работников из ее учеников. Самая отличительная ее черта — это увлеченность своей наукой. Изучению раковин фораминифер она посвятила всю жизнь, как и распределению их по возрасту; всегда принципиальна в оценке работ своих учеников и сотрудников, которыми она руководит со щедростью, помогая им в достижении точных научных результатов». ⁹ К этой характеристике Дагмары Максимилиановны можно только присоединиться.

Далее Н. А. опять справедливо отмечает: «Когда сейчас я вспоминаю этот ряд блестящих геологов-женщин, хочу отдать должное таланту А. А. Чернова угадывать

⁸ Личный архив Д. В. Наливкина.

⁹ Там же.

настоящих работников науки в молодых девушках, занимающихся под его внимательным и ободряющим руководством».¹⁰

На мой вопрос, кого Н. А. ставит выше всех из черновской группы, она пишет: «Мне трудно отвечать Вам более глубоко о моем отношении к упомянутым мною замечательным женщинам. В этом перечне их, какой я могу дать Вам, отсутствует главное, то „личное“, что сопровождает нас, встретивших в юности человека выдающегося не только успехами в своей специальности, а тем обаянием личности, какое делает его тебе другом. Человеческие его качества становятся тебе даром на жизнь.

Когда я делала свои первые шаги в геологии, мне повезло на такие встречи. Но ведь об этом не напишешь, тем более что я после ряда лет, когда не оставляла геологии, с 30-го года начала работать в литературе и о встречах с ними писала и продолжаю писать».¹¹

К письму Н. А. Емельяновой можно добавить только одно — оно так ясно и сердечно, что написать его мог только настоящий писатель.

В черновской группе под руководством А. А. Чернова, В. А. Варсанофьевой и Е. Д. Сошкиной свое первое геологическое образование получили такие выдающиеся женщины-геологи, как Д. М. Раузер-Черноусова, Н. В. Литвинович и С. Н. Наумова. Однако относить их к членам этой группы нельзя. Они в ней не работали, а только учились. Почти вся их жизнь и вся научная работа прошли вне группы. Д. М. Раузер-Черноусова свое обучение начала еще на курсах, Н. В. Литвинович и С. Н. Наумова учились уже после Великой Октябрьской социалистической революции. Их жизнеописания будут даны ниже.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Вера Александровна Варсановьева

С Верой Александровной я познакомился более 50 лет тому назад на Первом всесоюзном геологическом конгрессе в Ташкенте. Председателем конгресса был академик В. А. Обручев, а организатором и председателем Организационного комитета — известный геолог Д. И. Мушкетов.

Народу на конгрессе было много, но Вера Александровна выделялась своей прямой фигурой, гордой осанкой, своеобразным, правильным лицом и черными, как смоль, волосами. На нее все смотрели, а Д. И. Мушкетов открыто и явно ухаживал за ней. В. А. это ухаживание было приятно, но она принимала его как нечто должное, с ее же стороны никакого поощрения не было. Я смотрел на это как на вполне естественное поведение двух лиц, старше меня лет на десять.

Много раз потом я встречался с В. А., много раз подолгу говорил с ней о геологии Урала (Уралом мы оба увлекались всю жизнь), но всегда я смотрел на нее и относился к ней с уважением, как к старшей. В. А. принимала это как должное, и все шло хорошо. Каково же было мое изумление, когда я, начиная писать эту книгу, впервые прочел ее биографию и обнаружил, что мы не только однолетки, но она даже на один год моложе меня! Я родился в 1889 г., а она — в 1890 г. Должен сказать, что, несмотря на удивление, мое уважение к ней стало еще больше. В. А. провела такую поразительную работу, научную, педагогическую и общественную, которую может выполнить только особенный, выдающийся человек.

Вера Александровна родилась в Москве в 1890 г., в семье военного, служившего в артиллерии. Отца постоянно переводили из одного города в другой, и В. А. большую часть детства провела в Рязани. В 1906 г. в Рязани она окончила женскую гимназию с золотой медалью.

В. А. очень многим обязана матери и отцу как по линии наследственности, так и по линии обучения. Мать ее была француженкой. Она очень любила дочь и с раннего детства занималась ее обучением. Чему только она ее ни учила! Прежде всего она передала дочери знание иностранных языков, которыми хорошо владела. Еще бо-

лее важно было увлечение естествознанием, так свойственное им обоим. Под влиянием матери формировалось миросозерцание В. А., ее моральные и этические принципы. Всю жизнь В. А. хранила любовь, благодарность и уважение к своей первой наставнице, горячо любимой матери.

Мать В. А. была исключительно одаренным, восприимчивым человеком, и эту одаренность, восприимчивость она полностью передала дочери.

Когда появилась первая большая научно-популярная книга В. А. Варсанофьевой «Происхождение и строение Земли» (М., 1945 г.), то в посвящении было написано: «Памяти моей матери, Юлии Львовны Варсанофьевой, моего первого учителя астрономии и геологии, пробудившей во мне интерес к изучению природы, посвящаю эту книгу. Автор».

От отца В. А. унаследовала глубокую любовь к русской природе, к глухим лесам его родины (Весьегонский уезд Тверской губернии), физическую выносливость и выдержку, которые так помогли ей в жизни полевого геолога.

Неизвестно, до каких чинов дослужился ее отец, но совершенно ясно, что он был очень хорошим человеком. Вера Александровна, вспоминает П. И. Сухоруков, рассказывала ему о том, что однажды ей пришлось остановиться в небольшой деревеньке на р. Ильч, и как-то вечером в дом, где она жила, собрались все жители селения. В. А. начала рассказывать о себе: «Только упомянула Рязань, где жила и училась, как вдруг один охотник, Василий Александрович Попов, воскликнул: „А, Рязань! Знаю, знаю. Служил там действительную еще при царе“. — „В какой части?“ — спрашиваю. — „В артиллерии“. — „Тогда Вы, наверное, знали моего отца — командира третьей батареи?“ — „Варсанофьев? — обрадовался Попов, — твой батя? Очень хороший, очень хороший человек!“ С тех пор я всякий раз, когда бывала на Ильче, останавливалась, возвращаясь из экспедиции, у В. А. Попова. И он неизменно встречал меня мешком кедровых орехов. „Это тебе за отца“, — говорил он мне и добавлял: „Очень у тебя хороший был отец“». ¹

¹ Сухоруков П. Тропою исканий. Сыктывкар, 1964, с. 46.

В. А. Варсанофьева

Уже в 14 лет В. А. решила и заявила родителям, что будет только геологом. Было это во втором классе рязанской гимназии и произошло под влиянием чтения научно-популярной книжки А. П. Павлова «Вулканы на Земле и вулканические явления во Вселенной». В гимназии одноклассницей и приятельницей В. А. была сестра профессора А. Д. Архангельского — ученика А. П. Павлова. В. А. знала это и постоянно спрашивала, что ее брат говорит о Павлове. Таким образом, уже на школьной скамье у В. А. создалось яркое представление об этом крупнейшем ученом и педагоге, и уже тогда у нее возникло страстное желание послушать его лекции.

Это желание исполнилось. В 1907 г., когда В. А. поступила на Высшие женские курсы, А. П. Павлов читал лекции только в университете; хотя в то время женщины все еще в университет не принимали, однако они могли посещать лекции в качестве вольнослушательниц. И вот В. А. с необыкновенным удовольствием и «трепетом ду-

шевным» бегаёт в университет и, наконец, слушает лекции своего кумира.

В дневнике М. И. Шульга-Нестеренко, хранящемся у А. И. Осиповой (г. Москва), записан её разговор с Верой Александровной. В. А. вспоминает: «Когда я была на первом курсе, я слушала лекции Алексея Петровича Павлова». М. И. переспрашивает: «В университете?» — «Да, в геологической аудитории, это было прекрасное время моего геологического детства». — «А как Вы попали в университет?» — «Тогда это было возможно, Алексей Петрович мне разрешил. Вы никогда не слышали его? Он так читает эти лекции в университете... Какое это было блаженное время... И потом, когда мне разрешили заниматься в музее, — вот тогда я положительно начала бредить геологией. Вы ведь не были в музее университета, Маруся? У меня были любимцы среди ископаемых, и я часами могла любоваться ими. Однажды я засиделась, забыв о времени, дольше положенного часа. Не заметила, что опустел музей, и вдруг, как грозное божество, ворвалась Мария Васильевна, жена Алексея Петровича, подлетела ко мне с криками о беспорядке; я перепугалась и, как сумасшедшая, едва собрав книги, выскочила из музея. Я долго не решалась появиться снова. Много лучших часов прошло тогда в музее. Алексей Петрович на кафедре становится поэтом, у него такой красивый голос... Вы знаете, он ведь очень хорошо поёт. На кафедре увлекается так, что забывает все».²

Всю свою долгую жизнь В. А. считала А. П. Павлова, и только его одного, своим учителем. Даже А. А. Чернов, который «привел» её на Урал и с которым она так долго работала, не был удостоен этой чести. Это был руководитель, но не учитель.

Годы пребывания В. А. на Высших женских курсах были годами их расширения и развития. Имена крупнейших ученых украшали списки преподавателей курсов. Лекции и практикумы, которые В. А. прослушала и проработала во время своего пребывания на курсах, сыграли важную роль в формировании её научного мировоззрения и дали обширные и прочные знания в области естественно-исторических наук. Так написано в биографии В. А. Вар-

² Личный архив А. И. Осиповой (г. Москва).

санофьевой,³ так и полагается писать в биографиях. На самом деле, конечно, не все было так торжественно и чинно, но значительная доля истины в этом все-таки есть.

Кроме учения и научных занятий В. А. увлекается общественной работой. Она становится деятельным членом кассы взаимопомощи, входит в Рязанское землячество и даже председательствует в геологическом кружке. Интересно, что едва она успевает поступить на курсы, как уже делается председателем. Сколько раз потом она председательствовала. Таким она уж была человеком — «председателем».

В 1909 г. В. А. собирается в поездку по Каме, просит совета у А. П. Павлова, и тот знакомит ее со своим ассистентом А. А. Черновым, который увлекает В. А. своими рассказами об уральских горах и реках. Урал привлекал ее и раньше, и она решает начать работы на Урале. Но летом 1910 г. она отправляется в длительную поездку по Северной Италии, и только летом 1911 г. ей удается уговорить А. А. Чернова организовать студенческую экскурсию на Северный Урал, в верховья Печоры, — так она впервые попадает в область, исследованию которой она посвятила всю свою жизнь. Северный Урал ей страшно понравился, но ближайшие три года (1912—1914) ей пришлось отдать полезным ископаемым Уфимского плато, опять-таки по предложению А. А. Чернова.

Успешно проводя эти работы, В. А. одновременно интересуется карстом, имеющим на Уфимском плато исключительное развитие. За блестящие работы по карсту в 1915 г. она получает свою первую награду. Общество любителей естествознания награждает ее большой серебряной медалью.

Исключительно интересна статья В. А., в которой она доказывает рифовое происхождение известняковых массивов в районе Красноуфимска и по р. Сылве. К сожалению, работа осталась ненапечатанной, это была первая статья об уральских рифах, в дальнейшем привлечших к себе внимание многих геологов.

Наступает первая мировая война, но В. А. не прекращает, а, наоборот, усиливает свои исследования. Она изу-

³ Архив Московского педагогического института им. В. И. Ленина, Дело В. А. Варсановьевой.

чает месторождения бурых углей и бурых железняков снова на Уфимском плато и посещает крупнейшее месторождение калийных солей Соликамска. Эти работы она ведет совместно с Е. Д. Сошкиной.

Даже летом 1917 г., после февральской буржуазно-демократической революции, В. А. принимает участие в экспедиции на Средний Тиман, организованной А. А. Черновым для изучения полезных ископаемых. Впоследствии она пишет очень интересные «Очерки Тимана» и на заседании Московского общества испытателей природы делает интересный и важный доклад. В этом докладе она впервые рассматривает Тиман как верхнепротерозойскую геосинклиналь.

Наступает Великая Октябрьская социалистическая революция. В жизни В. А. она сыграла громадную роль, как и в жизни всего советского народа. В. А. сразу и полностью становится на ее сторону и вся отдается бурной, кипучей и разносторонней педагогической и общественной деятельности. Чего только она ни делает! На Высших женских курсах в 1918 г. она начинает читать курс динамической геологии. В 1920 г. А. П. Павлов предлагает ей прочесть курс нерудных полезных ископаемых. В том же году она читает студентам необязательный курс тектоники, первый в Москве.

После Октябрьской революции в ряде провинциальных городов возникают новые высшие учебные заведения. Они требуют новых кадров преподавателей, их нет, и В. А. спешит на помощь. С 1919 г. по 1924 г. она ведет курсы геологии и кристаллографии в Тверском педагогическом институте, а затем в Иваново-Вознесенском политехническом и педагогическом институтах, где читает курсы кристаллографии, минералогии, динамической и исторической геологии. Читает с утра до вечера, с необыкновенным увлечением и удовольствием; никогда еще у нее не было слушателей, которые занимались бы так хорошо, так стремились бы к науке. Из Твери В. А. привозит с собой Г. Г. Астрову, своего будущего ассистента, ставшую крупным специалистом по мшанкам палеозоя.

В эти же годы и мне пришлось окунуться в чтение лекций в новом вузе. В 1924 и 1925 гг. я и А. К. Болдырев в начале осени ездили в Ташкент, где только что был организован САГУ — Среднеазиатский государственный университет. А. К. Болдырев читал лекции по кристалло-

графии и минералогии, я — по палеонтологии и исторической геологии. Никогда не забуду, как приятно было читать лекции аудитории, которая буквально ловила каждое слово, вся горела стремлением к знанию. Нам приходилось годовой курс излагать за 2 месяца, читая лекции по 4 и 6 часов в день, да еще дополнять их практическими занятиями, консультациями и просто беседами. К концу второго месяца язык так уставал работать, что я садился в поезд, улыбался, держа в руках прощальные букеты цветов, и все четыре дня до Москвы не произносил ни слова.

Вера Александровна оказалась выносливее меня — она не только вела все основные курсы, но и читала бесчисленные лекции самым разнообразным аудиториям, сразу зарекомендовав себя блестящим лектором, прекрасно владеющим речью и обладающим широкой эрудицией. Ее любовь к науке и природе передавалась слушателям и увлекала их.

В 1925 г. ее приглашают в Московский педагогический институт заведовать кафедрой геологии. Когда в 1934—1941 гг. в средней школе существовал курс геологии, кафедра В. А. имела особое значение, так как преподавателей геологии резко не хватало. В. А. провела исключительно большую работу по подготовке молодых кадров. Всю свою жизнь она была горячим сторонником преподавания геологии в средней школе. Она постоянно настаивала на том, что геология не только дает знания, но и создает материалистическое мировоззрение нашей молодежи.

Работа в Педагогическом институте им. В. И. Ленина была основным содержанием ее жизни. Этот период хорошо и детально описан ее аспирантом, ныне уже доктором наук В. А. Шиманским и ее ученицей В. Ф. Барской. Их статья⁴ и многие мои дополнения легли в основу приведенных ниже строк.

Кафедра геологии Педагогического института входила в факультет естествознания, делившийся на два отделения — биологическое и химическое. Она была сравнительно небольшой. В период с 1934 г. по 1943 г. на ней были: зав. кафедрой профессор В. А. Варсанюфьева, два

⁴ Шиманский В. А., Барская В. Ф. Вера Александровна Варсанюфьева как педагог. — Бюл. МОИП, отд. геол., т. 52, с. 15—19.

доцента — Н. И. Иорданский и Г. Г. Астрова, два лаборанта и восемь аспирантов. Среди аспирантов были В. А. Шиманский, Р. Б. Самойлова (остракоды), Н. П. Понасевич (работала по кораллам), А. И. Равикович (работала по мшанкам). Заочникам лекции читали профессор А. Г. Титов и доцент В. В. Пиотровский. Ассистентом был А. А. Коколов, сын подруги В. А., рано оставшийся сиротой и фактически воспитанный В. А. Он принимал участие в ее полевых работах и во всех делах кафедры. Два раза в неделю на кафедре работала М. И. Шульга-Нестеренко.

В распоряжении кафедры было несколько комнат: кабинет В. А., довольно большое помещение для преподавателей и лаборантов, небольшая комнатка, где работали студенты, комната для практических занятий, помещение для шкафов и большая комната-музей. В музее хранились материалы В. А. Варсанофьевой, М. И. Шульга-Нестеренко и самого А. А. Чернова. В музее размещалась и библиотека. У трех больших окон располагались рабочие места аспирантов. Шесть комнат, из них три большие, а одна даже музей, — это, конечно, было очень хорошо.

На втором курсе читались динамическая геология (В. А. Варсанофьева) и минералогия (Н. И. Иорданский), на третьем — историческая геология с палеонтологией (В. А. Варсанофьева).

В. А. Шиманский пишет: «Читала Вера Александровна великолепно — с огромным подъемом и очень интересно. Чаще всего чтение сопровождалось показом диапозитивов. Записывать в темноте было трудно, но лекция проходила незаметно.

Основным недостатком В. А. было полное равнодушие к звонкам на перемену. Кончала она, как правило, тогда, когда следующая партия студентов упорно стремилась уже сесть на места. Надо сказать, что и дочитать курс до конца В. А. успевала не всегда. Так, для нашего курса она поспела прочесть только до третичного периода... Думаю, что студенты того времени любили лекции В. А., да и экзамены сдавали ей без особого страха. Мне кажется, что провалить студента она могла только при активной помощи ассистента, сидевшего рядом с ней, который (при явной никчемности студента) делал жесты под столом. Экзамен обычно принимали в музее.

В. А. охотно сама водила студентов на экскурсии по

Подмосковью. Думаю, что именно на этих экскурсиях завоевывались сердца студентов, и они из географов и биологов превращались в геологов и палеонтологов. Трудно было не проникнуться духом романтики от рассказов В. А., которые она вела во время экскурсий, а уж рассказывать-то В. А. умела».⁵

По плану института аспиранты могли быть только географами или биологами. В. А. своих аспирантов «геологизировала». Им читались специальные курсы. Была организована специальная геологическая экскурсия по Волге на парусной лодке. В. А. сама была ее руководителем. Все аспиранты все три года обучения участвовали в преподавании. Сначала ассистировали на практических занятиях; на второй год проводили занятия под наблюдением В. А.; на третий год им даже поручалось чтение двух-трех лекций и доклад в Обществе испытателей природы. Посещение всех заседаний этого Общества было для аспирантов обязательным. Очевидно, что аспирантура у В. А. была поставлена хорошо.

Все изменила Великая Отечественная война. Институт был эвакуирован только частично (персонал). Все оборудование кафедры геологии осталось на месте. Из преподавателей были Вера Александровна и В. А. Шиманский. В. А., как всегда, была полна энергии и делала все, что могла. С осени 1942 г. начались занятия с небольшими группами студентов, по разным причинам оказавшимися в Москве. В ряде случаев это были студенты других пединститутов и даже кое-кто из университета. Занятия проводились в холодном помещении, мешали налеты авиации, но жизнь шла — люди учились.

В 1945 г. за выдающуюся педагогическую деятельность Вера Александровна избирается членом-корреспондентом Академии педагогических наук. Это была вершина ее преподавательской деятельности.

Через несколько лет в Педагогическом институте, так же как и в других вузах страны, начинает чувствоваться нехватка часов по программе. Представители различных наук начинают ожесточенный бой за часы, он длится ряд лет с переменным успехом, но в 1956 г. геологию резко сокращают. В. А. воспринимает это как

⁵ Письмо В. А. Шиманского автору книги. Личный архив Д. В. Наливкина.

личное оскорбление и не только уходит из института, но и уезжает из Москвы в Сыктывкар.

С этого времени педагогическая деятельность В. А. состоит в подготовке аспирантов и консультациях молодых научных работников. Среди ее сыктывкарских учеников следует назвать Н. В. Калашникова, ныне ведущего специалиста-палеонтолога, и другого крупного палеонтолога — Н. Н. Фотиеву. В то время В. А. уже было 66 лет — возраст, когда преподавание обычно прекращают.

Было бы ошибкой думать, что наши женщины-преподавательницы вели себя на курсах как монашки в монастыре — только учили и работали. Не забывали они и немного повеселиться. С удовольствием вспоминаю, писал В. А. Шиманский, нередкие вечеринки, на которых пели, играли, танцевали, читали стихи. Всегда выступала и сама Вера Александровна, а иногда приходила и М. А. Болховитинова.

Подводя итоги преподавательской деятельности В. А., можно только удивляться той гигантской, совершенно исключительной работе, которая была ею выполнена, причем так блестяще, с таким увлечением. Многие сотни молодых геологов с благодарностью, восхищением и глубоким уважением вспоминают своего учителя, такого строгого и в то же время такого хорошего и доброжелательного, каким была Вера Александровна Варсанофьева.

Не менее поразительна ее научная деятельность, которую она не прекращала всю свою жизнь. Интересы В. А. разделялись между двумя большими комплексами наук — геологией и географией. Часто даже трудно сказать, какой из этих комплексов она предпочитает и какая наука из этих комплексов ей нравится больше. В геологии, пожалуй, на первом месте стоит тектоника, но много работает В. А. и по стратиграфии, и по региональной геологии, и по осадочным полезным ископаемым. В географии выделяются ее гляциологические работы, очень интересны работы по карсту; иногда увлекается она и этнографией.

Бесконечное разнообразие работ несколько оправдывается тем, что все они посвящены одной области — Уралу, преимущественно Северному, и прилегающим местностям. Все же большое разнообразие тематики было причиной того, что В. А. не удалось написать ни одной капитальной, особенно теоретической, монографии. Поэтому, несмотря на необыкновенную популярность и известность,

она не удостоилась выдвижения в члены-корреспонденты АН СССР. Ученую степень доктора геолого-минералогических наук она получила еще в 1935 г. по совокупности работ. Следует отметить, что В. А. была первой женщиной-геологом, получившей эту степень в советское время.

Интересен простой просмотр списка работ В. А. В 1960 г. он заключал в себе названия 101 работы, выполненных за промежуток времени 50 лет. Первая работа, напечатанная в 1911 г., заключает в себе 2 с., вторая, 1912 г., — 3 с. и третья, 1913 г., — 3 с.; это краткие отчеты о работах на Уфимском плато. Шестая и седьмая работы, 1915 и 1916 гг., — это уже хорошие, новаторские научные работы по карсту Уфимского плато; в первой из них 53 с., во второй — 28 с. За эти две работы В. А. получает свою первую награду — большую серебряную медаль Московского общества испытателей природы. По существу они и являются первыми научными работами В. А. Затем идут годы революций, гражданской войны, и В. А. пишет первый некролог, посвященный ее любимой преподавательнице, — Анне Болеславовне Миссуна, в нем всего 3 страницы, но написаны они от всей души. В 1921 г. В. А. вместе с А. А. Черновым едет на Средний Тиман, и в 1922 г. появляется ее большая работа «Очерки Тимана», в ней 104 страницы, написанные очень интересно. Тиман встает перед нами, как живой.

Первая, более или менее солидная геологическая работа была опубликована в 1927 г. Это описание месторождений каолиновых глин Уфимского плато, в ней 68 с. Затем снова идут небольшие отчеты, а в 1929 г. появляется вторая большая географическая работа «Геоморфологический очерк бассейна Ылыча» (120 с.). Ылыч — это верховье Печоры, почти неизвестная река, и В. А. впервые дает детальный очерк ее геоморфологии.

Далее снова несколько небольших заметок, но в 1931 г. появляется первая научно-популярная работа «Жизнь гор» (133 с.). Она написана живо, интересно и содержательно и выдержала пять изданий. Последнее издание (171 с.) относится к 1950 г. Книга прожила 20 лет, это очень много и подчеркивает ее высокое качество.

В том же 1931 году печатается первая и последняя работа В. А. на иностранном языке. Она выходит в Париже и называется «Новые данные по геологии Урала», ее объем 6 с. В. А. хорошо владела иностранными язы-

ками, но, очевидно, душа у нее не была расположена к зарубежным изданиям, интересно, что и за границу она ездила очень мало.

В 1934 г. выходит ее вторая большая (294 с.) научно-популярная книга «Происхождение Урала и его горных богатств». Эта книга была более узкого профиля, чем «Жизнь гор», и больше не переиздавалась.

В. А. нравилось писать научно-популярные книги. Они были написаны ею живо, интересно, содержательно и легко читались, но все же свободного времени у В. А. было мало, и следующую большую научно-популярную книгу они издает через 11 лет, в 1945 г., это «Происхождение и строение Земли (412 с.) — самая большая книга В. А. Через 3 года, в 1948 г. выходит «Развитие жизни на Земле» (92 с.). Затем наступает длительный перерыв, и только в 1959 г. В. А. пишет небольшую популярную статью для «Детской энциклопедии».

Однако научно-популярные книги не мешали В. А. писать геологические работы. Так, в 1932 г. публикуется большая и важная работа «Геоморфологические наблюдения на Северном Урале» (65 с.), в 1933 и 1934 гг. печатаются две статьи, а затем после перерыва, в 1939 и 1940 гг., как раз перед войной, появляются ее две самые значительные геологические работы — это «Четвертичные отложения Верхней Печоры» (70 с.) и «Геологическое строение Печорско-Юльчского заповедника»; последняя — самая большая геологическая работа В. А., в ней насчитывается 210 с.

После Великой Отечественной войны В. А. вновь начинает полевые исследования Северного Урала, вновь пишет ряд статей, посвященных его геологии и геоморфологии, но все они уже сравнительно небольших размеров, порядка нескольких десятков страниц. Тем не менее многие из них очень любопытны, содержат много нового и интересного материала.

Научных работ у В. А. с каждым годом становится все больше и больше. В 1950 г. за их совокупность Вере Александровне присуждается главная геологическая награда Академии наук СССР — золотая медаль им. А. П. Карпинского.

Однако работами геологического и геоморфологического содержания, а также научно-популярными книгами деятельность В. А. далеко не исчерпывается. Оста-

ются еще два направления, в которых В. А. оставила свой след. Особенно характерно для нее научно-биографическое направление, выраженное чрезвычайно резко, резче, чем у какого-либо другого крупного геолога. По этой тематике ею опубликовано 26 работ — четверть их общего числа.

Первая биографическая работа — это некролог, и посвящен он А. Б. Миссуна, ее любимой наставнице, доценту Высших женских курсов; он появился в 1922 г. С тех пор некрологи и биографии В. А. пишет всю свою жизнь. Эту работу она считает выражением благодарности тем лицам, которых она уважала и любила. Среди них первое место всегда занимал А. П. Павлов, его она считала своим главным учителем, единственным человеком, перед которым она всегда преклонялась. А. П. умер в 1929 г. В 1941 г. В. А. публикует книгу «Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии» (347 с.). В 1947 г. она переиздает ее, но уже в дополненном и измененном виде (397 с.). Эти две книги — лучшие произведения Веры Александровны. Писала она их с такой любовью, с таким старанием, как будто создавала громадный, поразительно красивый памятник. Написаны они от всего сердца и потребовали громадного и длительного труда. В. А. не только проработала весь материал о жизненном пути А. П., но и использовала весь его архив, прочитала все его письма. Но этого мало. Она детально изучила все многочисленные научные труды Павлова, изложила их содержание, показала значение общих выводов и построений, их влияние на последующие геологические исследования. Когда я прочитал последнюю книгу, Алексей Петрович встал передо мною как живой. Такой проникновенной биографии нет ни у одного русского геолога. В. А. действительно создала поразительный памятник Алексею Петровичу, своему любимому учителю.

Неоднократно писала В. А. и об академиках А. Е. Фермане и В. А. Обручеве. Хороший биографический очерк составлен в связи с 80-летием А. А. Чернова, с которым В. А. проработала много лет. Краткие некрологи написаны о А. А. Борисяке, Г. Ф. Мирчинке, Н. И. Иорданском, Б. Э. Коленко, А. Н. Мазаровиче. Интересная и хорошая статья написана и о М. В. Павловой.

Последняя группа произведений В. А. — это педагогические и методологические работы. Их довольно много.

Веру Александровну недаром избрали членом-корреспондентом Академии педагогических наук.

Просмотр списка научных работ В. А. особенно ярко показывает разнообразие их тематики и небольшое число среди них фундаментальных геологических монографий.

Зато какое обилие труднейших полевых работ, настоящих экспедиций проведено В. А., и как они все сконцентрированы на одном Урале, преимущественно в наиболее труднодоступной и малонаселенной его северной части. Полное бездорожье, сплошные непроходимые леса, небольшие редкие селения, расположенные только в долинах рек, — все это не могло остановить В. А., наоборот, все это лишь увлекало ее. В преодолении трудностей она находила особое удовольствие.

В 1921 г. А. Е. Ферсман предложил А. А. Чернову провести исследования в еще очень малоизученном Печорском крае. А. А. Чернов организовал экспедицию и пригласил для участия в ней В. А. Варсанофьеву и Т. А. Добролюбову. В том же году была совершена обзорная поездка в бассейн Ыльча, почти неизученного в географическом и геологическом отношениях. На геологической карте края бассейн Ыльча представлял собой белое пятно. Экспедиция 1921 г. внесла много нового в познание этого района. В 1923 и 1924 гг. В. А. продолжила изучение бассейна Ыльча.

В 1926 г. в жизни В. А. происходят два крупных события. Ее приглашают на должность профессора, заведующего кафедрой геологии II МГУ (впоследствии Педагогического института), приглашают на работу, которой она отдала в дальнейшем 30 лет. В то же время Геологический комитет поручает ей геологическую съемку 124-го листа Геологической карты СССР, в который входила значительная часть Северного Урала, его западный и восточный склоны. И эту работу В. А. вела многие годы — с 1925 по 1934 г. В 1936 г. совместно с А. А. Черновым В. А. совершает обзорную поездку по западному склону Северного Урала. В качестве помощников вместе с В. А. работают Н. И. Иорданский и ботаник В. С. Говорухин. С местным населением у В. А. всегда были самые хорошие отношения. И на этот раз ей удалось подобрать хороший состав рабочих, они не только служили проводниками, но нередко и самостоятельно собирали образцы по-

род и окаменелости, с полным пониманием того, что делают.

Если полевые работы шли успешно и дали обширный новый материал, то про его обработку этого сказать нельзя. Только в 1940 г. Ылычский заповедник получил полное исчерпывающее геологическое описание; 124-й лист Геологической карты так и остался без описания, даже карта его не была напечатана. Вероятно, причиной этого было то обстоятельство, что сама В. А. стратиграфией, не говоря уже о палеонтологии, не занималась, а без стратиграфии карту не составишь. По стратиграфии В. А. написала только одну работу «Силурийские отложения Урала и Тимана» (34 с.), да и то слишком общего содержания.

В конце Великой Отечественной войны, уже в 1944 г., В. А. снова начинает полевые работы на Урале. На этот раз все они сосредоточены в Коми АССР. С 1956 г. вся ее научная деятельность полностью связана с Коми АССР, где она становится членом Президиума Коми филиала Академии наук СССР.

Общественная деятельность В. А. непрерывна, разнообразна и весьма обширна. О ее деятельности во время студенчества уже говорилось выше. После окончания курсов в 1914 г. В. А. занимается общественной работой за их пределами. С большим энтузиазмом она преподает физическую географию на Пречистенских вечерних рабочих курсах. Здесь она не только читает лекции, но и проводит со своими слушателями экскурсии в окрестностях Москвы.

Наступает Великая Октябрьская социалистическая революция и открываются широкие возможности пропаганды естественноисторических знаний среди трудящихся масс. В. А. с увлечением читает популярные лекции в рабочих клубах, рабочих школах, в военных частях. Она является лектором Политпросвета Реввоенсовета. Публичные лекции В. А. всегда имели большой успех. Она читала их живо, увлекая своих слушателей, сообщая им массу нового материала.

Заслуживает внимания работа В. А. в научных обществах. Еще студенткой она становится членом-сотрудником только что открывшегося Геологического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Пользуясь его поддержкой, она проводит изу-

чение Уфимского плато в 1912, 1913 и 1914 гг. Результаты работ 1912 г. она печатает в 1912 г. в «Записках» Общества, но первую работу в 1911 г. на том же Уфимском плато она выполнила на средства Общества испытателей природы. В его «Протоколах» в 1911 г. опубликовано ее краткое сообщение.

В 20-е годы председателем Геологического отделения Общества любителей естествознания был А. П. Павлов. Все это время, более 10 лет, его бессменным секретарем была Вера Александровна.

В тяжелые годы Великой Отечественной войны В. А. находится в Москве, ведет преподавание и работает в Педагогическом институте. А. Е. Ферман привлекает ее к работе в одной из своих спецкомиссий, а Общество испытателей природы включает ее в свою комиссию «На службе Родины». Одновременно В. А. активно работает в Антифашистском комитете советских женщин, выступает по радио с передачами для фронта.

В 1941 г. В. А. избирается вице-президентом Московского общества испытателей природы, этой старейшей научной общественной организации нашей страны, и навсегда связывает свою жизнь с деятельностью этого Общества. Сразу же после окончания войны Общество возобновляет выпуск своего журнала, и уже в 1945 г. В. А. становится главным редактором его геологической серии. С этого времени ее основная общественная деятельность проходит в стенах Общества. В 1955 г. она принимает активное участие в праздновании его 150-летнего юбилея и пишет ряд статей.

В 50-е годы В. А. кроме того член Президиума Всероссийского общества охраны природы, член совета Московского отделения Географического общества СССР, член Комитета защиты Мира и, как уже отмечалось, член Президиума Коми филиала Академии наук СССР.

В. А. дважды (в 1947 и 1959 гг.) избирается депутатом Фрунзенского районного Совета депутатов трудящихся г. Москвы, а в 1953 г. — депутатом Моссовета. Эти выборы — большая честь и доверие.

Выдающаяся деятельность В. А. получила достойную оценку. Она удостоена высшей геологической награды — медали им. А. П. Карпинского. Правительство наградило ее орденами Ленина и Трудового Красного Знамени,

а также медалям «За оборону Москвы» и «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны». Ей присвоены почетные звания заслуженного деятеля науки РСФСР и заслуженного деятеля науки и техники Коми АССР.

Ее поразительная педагогическая работа, как говорилось, отмечена избранием ее членом-корреспондентом Академии педагогических наук, значком «Отличник просвещения», рядом благодарностей и денежных премий.

В своей автобиографии (1950 г.)⁶ В. А. подробно и аккуратно перечисляет все премии и благодарности, которые она получила. Всего к этому времени их было 9.

Среди товарищей В. А. всегда пользовалась вниманием, симпатией и уважением. Первые места всегда были ей обеспечены. Во всех своих начинаниях и во всех своих работах она добивалась успеха. Первое серьезное поражение она потерпела только в 1956 г., когда ей было 66 лет и уже давно пора было оставить преподавание: Ученый совет Педагогического института, где В. А. создала кафедру геологии и руководила ею в течение многих лет, несмотря на ее резкое сопротивление, сильно сократил часы преподавания геологии. Это решение было для В. А. тяжелым, незаслуженным ударом, и она не только оставляет преподавание, но и уезжает из Москвы совсем. Уезжает в свой любимый Печорский край, в Коми АССР, в новый город Сыктывкар.

В Сыктывкаре местные геологи принимают ее с энтузиазмом. Первоначально ей пришлось поселиться в трехкомнатной квартире А. А. Чернова и М. И. Шульга-Нестеренко. Только через некоторое время ей дали комнату в соседней квартире. В. А. была довольна — наконец-то она не только работала, но и жила в своем любимом Печорском крае, среди своих любимых лесов и рек, где в многочисленных далеких и заброшенных среди лесов деревнях и селениях ее уважали и любили. И сама В. А. становилась здесь простой и открытой, добросердечной и внимательной, даже ласковой и довольной. П. Сухоруков вспоминает: «Мои рабочие, — задумчиво с благодарностью в голосе произносит Вера Александровна, — приветливые, смелые, любознательные люди! Это были мои друзья, кол-

⁶ Архив Московского педагогического института, им. В. И. Ленина. Дело В. А. Варсанофьевой.

В. А. Варсанофьева перед поездкой по Ыльчу

На руках у нее ребенок — сын хозяина

леги и ученики. Многие еще живы и сейчас, рады каждой встрече, готовы сопровождать меня в любой поход. Два года назад я вновь задумала совершить экспедиционную поездку в верховья Печоры. Мой старый друг Кирилл Евстихиевич Собякин (с ним мы познакомились в 1911 г.) и Дий Андреевич Лызлов, старожилы тех мест, встретили меня как родную. Полвека на лодках и плотах путешествуем мы по горным речкам, своенравным и непостоянным, а порой беспокойным и коварным».⁷

В. А. любят не только ее рабочие, ее любят и женщины, и дети. Даже на фотографии, где она стоит в полном «вооружении», готовая в поход, она прижала к своей груди ребенка, который нежно обнимает ее за шею. Он так прижался к ней, что я сначала даже не заметил его. В каждой деревне, даже самой глухой, ей были обеспечены теплая, дружеская встреча и прием.

Но годы идут и идут, и ездить по своему любимому Печорскому краю В. А. становится все труднее. Ей исполняется 70 лет. К юбилею большой и подробный очерк жизни и деятельности В. А. дает редколлегия Бюллетеня

⁷ Сухоруков П. Тропой исканий. Сыктывкар, 1964, с. 46—48.

Московского общества испытателей природы. Очерк сопровождается списком литературы, в котором больше 100 работ. Другой очерк, с хорошими фотографиями, помещается в «Трудах» Коми филиала АН СССР. Наступает 80-летний юбилей. Здоровье В. А. начинает сильно ухудшаться, и она вынуждена уехать в Москву, уехать уже навсегда. Было это в 1968 г.

В Сыктывкаре В. А. прожила 12 лет — срок большой. Уже тогда ей было много лет, но работала она поразительно, с увлечением, как молодая. Куда только не ездила она за эти 12 лет в своем дорогом Печорском крае. Была она и на Верхней Печоре, и на Ыльче и Унье, ряд лет ездила в свой любимый Печоро-Ыльчский заповедник — места все труднодоступные, суровые и дикие, но сколько удовольствия доставили они В. А.!

В Сыктывкаре В. А. все время живет в одной комнате, но эта комната ей очень нравится, и потому она с удовольствием ее вспоминает. Живет и все пишет и пишет. Три большие работы посвящены стратиграфии карбона, много написано и о Печоро-Ыльчском заповеднике. Последняя работа была напечатана в «Трудах» Коми филиала в 1970 г., когда В. А. исполнилось 80 лет и по состоянию здоровья она уже перебралась в Москву. Работала В. А. и в Москве, работала, когда вышла на пенсию, работала до последней возможности.

Интересны и важны строки, написанные в адресованном мне письме Дагмарой Максимилиановной Раузер-Черноусовой, человеком исключительно сдержанным: «В. А. следила за своим внешним видом, но в меру, и я бы никак не связала это с желанием первенствовать, блистать. Я никогда не замечала у нее привычки командовать».

Сама она была по натуре скорей скромной, чем подчеркивающей свое превосходство, тем более никогда не использовала его в своих личных целях. У нее не было стремления командовать, всегда быть первой.

В обращении она была простой, скорее мягкой (я год была у нее помощницей на лекциях и практических работах). И весь ее блеск, возвышенность среди окружающих были никак не результатом ее стараний или желания, а только естественным итогом ее действительного превосходства и по внешним качествам, и по моральным, и по уму», и по особой одаренности блестящего оратора

и собеседника в любом обществе и любом кругу людей».⁸

Очень важной отличительной особенностью В. А. было отношение к людям. Д. М. Раузер-Черноусова пишет далее: «Она была очень отзывчива, много помогала как своим родным, так и совсем чужим людям. Легко раздавала все свои деньги. Будучи выбранной депутатом, добивалась помощи своим избирателям. У В. А. всегда была очень большая переписка, и она считала своей обязанностью на все письма отвечать. Она всегда мне говорила, что считает первой своей обязанностью — отношение к людям, особенно к тем, которым она может помочь словом и делом.

Я приходила в ужас от того количества времени, какое она тратила на переписку, считая более нужным писать воспоминания. Но для нее живые люди заслоняли все другое».⁹

«Вера Александровна вечно помогала разным людям и о ком-либо хлопотала. Среди ее посетителей были „гении“, неудачники, больные люди, думаю, что бывали и авантюристы, слышавшие о ее доброте. Поэтому сама В. А. вечно сидела без гроша. К этому добавлялись и многочисленные крестники с Северного Урала. В. А. иногда говорила, что получила известие (возможно, устное, через геологов) со словами: „Вера, у тебя опять родился крестник“. Это значило, что следовало многое учесть при очередной поездке. Правда, северяне искренне любили В. А. Она же говорила, что ей однажды подарили оленя, а потом все потомство этого оленя относили к ее стаду. Стадо В. А. затем поступило в какой-то местный колхоз при его организации. Видимо, пасли это стадо и заботились о его умножении из любви к В. А.

Помню также рассказ В. А. о том, как она ошибочно села на мужские нарты. Ее возили на этих нартах целый день и ничего не говорили, а ночью (тайком от В. А.) нарты „святили“. Все это было давным-давно, но, видимо, В. А. всегда любили».¹⁰

Интересны записи в дневнике М. И. Шульга-Нестеренко, такие душевные и непосредственные, хорошо напи-

⁸ Личный архив Д. В. Наливкина.

⁹ Там же.

¹⁰ Письмо В. А. Шиманского автору книги. Личный архив Д. В. Наливкина.

санные. В 1913 г. Мария Ивановна впервые увидела Веру Александровну на лекции по минералогии и пишет: «Такой исключительной, оригинальной красоты я, кажется, не встречала в своей жизни. Поразительно выделялось ее лицо среди однообразных лиц курсисток. Каждая черта останавливала взгляд. Очень черные блестящие волосы, густые короткие, оригинальной формы брови, глаза — звезды и нежный детский рот, немного бледный. Когда она поворачивалась в профиль, я могла разглядеть ее нос с горбинкой, немного притупленный на конце. Нос французенки, но никак не русской. Вся головка такая, какой рисовались мне те волшебницы, которых сжигали в средние века... Я узнала, что чуть ли не с первого курса она — геологичка, что у нее есть печатная работа, что она уже третий год ездит в самостоятельные экскурсии, что она проявила себя неутомимым, смелым исследователем. Она работала над карстом, и легенды рассказывали о ее смелых путешествиях в пещеры, о ее приключениях с крестьянами, принимавшими ее за колдунью... Курсистка Хмелева рассказывала, что ее отец, лесничий на Урале, слышал много интересного о приключениях Варсанофьевой. Между прочим, крестьяне ему говорили, что она будто бы стреляла медведей из ружья, и очень метко».¹¹

И далее: «На доклад В. А. пришел Чернов и скромно уселся где-то в уголке. Она говорила удивительно хорошо, хотя казалось, что волновалась в начале. Плавню шли ее мысли, в логичной стройности, и слагались в красивые, простые и понятные фразы. В ней чувствовался природный оратор. Геологический рассказ свободно смешивался с рассказами и эпизодами из поездки, а красота и картинность изложения не мешали научному содержанию доклада. Ах, как странно мешались во мне тысячи настроений! Восторг от доклада, восхищение докладчицей, громадный интерес к тому, что она видела, и сожаления, что я сама еще ничего не знаю и почти ничего не видела, что Лиза Сошкина, а не я, была с моей волшебницей во всех этих пещерах волшебного Урала, что я не знаю того безграничного, несравнимого ни с чем наслаждения природой, о котором она говорила. Потом дружной компанией часть курсисток повалила к столу, докладчицу окружили,

¹¹ Личный архив А. И. Осиповой (г. Москва).

подошел Чернов, и долго еще все беседовали. Оживленная, с блестящими глазами Варсанофьева много рассказывала обо всем, что пришлось ей пережить. Я видела поднятые к ней восторженные лица курсисток, видела добрую улыбку Чернова, который так добродушно и мило вышучивал многое, что она рассказывала». ¹²

Есть в дневнике М. И. Шульга-Нестеренко и такая запись: «В. А. просто справляется с французским, английским и немецкими томами, такими страшными для меня». ¹³

И далее: «Я видела, что ее знали чуть ли не все курсистки нашего отделения, что она пользуется огромной популярностью на всех курсах. Постоянно к ней являлись то одна из них, то другая, и я видела, как очаровательно она с ними держится, и чувствовала, что все они восхищаются ею. Они смотрели на нее совсем особенными глазами. Для большинства из них она была знаменитая Вава, иногда Вера Александровна, прославившаяся на курсах и своими успехами, и экскурсиями, и своею эксцентричностью на экзаменах и в лабораториях, и своими выступлениями в естественнонаучном кружке. Вава — всеобщая любимица и профессоров, и курсисток». ¹⁴

Читаем мы и такую запись: «Впервые в жизни я встретила человека, который так любил природу. Это было даже нечто большее, чем любовь. Природа была частью ее существа, самой сильной радостью жизни, воплощением самого прекрасного, самого высокого. Она рассказывала мне об экскурсиях, о том как месяцы она проводила совершенно одна в безлюдных глухих местах Урала, как месяцы она дни и ночи проводила на реке, в поле, в лесу, забывая совершенно о людях, о городе, о культурной жизни, и как безумно тосковала она, когда, наконец, была вынуждена возвратиться. Она пылала любовью ко всему, что принадлежало природе, каждое дерево, травка, птицы, звери — все было ей родное, близкое, все восхищало ее и доставляло бездну наслаждений. Она могла без конца рассказывать о своих экскурсиях и своих детских переживаниях, когда совсем еще девочкой она часами пропадала в глухих лесах родного Загрянья, где знала каждую тропку, каждый кустик, где часами слушала, как

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

говорил с нею лес, шумя вершинами деревьев. Она понимала этот шум, понимала голос леса. Мне, выросшей в городе, знавшей природу только на даче, не умевшей наслаждаться природой самою по себе, никогда не знавшей ни жизни в деревне, ни глухих, безлюдных уголков России, Вава казалась прекрасной сказкой природы. Ее рассказы блаженной музыкой звучали для меня, и неудержимая жажда познать природу так, как ее знала Вава, вкушать от одного с нею источника высоких наслаждений овладевала мною ... Мне в Ваве правилось решительно все, даже неровности ее характера. Она казалась мне обаятельной и влекла к себе во все минуты, в какие я ее видела; даже раздраженная, несправедливая, она была мила. Вава, с неисчерпаемым запасом веселых рассказов, была душой нашего кружка».¹⁵

А. А. Чернов, — вспоминает далее М. И. Шульга-Нестеренко, — говорил о В. А. Варсанофьевой: «Нужно путешествовать с нею, чтобы оценить ее, она ужасно неумеренный человек. В экскурсиях так важна организованность ее членов и строгое отношение к своим обязанностям. А Вава..., например нужно отплывать от места стоянки, чтобы засветло добраться до какого-нибудь необходимого пункта, все готовы, а Вавы нет... бегают, ищут ее, зовут, время уходит, а она, видите ли, забралась на вершину какой-нибудь скалы в версте от нас и предается созерцанию, забывши весь мир... Ну, а ее купания — ведь это поистине бич совместных экскурсий... Вы знаете, она ведь не может видеть воду, чтобы не лезть в нее тотчас. Она может, кажется, купаться во всякое время и при всякой температуре воды и воздуха... и уж из воды ее извлечь оказывается совсем невозможно, пока она сама не насытится купанием».¹⁶

Вера Александровна и Мария Ивановна всю жизнь были большими друзьями. Много лет они жили в одной квартире, много лет вместе работали, великолепно знали друг друга. Поэтому дневники М. И. за 1913 и 1914 гг., из которых заимствованы приведенные выше записи, особенно интересны и важны для понимания натуры Веры Александровны, такой своеобразной, необычной и привлекательной.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Елизавета Дмитриевна Сошкина

Елизавета Дмитриевна родилась в Рязани в 1889 г., там же прошло ее детство, там в 1909 г. она окончила гимназию, окончила с золотой медалью. Е. Д. всю жизнь провела, если так можно выразиться, «с золотой медалью». В Рязани, в 1963 г., она и умерла. Кроме Рязани она была только в Москве и на Урале — сначала на Уфимском плато, а потом в Печорском крае. Нигде больше она не была и не работала.

Поразительное постоянство, целеустремленность были основной особенностью Е. Д. Что бы она ни делала, все было солидно, тщательно, исключительно добросовестно и сделано с удовольствием. Она была символом положительности. Когда ее руководитель А. А. Чернов решал, с кем послать в экспедицию своего единственного сына, которому только исполнилось 18 лет, он, не колеблясь, остановился на Елизавете Дмитриевне и был, конечно, прав. Ее геологическая партия все лето работала в очень трудных, нередко тяжелых условиях, в почти непроходимой неизученной местности, но у Е. Д. все было налажено, все заботливо устроено. Сыну А. А. пришлось поработать, как говорится, «и в хвост, и в гриву», но все равно он вернулся в Москву в диком восторге. Его судьба была решена, и он всю свою жизнь работал только в Печорском крае, в Коми АССР.

Интересны записи в дневнике М. И. Шувльга-Нестеренко о Е. Д. Сошкиной: «1913 г. На кристаллографических занятиях заметила я одну курсистку, которая, видно, все знала, постоянно была окружена народом и всем объясняла. Она мне понравилась своей деловитостью... 17 ноября было заседание кружка. Читала Сошкина о своей поездке на Урал. Хорошо читала, просто и понятно. Она ездила вдвоем с Варсанофьевой».¹ В дневнике М. И. есть описание вечера, который руководители естественнонаучного кружка решили организовать для пополнения средств кружка. В. А. Варсанофьева, О. Г. Григорьева, Широкобрюхова (впоследствии Туманская) и Сорокина должны были изображать ископаемых. В. А. — стегозавра, Широкобрюхова — птеродактиля, Григорьева — белемнита,

¹ Личный архив А. И. Осиповой (г. Москва).

М. И. Шульга-Нестеренко — аммонита, Е. Д. Сошкина — трилобита, Сорокина — двустворку. Они сами начали шить костюмы. «Лиза, — вспоминала М. И. Шульга-Нестеренко, — оказалась главным двигателем нашей мастерской. У нее оказались положительно портняжные способности, и она явилась главной закройщицей. Она так ловко налаживала части костюмов, успевала кроить и той и другой, что нам оставалось только слушаться и шить скроенное. Нужно было создать в воображении выкройку такого сложного костюма, как чучело зверя, да еще чтобы это чучело соответствовало фигуре человека и не слишком стесняло бы его. Лиза умела приладить все детали костюмов, все сообразить и устроить. У Вавы было много фантазии и вкуса, она с жаром принимала во всем участие. Но я обнаружила, что она совсем не умела шить и, когда ей что-нибудь не удавалось, быстро теряла терпение, охладевала к работе и с капризным выражением бросала ее, а Лиза не спеша, рассудительно все доделывала. Иногда она вступала с Лизой в горячий спор. Эти споры едва не доходили до брани, и Вава в слезах убегала к А. А. Чернову. Потом возвращалась как ни в чем не бывало и, нежно расцеловавши Лизу, опять приносила радость и веселье в наш кружок».²

Воспоминания М. И. Шульга-Нестеренко непосредственны и интересны; воспоминания же Т. Г. Сарычевой, присланные ею по моей просьбе, совсем другого характера — они более существенны и содержательны для характеристики Сошкиной. «Е. Д., — пишет Т. Г. Сарычева, — человек очень живой, общительный, эмоциональный, живо и быстро на все реагирующий. Она легко вступала в любые контакты, была очень остроумным, интересным собеседником, поражающим фейерверком блестящих и оригинальных идей; она была прекрасным докладчиком и обладала большими организационными способностями и умением работать с большим коллективом. В Палеонтологическом институте она несколько лет заведовала Лабораторией низших беспозвоночных (фораминиферы, кораллы, мшанки, брахиоподы), после нее стала заведовать я. Е. Д. очень любила музыку и всегда имела абонемент в консерваторию. К людям она от-

² Там же.

Е. Д. Сошкина. Курсистка

носила исключительно доброжелательно, всегда всем помогала (у нее было много племянников, нуждающихся в ее материальной помощи). В научном отношении Е. Д. щедро раздавала свои идеи ученикам, не заботясь о своем приоритете. Благодаря своему общительному характеру она принимала активное участие в общественной жизни института, горячо выступала на собраниях и Ученых советах, принимала участие в разных самодеятельных кабаре и т. д. В то же время она была очень скромным человеком, относилась к своей особе очень критически и, как правило, недооценивала себя и свои способности...

Е. Д. работала очень быстро и всегда заканчивала свои работы в запланированные сроки. Как известно, ругозы представляют благодарный материал для изучения их онто-филогенеза. Увлечшись биологическим направлением исследования, Е. Д. много работала по пересмотру системы девонских и силурийских ругоз, кладя в основу этого теорию рекапитуляции. При этом она рассматри-

вала в основном систему высших категорий — отрядов, семейств, родов, меньше останавливалась на видах и внутривидовой изменчивости, требующих особенно скрупулезных, усидчивых исследований, что было не в характере Е. Д., любившей работать быстро.

Такое направление работы оказалось очень полезным, когда мы приступили к составлению „Основ палеонтологии“, не затрагивающих низшие таксоны, где ей было поручено быть редактором кораллового тома».³

Педагогом Е. Д. была первоклассным. Она не только учила своих слушателей, она увлекала их, заставляла работать самостоятельно, а это бывает редко. Преподавание Е. Д. нравилось, и она еще студенткой начала вести занятия на вечерних курсах для рабочих. По окончании физико-математического факультета Московских женских курсов (1915 г.) она преподает в московских женских гимназиях, но по-настоящему серьезную педагогическую работу она начинает только после Великой Октябрьской революции. В 1919 г. она становится ассистентом на кафедре геологии Московского университета. В 1930 г. при выделении из университета Московского геологического института она переходит в него на должность доцента, а с 1937 г., оставаясь доцентом, исполняет обязанности профессора. Возникает вопрос, почему Е. Д. остается и. о., а не назначается профессором? Скорее всего потому, что у нее тогда не было докторской степени. Во всяком случае она выполняла все обязанности профессора, имела все права и для студентов, конечно, была настоящим профессором.

Н. В. Литвинович вспоминает: «Студенты любили лекции Е. Д., она читала историческую геологию, конечно, не так ярко, как Вера Александровна (Варсанофьева, — Д. Н.), но просто и доходчиво; сухости в ее лекциях я не замечала (по ее курсу я вела практические занятия). Ее лекции приходили слушать некоторые сотрудники ПИН'а».⁴

Профессором Елизавета Дмитриевна была недолго. Через несколько лет, в 1942 г., она решает в корне изменить свои научные занятия и жизнь: отказаться от преподавания, от летних полевых работ (от геологической съемки и поисков она отказалась еще в 1934 г.) и всю себя по-

³ Письмо Т. Г. Сарычевой. Личный архив Д. В. Наливкина.

⁴ Письмо Н. В. Литвинович. Личный архив Д. В. Наливкина.

святить только одной палеонтологии. Как всегда, что Е. Д. решает, то она и делает, решительно и неуклонно. Так закончилась педагогическая деятельность Е. Д. Сошкиной.

Одновременно закончились ее геологосъемочные и поисковые работы на Урале и в Печорском крае. Интересно, что эти работы на Уфимском плато под руководством А. А. Чернова Е. Д. начала параллельно с преподаванием, еще до окончания курсов.

Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции, в 1921 г., А. А. Чернов начинает свои выдающиеся исследования Северного Урала, всего Печорского края, а затем и всей территории Коми АССР.

Исследования Печорского края, в которых участвовала Е. Д. Сошкина, длились более 10 лет и закончились, как я уже говорил, блестящими результатами. Была не только составлена геологическая карта громадной территории, ранее почти неизвестной, но и открыт большой Печорский угольный бассейн, а также даны конкретные указания для поисков нефти и газа.

Работы кончились, все были довольны, а Е. Д. Сошкина и работавшая с ней Т. А. Добролюбова решили посвятить себя только палеонтологии. В эти годы они уже обе увлекались палеозойскими кораллами, преимущественно ругозами, у них уже были печатные работы, а им хотелось развернуть свои исследования как можно шире, но времени для этого не было. Все время было занято геологической съемкой и преподаванием. Е. Д. со свойственной ей решительностью в 1934 г. отказалась от съемки и склонилась к этому и Т. А. Добролюбову; в итоге они полностью изменили свою научную деятельность. С начала 30-х годов и до последних дней жизни они ничем, кроме палеонтологии, не занимались. У Е. Д. «палеонтологическая часть» жизни составила около 30 лет, у Т. А. — немного больше. Результаты были очень хорошими: обе стали выдающимися, ведущими кораллистами, известными не только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами. Е. Д. изучала девонские и силурийские кораллы СССР, а Т. А. — каменноугольные и пермские.

Сначала Е. Д. работает над кораллами в Нефтяном институте, затем в Институте минерального сырья — в организациях, явно не подходящих для изучения кораллов; в 1936 г. она поступает, наконец, в Палеонтологический

институт, где вместе с Т. А. Добролюбовой работает 20 лет, до 1955 г. В ПИН'е идейным руководителем Е. Д. стал академик А. А. Борисьяк, и если А. А. Чернов был сугубым практиком, то А. А. Борисьяк был еще более сугубым теоретиком. А. А. Борисьяк всегда считал, что ПИН не только должен накапливать новый фактический материал, но и на основании этого материала создавать широкие теоретические построения и обобщения. Это сразу сказалось на работах Е. Д. Если ее первые работы, появившиеся еще в 1925 г., носили преимущественно описательный характер, то в ПИН'е она осуществляет ряд больших, обобщающих исследований экологического характера. Тогда слово «экология» было не в «моде», но сейчас мы видим, что Е. Д. опередила «моду» на целые десятилетия. Не менее ценно и то, что она внедрила в исследование ругоз онто-филогенетический метод. И если в 1937 г. ей присуждается степень кандидата геолого-минералогических наук, то в 1946 г. она получает степень доктора уже биологических наук. Геология сменяется биологией. Для палеонтолога это очень хорошо и чрезвычайно важно. В 1948 г. ее утверждают в звании профессора, но преподавание она уже давно не ведет. Ее последняя научная работа — главы в монографии «Основы палеонтологии», посвященные палеозойским ругозам. В 1956 г. Е. Д. уходит на заслуженный отдых и уезжает из Москвы в Рязань.

Встречаться с Е. Д. мне приходилось неоднократно, я определял турнейские брахиоподы, найденные ею на Северном Урале. Елизавета Дмитриевна даже назвала один коралл в мою честь. Я не остался в долгу и назвал ее именем одну брахиоподу, такую же определенную, как и она сама.

Т. А. Добролюбова и Н. В. Кабакович писали в некрологе: «Елизавета Дмитриевна, обаятельная, живая, очень остроумная и энергичная, всегда была любима товарищами, нередко искавшими у нее помощи и совета. Она ко всем относилась доброжелательно и не отказывала в помощи. Особенно чувствовалось ее дружеское, теплое отношение к товарищам в экспедициях, где нередко в ущерб себе она старалась облегчить какое-либо общее трудное дело. В экспедициях на Северный Урал, где особенно трудна была дорога, Елизавета Дмитриевна всю работу по организации отряда — найму лошадей, лодок

Е. Д. Сошкина в конце научной деятельности

и т. п. — брала на себя. Благодаря ее живости, находчивости и, главное, высокочеловеческому отношению к людям, особенно к рабочим и местному населению, ей удавалось быстро организовать отряд и сохранить дорогое время. В период полевой работы Елизавета Дмитриевна не признавала для себя никаких дней отдыха.

Она была весьма разносторонне образованным человеком и большим патриотом: внимательно следила за политикой, любила и понимала музыку, театр, художественную литературу и очень любила природу. Однако больше всего она любила свою работу и занималась ею с увлечением. В науке и помощи людям она находила смысл своей жизни».⁵

Еще более полный и содержательный некролог, написанный внимательно и сердечно, составила В. А. Варса-

⁵ Палеонтолог. журн., 1963, № 3, с. 141.

нофьева.⁶ Елизавета Дмитриевна и Вера Александровна работали вместе с 1912 г. В Печорском крае в одной группе они работали более 10 лет. В некрологе кроме краткого жизнеописания изложено содержание основных монографий Е. Д., приложен и список ее работ, заключающий в себе 40 названий. Первая работа Е. Д. Сошкиной вышла в свет в 1915 г., последняя, самостоятельная, — в 1954 г. Последние три работы, 1955, 1960 и 1962 гг., написаны по ее материалам сотрудниками и учениками.

Список опубликованных трудов Е. Д. очень интересен. Он полностью отражает ее увлечение кораллами и три основных этапа ее научной работы. О кораллах она пишет всю свою жизнь. Кораллам нижнего карбона Урала посвящена ее первая работа (1915 г., 14 с.), написанная еще на студенческой скамье. Девонские ругозы Русской платформы являются содержанием ее последней монографии (1954 г., 70 с.).

Первый этап жизни Е. Д. совпадает с первой мировой войной, революциями и гражданской войной. Где только ни работала в это время Е. Д. и чем только она ни занималась: здесь и огнеупорные глины Уфимского плато, и золото древних толщ Тимана, и гидрогеология Костромской губернии. Но и в этой ситуации Е. Д. находит время и пишет две статьи о своих любимых кораллах.

Второй этап — 1924—1934 гг. Основой деятельности Е. В. в этот период являются геологические исследования и геологическая съемка в пределах Печорского края, а также педагогическая работа. Е. Д. загружена до последней степени, пишет ряд статей геологического содержания, но все равно кораллы, ругозы, живут в ее душе. Им она посвящает пять исследований, одно из них — большая монография «Кораллы верхнего силура и нижнего девона Урала» объемом 153 с. Е. Д. всегда пишет очень кратко, и 150 страниц для нее это очень большая монография.

Третий этап — 1934—1956 гг. — был для Е. Д. самым приятным. Более 20 лет она занималась своими кораллами, такими близкими ее сердцу.

В 1934 г. Т. Г. Сарычева организует во Всесоюзном институте минерального сырья (ВИМС) Палеонтологиче-

⁶ Бюл. МОИП, отд. геол., 1963, т. 38 (4), с. 107—116.

скую лабораторию. Для изучения рогов из девонских известняков североуральских бокситовых рудников она приглашает Е. Д. Сошкину. Лаборатория быстро растет, Т. Г. удается привлечь в нее ряд крупных палеонтологов, и летом 1936 г. А. А. Борисьяк включает лабораторию в руководимый им Палеонтологический институт. Вместе с Е. Д. в ПИН переходят Т. А. Добролюбова и Н. В. Кабакович, М. И. Шульга-Нестеренко со своей помощницей Н. А. Шишовой и три специалиста по брахиоподам — сама Т. Г. Сарычева, Е. А. Иванова и А. Н. Сокольская. В этом коллективе Е. Д. работает до 1956 г., до конца своей научной деятельности.

20 лет напряженной научной работы над одной темой — большой срок и большая работа. Это позволяет Е. Д. написать ряд крупных монографий и статей объемом более 1100 страниц с бесконечным количеством палеонтологических таблиц с изображениями кораллов. Елизавета Дмитриевна становится крупнейшим специалистом по девонским и силурийским кораллам в СССР и одним из крупнейших в мировом масштабе.

Но у человека есть предел работоспособности, а Е. Д. систематически превышает этот предел. Ее нервная система не выносит невероятной нагрузки, и в 1956 г. она тяжело заболевает. Елизавета Дмитриевна вынуждена прекратить научную работу, она уезжает в Рязань, к сестре. В Рязани она прожила еще 7 лет, но к научной работе уже не возвращалась. Ее друзья и помощники за эти 7 лет опубликовали три большие монографии, которые Е. Д. выполнила вчерне, еще до заболевания.

Своей семьи у Е. Д. не было. Ее семьей были ученики и кораллы.

Когда я уже закончил этот очерк, В. В. Тихомиров и Л. Б. Бельская прислали мне автобиографию Е. Д., составленную ею уже после заболевания. В ней, конечно, есть повторение того, что уже было сказано выше, но есть и новые штрихи. И все равно, несмотря на повторения, не могу удержаться и привожу ее полностью. Уместить на полутора страницах рукописи всю «жизнь», такую большую и такую насыщенную работой и содержанием, причем сделать это поразительно ясно, последовательно, точно и скромно — это могла сделать только сама Е. Д., другому человеку это не под силу.

«Сошкина Е. Д., дочь мещанина, родилась в г. Рязани в 1889 г. В 1909 г. окончила женскую гимназию в г. Рязани с золотой медалью. В 1915 г. окончила Высшие женские курсы по физико-математическому факультету с дипломом первой степени и специальной работой по палеонтологии.

В 1916—1918 гг. проходила аспирантуру при Московских высших женских курсах по кафедре палеонтологии.

Педагогическую работу начала в 1911 г. на Пречистенских курсах для рабочих.

В 1913—1915 гг. преподавала естествознание и географию на вечерних общеобразовательных курсах, в 1915—1922 гг. — в женских гимназиях Москвы (Ивановой и Потоцкой).

В 1919 г. начала преподавание геологии в МГУ в должности ассистента, и в 1930 г. вместе с геологическим факультетом была переведена в МГРИ, где преподавала геологию в должности доцента до середины 1942 г.

Научно-исследовательскую работу начала в 1918 г. на Урале. В должности начальника отряда в 1922—1923 гг. работала в Костромской губернии, а в 1924—1933 гг. — на Северном Урале (в Печорском крае).

В 1932—1934 гг. в должности заведующего Палеонтологическим отделом работала в НГРИ, после переезда его в Ленинград в 1934 г. перешла в ВИМС, где работала в должности старшего научного сотрудника до 1936 г., а затем вместе с Палеонтологической лабораторией была переведена в Академию наук СССР, где в той же должности работала до 1946 г., в 1946—1949 гг. заведовала Отделом беспозвоночных в Палеонтологическом институте АН СССР.

Палеонтологическую работу в Академии наук СССР проводила на материале с Урала, из отложений, содержащих месторождения ценных полезных ископаемых (алюминиевые руды и нефть).

В период войны, с августа 1941 г. по апрель 1943 г., работала в составе бригады ПИН'а в Башкирской экспеди-

⁷ Оригинал рукописи хранится в архиве ПИН'а АН СССР (г. Москва). Дело Е. Д. Сошкиной.

ции Академии наук СССР по изучению нефтяных месторождений Ишимбаева.

За время работы в Академии наук СССР три раза получала премии за хорошую работу.

В 1937 г. утверждена в звании и. о. профессора палеонтологии и в ученой степени кандидата геолого-минералогических наук.

Состояла действительным членом Московского общества испытателей природы, Палеонтологического общества и Минералогического общества в Ленинграде и двух провинциальных краеведческих обществ (Рязанского и Костромского).

10 VI 45 была награждена орденом „Знак Почета“.

22 VIII 46 награждена медалью „За доблестный труд в Великой Отечественной войне“.

Ученая степень доктора биологических наук присуждена 12 марта 1946 г. за работу „Девонские кораллы Урала“.

В 1948 г. была утверждена в звании профессора.

19 IX 53 награждена орденом Ленина.

В 1956 г. вышла по болезни на пенсию.

Очерк жизни Елизаветы Дмитриевны мы закончим выдержками из характеристики и приказа по Палеонтологическому институту, подписанными его директором академиком Ю. А. Орловым. В этом приказе отмечается: «За время своей многолетней работы Е. Д. Сопкина всегда была отличным производственником, отдавала всю свою жизнь труду и науке. Во всех учреждениях и при любом руководстве она всегда была в ряду лучших сотрудников, среди тех, кто не шел шаблонным путем, а искал новых возможностей для расцвета советской палеонтологии». И далее: «Ваше научное имя заслуженно пользуется крупным авторитетом как у нас в Советском Союзе, так и за рубежом.

Институт всегда высоко ценил Вашу работу в его стенах, о чем свидетельствуют многократные благодарности и денежные премии за высокое качество научных работ, за отличное выполнение плана, за успешное руководство отделом, за работы, имеющие большое практическое значение.

Выражая Вам глубокую благодарность за Вашу работу, институт надеется, что и впредь Вы по мере Ваших сил и возможностей будете принимать участие в работе

института».⁸ Но свершиться этому пожеланию уже было не суждено.

Следует заметить, что среди приказов, отмечающих лучшие работы института, имя Е. Д. Сошкиной встречается чаще других. За свою плодотворную научную работу правительством она была награждена орденом «Знак Почета» и орденом Ленина.

Елизавета Дмитриевна была одной из самых приятных и выдающихся женщин-геологов. Спокойная, скромная, выдержанная и в то же время решительная и заботливая, она всегда старалась сделать все как можно лучше, всегда всем старалась помочь, и все искренне любили и уважали ее.

⁸ Архив ПИН'а АН СССР (г. Москва). Дело Е. Д. Сошкиной.

Татьяна Алексеевна Добролюбова

В Москве существовал поразительный научный коллектив кораллистов, специалистов по ругозам. Он возник в 1931 г., члены его работают и сейчас. В его состав входили Е. Д. Сошкина, Т. А. Добролюбова, Н. В. Кабакович, Н. И. Костецкая и В. А. Сытова.

Е. Д. Сошкина всегда возглавляла разработку всех прикладных вопросов. Ее помощницей была Н. В. Костецкая. Т. А. Добролюбова увлекалась главным образом теоретическими проблемами и опередила в их разработке всех, даже самого академика А. А. Борисьяка, но много сделала она и для решения практических вопросов. Ее помощницей, ближайшим другом, почти дочерью, была Н. В. Кабакович. Все эти палеонтологи работали, а Костецкая и Кабакович и сейчас работают в ПИН'е. В. А. Сытова в своей работе связана с Московским университетом, а также и с Ленинградским. Ее специальность — самые древние кораллы — ругозы ордовика и более древние. Результаты исследований коллектива кораллистов удивительны. В совокупности они превосходят достижения любых других групп палеонтологов и отдельных ученых. Но даже среди них теоретические построения Т. А. Добролюбовой поражают. Они настолько своеобразны, что дирекция ПИН'а во главе с А. А. Борисьяком не решилась их напечатать.

В биографии Т. А. Добролюбовой, так хорошо написанной по моей просьбе ее помощницей и другом Н. В. Кабакович, говорится: «Главной темой споров и несогласий с некоторыми палеонтологами были ее взгляды на систематику. Их она подробно изложила в письме 1943 г. к А. А. Борисьяку и в статье, написанной в 1944 г. Эта статья и другая большая работа, законченная в 1948 г., „Филогения и закономерности развития кораллов“ не были напечатаны именно по причине несоответствия взглядов Т. А. с привычными представлениями. Последняя работа и по форме была необычной, не укладывавшейся в привычные рамки. В ней описывались не систематические категории (роды и виды), а филогенетические ряды».¹

¹ Личный архив Д. В. Наливкина.

Т. А. Добролюбова. Курсистка

Н. В. Кабакович защищает в письме Татьяну Алексеевну, а ее надо не защищать, а гордиться ею. Она опередила своих современников на десятки лет. Только в начале 1978 г. на общем собрании Палеонтологического общества в торжественной обстановке я повторил выводы Т. А. Добролюбовой, не зная о них совершенно, так как тогда они были изложены в рукописи. Я сделал вывод, что явлением природы, существующим независимо от нас, является филогенетический ряд. Линнеевская схема — роды и виды — представляет собой построение человеческого ума и поэтому, с одной стороны, допускает более свободное обращение с биологическими объектами при классификации, а с другой — требует более строгого, критического отношения к материалу. Мой вывод был встречен одобрительными возгласами большой аудитории. Линнеевская систематика, конечно, оказывает большую помощь, значительно ускоряет работу и без нее работать нельзя, но филогенетический подход более объективен. Этой точки зрения придерживалась и Т. А. Добролюбова,

теперь ее работы снова начали печатать. Этот случай показывает высокую степень биологизации палеонтологических исследований Т. А. Добролюбовой, ее принципиальность и бесстрашие, сохранявшиеся в течение всей ее жизни.

Родилась Татьяна Алексеевна в 1891 г. в Нижегородской губернии. Отец ее был юристом, судебным следователем, а мать — фельдшерницей-акушеркой. Отец умер рано, и воспитание двух детей — сына и дочери — легло на плечи матери. С этой нелегкой задачей она справилась хорошо. Дочь очень любила мать и была на нее очень похожа — такая же высокая, прямая, спокойная и сдержанная. Сначала они жили в Нижнем Новгороде (Горьком), а позже переехали в Москву. В 1909 г. Т. А. закончила гимназию и решила поступить на Высшие женские курсы. В то время ее брат уже учился в университете на юридическом факультете. Когда Т. А. пришла в канцелярию курсов и узнала, что там есть естественное отделение, она тут же решила поступить туда, сказав, что ее влечет изучение природы. Мать и брат были поражены, они думали, что Таня тоже будет юристом, но возражать не стали. В 1915 г. Т. А. окончила курсы с дипломом первой степени. Семья Добролюбовых кроме Татьяны Алексеевны состояла тогда из ее матери и няни. Небольшой двухэтажный дом, где они жили, стоял в тихом переулке, на высоком берегу р. Москвы, заросшем деревьями и бурьяном. Квартира на верхнем этаже, которую занимала семья, была очень маленькой и скромно обставленной. Она состояла всего из трех комнат площадью 7, 8 и 12 м², прихожей и кухни, в которой даже была русская печь. Н. В. Кабакович пишет: «Однако благодаря заботам мамы, няни, да и самой Т. А. там всегда было как-то очень уютно и тепло, чувствовалась доброжелательность хозяев. Родные и знакомые любили приходить к Добролюбовым. В этой квартирке Т. А. прожила 62 года — с 19 лет до самой смерти в 1972 г. Выросшая в такой семье, Т. А. обладала многими положительными чертами характера. Ей были свойственны сильная воля, высокая принципиальность, трудолюбие и редкая доброта, которую ощущали все, кто близко соприкасался с Т. А. Она многим помогала делом, а если приходилось помогать материально, то помощь эта была совершенно лишена всяких признаков „дамской благотворительности“».

Работа всегда была для Татьяны Алексеевны главным делом. Ей она отдавала все свое время и силы. Это была ее жизнь, ее самая большая радость, а совсем не тяжелый труд, не подвиг и обязанность. Т. А. не делала разницы между любимым и нелюбимым делом, она одинаково выполняла любую необходимую работу, включая техническую, но настоящее удовольствие и удовлетворение ей доставляла работа мысли, труд творческий. Она думала и говорила о своей работе до последнего дня жизни, но никогда не была фанатиком ни в науке, ни в жизни. Всякий фанатизм и косность были ей чужды.

В работе Т. А. отличалась тонкой наблюдательностью, настойчивостью, умением отличать главное от второстепенного, сильно развитым чувством нового».²

Геология интересовала Т. А. с гимназической скамьи. Учась на курсах, она слушала лекции по геологическим дисциплинам. Она входила в геологическую группу, во главе которой стояла В. А. Варсанофьева. Во время занятий группой руководила А. Б. Миссуна, а во время полевых работ — А. А. Чернов. С 1921 по 1931 г. Т. А. организует и проводит девять крупных экспедиций на Северный Урал. Здесь она сформировалась как геолог и палеонтолог, придавая главное значение фауне, которую она тщательно собирала. Особенно ее привлекали кораллы-ругозы, хорошо видные на поверхности скал по берегам рек, где проходили все маршруты. Т. А. ругозы привлекали потому, что на них видно развитие особей с самых начальных стадий.

Закончив работу на Северном Урале, Т. А. совместно с Е. Д. Сошкиной печатает большую сводную монографию. В 1931 г. она прекращает геологическую съемку и переходит на палеонтологические исследования. Сначала, опять-таки совместно с Е. Д. Сошкиной, она ведет их в нефтяных организациях, летом же 1934 г., когда Нефтяной институт переезжает в Ленинград, Татьяна Алексеевна и Е. Д. Сошкина поступают в палеонтологическую группу Института минерального сырья, которой руководила Т. Г. Сарычева.

В 1936 г. произошло важнейшее событие, определившее всю научную деятельность Татьяны Алексеевны. По

² Там же.

инициативе академика А. А. Борисяка, директора Палеонтологического института, всю группу ВИМС'а, в которую входили Т. Г. Сарычева, Т. А. Добролюбова и Е. Д. Сошкина, а также Н. В. Кабакович, перевели в ПИН. Там Т. А. работала до последних дней жизни.

В 1938 г. А. А. Борисяк, директор ПИН'а, писал: «Необычайная трудоспособность Т. А. Добролюбовой позволяет ей, несмотря на чрезвычайную кропотливость и детальность изучения материала, давать за короткий промежуток одну за другой целый ряд капитальных монографий.

Т. А. Добролюбова является лучшим в Советском Союзе специалистом по ругозам карбона. К ней стекаются коллекции от геологических партий со всей территории страны.

Сказанное позволяет Палеонтологическому институту полностью поддержать ходатайство о присуждении Т. А. Добролюбовой ученой степени (кандидата наук, — Д. Н.) без защиты диссертации».³

Еще более положительный отзыв о работах Т. А. пишет А. А. Чернов. Он считает, что она имеет полное право на ученую степень доктора геологических наук.

В 1938 г. Ученый совет МГРИ присуждает Т. А. ученую степень кандидата геолого-минералогических наук без защиты диссертации. Это была заслуженная оценка громадной и ценной научной работы, выполненной Т. А. С тех пор она продолжала свои выдающиеся исследования в течение 35 лет. По квалификации и мировому значению своих монографий она давно заслуживала ученой степени доктора наук, но оформить это, защитить докторскую диссертацию Т. А. так и не захотела, а жаль — советская палеонтология могла бы получить в виде докторской диссертации еще одну выдающуюся монографию.

В списке научных трудов Т. А., присланном мне Н. В. Кабакович, 39 работ, из них 9 рукописей. Первые 12 работ (1926—1935 гг.) связаны с геологической съемкой и в основном стратиграфические. Они увенчиваются, как уже отмечалось, монографией, составленной совместно с Е. Д. Сошкиной, объемом 14,5 п. л. С 1935 г. Т. А.

³ Архив ПИН'а АН СССР. Дело Т. А. Добролюбовой.

пишет исключительно палеонтологические работы, их 27. Все они посвящены ругозам карбона и перми Русской платформы, Урала и Кузбасса. В рукописи осталось описание ругоз Армении. Пять работ представляют собой большие и важные монографии; ряд исследований написан совместно с Н. В. Кабакович.

Научная деятельность Т. А. исключительно важна и ценна.

Педагогическая деятельность Татьяны Алексеевны существенна и разнообразна: После окончания Высших женских курсов она становится преподавателем природоведения и географии в Московской женской гимназии Кропоткиной. Здесь она работает с 1915 по 1918 г.

Для наших первых женщин-геологов первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции часто были годами исканий и необыкновенных происшествий. Не избежала этой судьбы и Т. А. В 1918—1919 гг. она целую зиму живет в Минусинске и преподает в гимназии, но весной 1919 г. снова возвращается в Москву и становится научным сотрудником музея-склада теневых картин и кинолент. Интересно, что на этой должности она находится до 1924 г., но в конце срока она уже занимается преподаванием и геологической съемкой.

О своей педагогической деятельности она пишет: «С октября 1920 г. оставлена при Московском университете для подготовки к преподаванию при кафедре геологии, руководимой В. А. Варсанофьевой».⁴ С первого января 1922 г. ее зачисляют ассистентом на эту кафедру, где она прослужила до 1 мая 1930 г. Затем в связи с реорганизацией этого учебного заведения она 5 лет работала в Институте химической технологии, занимаясь преподаванием геологических дисциплин. На этом педагогическая деятельность Т. А. заканчивается. Далее она занимается только своими любимыми ругозами и охотно помогает советами молодым специалистам.

Татьяна Алексеевна всегда была несколько замкнутым человеком и держалась обособленно. Общественной деятельностью она не увлекалась, но и не избегала ее. Она была членом Общества испытателей природы в Мос-

⁴ Там же.

Т. А. Добролюбова. 1950-е годы

кве и членом Всесоюзного палеонтологического общества.

В 1953 г. Т. А. была награждена орденом Ленина. Кроме того она имела ряд медалей, в том числе «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Эти награды служат достойной оценкой ее выдающегося труда.

Заслуживают внимания воспоминания Т. Г. Сарычевой, много лет проработавшей совместно с Т. А.: «Т. А. Добролюбова была очень дружна с Е. Д. Сошкиной, они нежно любили друг друга, хотя по характеру были почти противоположными. Т. А. была человеком замкнутым, неразговорчивым, она никогда не выступала на собраниях, не любила делать доклады, хотя если делала, то они всегда были очень содержательными и нестандартными. Работала она в противоположность Е. Д. медленно, но тщательно, до скрупулезности. Все данные и все выводы (и свои, и чужие) она подвергала глубокой, всесторонней и многократной проверке, и если при-

ходила к какому-то выводу, часто совершенно противоположному общепринятым взглядам, то никогда от него не отказывалась и не боялась высказать его, где угодно. У нас в ПИИ'е заведующий лабораторией является редактором работ сотрудников, поэтому мне приходилось иметь с ней много бесполезных разговоров с просьбами смягчить какие-нибудь формулировки, не укладывающиеся в текущие „догмы“; она предпочитала положить законченную монографию на полку и не представлять ее к печати, чем изменить что-либо из того, что ею написано. Как я уже писала, Е. Д., наоборот, быстро делала филогенетические построения и легко от них отказывалась, все переделывая в своих последующих работах. Т. А. была неисчерпаемым источником новых идей также и в методике детальной обработки материала: способов распила, шлифования, фотографирования, зарисовки кораллов, а также составления различных предметных картотек по материалу и по изучаемой литературе.

Соответственно с ее склонностями биологизация исследований, неуклонно проводимая А. А. Борисяком, заставила ее заняться вопросами внутривидовой изменчивости; отсюда изучение деталей онтогенеза и выявившихся при этом тонкостей рекапитуляции — выпадение в онтогенезе отдельных филогенетических стадий, изменение темпов развития в онтогенезе и филогенезе, оценка значения этих явлений для пересмотра системы, преимущественно не выше родового ранга.

Несмотря на свою замкнутость, Татьяна Алексеевна, так же как и Е. Д. Сошкина, была очень доброжелательным, добрым и очень скромным человеком, всегда отзывающимся на все нужды и печали окружающих. Совершенно исключительная взаимная любовь соединяла ее с Н. В. Кабакович, с которой она была вместе и на работе, и в дни отдыха.

Т. А. всегда и всем помогала в определении кораллов и в овладении методикой их изучения. При этом она резко отрицательно относилась ко всем, кто недостаточно внимательно изучал фактический материал или слишком вольно обращался с ним при своих выводах. Однако отрицательных отзывов она никогда не писала — просто эти люди переставали для нее существовать, она избегала с такими палеонтологами иметь дело. Т. А. очень любила природу и все живое. Она хорошо рисовала ка-

рандашом и акварелью, меньше маслом, особенно хороши были ее пейзажи нетронутой природы или животные в естественной обстановке».⁵

Воспоминания Т. Г. Сарычевой, приведенные выше, дают хороший материал для характеристики жизни и деятельности Татьяны Алексеевны.

Воспоминания Н. В. Кабакович — скорее развернутая биография Т. А. и основана она на «сердце, чувстве и глубоком знании». Ниже следуют некоторые выдержки из ее рукописи.

«В Палеонтологическом институте под руководством академика А. А. Борисяка, организаторский талант, авторитет и влияние которого были огромны, — пишет Н. В. Кабакович, — формировался новый коллектив, ставились новые задачи. А. А. Борисяк умел видеть в ископаемых остатках не только индикаторы геологического возраста, но и организмы прошлого, развивавшиеся по определенным биологическим законам. Перед Татьяной Алексеевной открылась возможность углубить свои исследования, придать им биологическое направление. Она стала изучать онто-филогенез, изменчивость и формообразование, направление и темпы эволюции кораллов, их связь со средой обитания. Эта работа увлекла Т. А., она была ей крайне интересна, хотя по началу и трудна... Академик А. А. Борисяк очень ценил работу Татьяны Алексеевны, ее вдумчивое отношение к материалу, интерес к теоретическим вопросам. Ему хотелось, чтобы Т. А. защитила докторскую диссертацию, но сама Т. А. к этому не стремилась. Во время войны и эвакуации института они переписывались. Сохранился черновик письма Татьяны Алексеевны к А. А. Борисяку, где она пишет: „Относительно докторской диссертации говорить не стоит. Мне не хочется тратить время на нее, и так его много пропало. Работается и без докторского звания недурно. Для правильной оценки работы даже полезнее быть не-доктором. То, что делает доктор, меньше критикуется, чем то, что делает небольшой, рядовой работник, а критика для моей работы необходима. Я хочу знать истину или по крайней мере приближение к ней, а при таком требовании, чем больше недоверия и сомнения, тем лучше“».⁶

⁵ Письмо Т. Г. Сарычевой. Личный архив Д. В. Наливкина.

⁶ Личный архив Д. В. Наливкина.

Все эти рассуждения, казалось бы, хороши, но они не учитывают двух обстоятельств. Во-первых, сколько бы выдающихся диссертаций мы потеряли, если бы все женщины прекратили защиты. Во-вторых, какое бы преимущество получили мужчины, которые защищают докторские диссертации, если умеют, без всяких рассуждений и сомнений.

Татьяна Алексеевна — выдающийся ученый и очень хороший человек, но, не защитив докторскую диссертацию, она сделала ошибку, ибо наша наука несомненно потеряла крупное монографическое исследование.

Своеобразной, хорошей и полезной чертой Т. А. является ее поразительная любовь к путешествиям. Всю жизнь она старалась куда-нибудь поехать. Еще в гимназии она отправилась с экскурсией в Крым, в горы, на берег синего моря. Интересно, что страсть к путешествиям была присуща большинству Добролюбовых. Любила путешествовать сама Т. А., ее брат, с которым еще до войны она исходила весь Крым и Кавказ, жена брата и особенно их родной дядя (брат отца). Иногда он бросал все и уходил бродить по белу свету.

Занимаясь геологической съемкой, Т. А. участвовала в девяти труднейших экспедициях на Северный Урал, но даже в это время в отпуск она отправлялась путешествовать на юг. Когда Т. А. оставила съемку, она перешла к туристским поездкам и экскурсиям. «В 1964 г., — рассказывает Н. В. Кабакович, — приходит к ней как-то приятельница, тоже палеонтолог, Е. И. Беляева и спрашивает: „Вы читали объявление «Для вас, романтики» о путешествии на побережье Японского моря, на Сахалин и Курильские острова? Поедем?“. Т. А. подумала и спокойно сказала: „А почему бы и не поехать? Это очень интересно и вполне доступно“. Так они вдвоем 16 дней на теплоходе „Владивосток“ и ездили».⁷

В последующие годы к ним присоединялась и Н. В. Кабакович. Они изъездили многие реки, озера и моря; были в Уфе, Волгограде, Киеве и Херсоне, в Одессе и Батуми и, наконец, последний раз в жизни Т. А. проехала по маршруту Москва—Ростов-на-Дону—Москва. Это было в 1970 г., когда Т. А. было уже 79 лет.

⁷ Там же.

Своеобразна, уникальна и печальна история с кошками, поведанная мне Н. В. Кабакович. Было это за несколько лет до смерти Т. А., после того как она вышла на пенсию. Как-то раз идет она домой и недалеко от дома видит на дорожке ползающего, совсем маленького котенка, полумертвого от голода, жалобно мяукающего. Татьяна Алексеевна не выдержала и подобрала его. На следующий день приползла кошка, тоже голодная, уже настолько истощенная, что даже не могла мяукать, только жалобно смотрела. Т. А. подобрала и ее.

Дня через два кошка окрепла, исчезла и вдруг появилась с такими же полумертвыми тремя котятками. Пришлось взять и их. Подкармливая их, Т. А. заметила, что в одних и тех же условиях котята ведут себя совсем по-разному. Это ее заинтересовало, и семья кошек начала расти. Скоро она достигла 12—14 голов (чаще их было 8—10). И Н. В. Кабакович, которая тоже ухаживала за кошками, пишет: «Вблизи дома Т. А. было много зелени, в домах много чердаков и подвалов, и летом кошки значительную часть времени проводили вне дома, аккуратно являясь спать и есть.

К этим своим зверям Т. А. относилась не как обыватель, а как ученый. Она подолгу наблюдала поведение животных, их игры и занятия, их взаимоотношения между собой и отношение к людям. Ее удивляло разнообразие характеров в этом сообществе, все члены которого жили в одинаковых условиях. Когда Татьяне Алексеевне говорили: „Куда Вам такая орава? Вам трудно с ними, оставьте одну-две, а остальных отдайте“, Т. А. отвечала: „Это мне интересно“. Один ее кот до сих пор живет у меня. Остальных, к сожалению, пришлось уничтожить. Т. А. не хотела, чтобы ее животные стали беспризорными бродягами».⁸

В своих воспоминаниях Н. В. Кабакович пишет далее: «В Палеонтологическом институте Т. А. Добролюбова работала до конца своей жизни. В течение 29 лет — с 1936 г. по 1965 г. — она состояла в штате института. Став пенсионеркой, она ежедневно ходила в институт, по-прежнему вела работу по теме и большую определительскую работу „на общественных началах“. Так продолжалось четыре с половиной года.

⁸ Там же.

В декабре 1969 г. Т. А. тяжело заболела воспалением легких и сильно ослабела. В последний раз Т. А. пришла в институт в конце января 1970 г., на совещание по терминологии кораллов.

После этого она продолжала еще два года работать дома. Я постоянно бывала у нее, привозила ей нужные книги и материалы, работала вместе с ней.

В январе 1972 г. Т. А. исполнился 81 год, а в феврале выяснилось, что у нее злокачественная опухоль груди. Вскоре болезнь распространилась на легкие. Т. А. быстро слабела. Болела Т. А. дома, терпеливо выносила все страдания, пока могла, старалась не слезь. По-настоящему лежала она всего 17 дней, и утром 24 июля 1972 г. скончалась. Тело ее кремировали, а урну захоронили в Москве на Даниловском кладбище, в могиле матери и брата».⁹

Татьяна Алексеевна Добролюбова осталась в памяти друзей, как хороший, душевный и отзывчивый человек, глубокий и серьезный ученый.

⁹ Там же.

Мария Ивановна Шульга-Нестеренко

Мария Ивановна была еще курсисткой, когда А. А. Чернов стал руководителем ее научной работы. Свою дипломную работу «Парапронориты артинского яруса» (1916 г.) она написала по материалам А. А. Чернова и под его руководством. Уже в 1916 г. она едет на Северный Урал в качестве его помощницы. С 1922 г. по 1930 г. она каждое лето сопровождает А. А. Чернова в качестве палеонтолога в его экспедициях в Печорском крае. М. И. с полным правом можно считать членом черновской группы. В. А. Варсанофьева, Е. Д. Сошкина и Т. А. Добролюбова в течение долгих лет были начальниками экспедиций, самостоятельно вели геологическую съемку, составляли геологическую карту. М. И. никогда не занималась составлением карт; летом она работала в поле в Печорском крае, а основная работа велась зимой в Москве. Это были палеонтологические исследования и преподавание — А. А. Чернов недаром брал ее с собой в качестве палеонтолога.

М. И. Шульга родилась в Киеве в 1891 г. Отец ее был служащим, мать — домохозяйкой. В Киеве она кончила гимназию. Она была коренной украинкой, так же как и М. В. Гортынская (Павлова), но с момента поступления на Высшие женские курсы вся жизнь ее связана с Москвой, опять так же как у М. В. Павловой.

Вообще, у Марии Ивановны и Марии Васильевны было много общего и в характере, и в жизни, и в одинаковом увлечении палеонтологией и преподаванием. Обе стали ведущими палеонтологами и профессорами, но М. В. избрали почетным академиком, а М. И. в Академию наук СССР никогда не выдвигали. Почему? На этот интересный вопрос ответить точно трудно. Педагогический талант у них был одинаковый. Я бы сказал, что и по способностям к научной работе они тоже мало отличались. Думаю, что основной причиной были мужья. А. П. Павлов был блестящим геологом, крупным организатором, главой мощной, ведущей школы московских геологов. Всю жизнь А. П. и М. В. прожили вместе, и успехи А. П.

влекли за собой успехи М. В. Затем, конечно, влияло и время — М. В. была на 40 лет старше М. И., и прожила она на 15 лет больше. Она была первой в России женщиной, ставшей крупным, ведущим палеонтологом. Элемент первенства, конечно, существен, да и 15 лет дополнительной работы тоже имеют значение. Несомненно, влияла и тематика. Громадные, поражающие размерами ископаемые организмы — слоновые, посороги и удивительные древние трех- и пятикопытные лошади — производили, конечно, большее впечатление, чем никому не известные криптостоматы (мшанки). Наконец, безусловно играли роль и зарубежные связи. М. В. четыре года училась в Сорбонне, многие свои работы печатала на французском языке, неоднократно ездила за границу, была там широкоизвестна, и ее работы высоко ценились.

Все это вместе взятое и было причиной столь различной оценки работ двух украинок, таких похожих друг на друга и таких привлекательных и по внешности, и по всей своей жизни. Но я бы сказал, что Марии Ивановне повезло меньше, чем Марии Васильевне.

Педагогическая деятельность М. И. началась необыкновенно рано. Еще когда она училась на последнем курсе в Москве, она преподавала естествознание в женской гимназии. В 1915 г. она закончила курсы и была оставлена на кафедре. Но вот наступает Великая Октябрьская социалистическая революция, она оказывается на родине и преподает уже в гимназиях Киева. В 1919 г. Московские высшие женские курсы сливаются с университетом. М. И., возвратившись в Москву, становится ассистентом кафедры геологии Московского университета. Она ведет практические занятия и у А. А. Чернова, и у М. В. Павловой. В 1930 г. выделяют Московский геологоразведочный институт, и М. И. работает там доцентом, читает курс палеонтологии студентам различных специальностей. С 1933 г. она читает особый, разработанный ею курс «Методы палеонтологических исследований» и ведет занятия с аспирантами. В 1938 г. М. И. бросает педагогическую деятельность в связи с приглашением в Палеонтологический институт.

Научную работу Мария Ивановна начинает раньше педагогической. В этом отношении она опередила всех своих современниц. Свою первую работу она написала еще в 8-м классе гимназии. Это была статья «К вопросу

о периодичности ледниковых периодов». Что могла написать гимназистка, даже самая талантливая, о периодичности оледенений, сказать трудно, но научно-популярные статьи М. И. пишет и в последующие годы. В этом отношении ее можно сравнивать лишь с А. Б. Миссуна и В. А. Варсанофьевой.

Интересно начало геологических работ М. И., описанное ею живо и поэтично. Дело началось с В. А. Варсанофьевой, бывшей тогда (в 1913 г.) председателем геологического кружка. Узнав об опубликованной работе М. И. «О периодичности ледниковых периодов», Варсанофьева сказала ей, что надо познакомить с содержанием статьи курсисток, которые статью не читали. А. Б. Миссуна и особенно А. А. Чернов много помогали М. И. в подборе диапозитивов по ледникам, бараньим лбам и др. На доклад пришли профессора Соколов, Круббер, Чернов, Карандеев и много курсисток. Доклад прошел хорошо, докладчицу поздравляли. В своем дневнике М. И. записала: «Восторг от того, что моя геология победила тину безразличия, в которую меня втягивала жизнь последних двух лет, что она снова заставила меня жить повышенно и сильно, дала волнения, радости и смысл всему.

Геологическая лаборатория принесла мне счастье. Мои дни стали так интересны, так полны. Я была занята все время, давно уж не чувствовала я так ярко прелести жизни, сознание своей молодости, силы. Утром, когда я просыпалась, я чувствовала радость от того, что мне предстоит весь интересный день. Я чувствовала громадную энергию.

В кабинете я большей частью уходила в групповую комнату препарировать аммонитов, весело стучала молотком на весь кабинет и сердце цело в моей груди. Иногда приходил Ал. Ал. (Чернов, — Д. Н.), я уже совсем перестала бояться его, и мне с ним тоже было весело и просто. Он просматривал мой материал и рисунки, иногда приносил новые глыбы пород и сам разбивал их, отдавал мне нужные экземпляры. Иногда я переходила в музей работать с бинокуляром, и там мне тоже бывало весело прислушиваться к звукам кабинета, к голосам из комнаты А. А.

Родители были очень рады моим геологическим успехам и соглашались в принципе на все: и на будущие экс-

курсии, неизбежные для геолога, и на мое оставление при курсах, если оно совершится».¹

Первую палеонтологическую работу о парапронори-тах Урала М. И. тоже печатает необыкновенно рано — в 1916 г. Это была ее дипломная работа перед окончанием курсов. Изучение пермских аммоней М. И. продолжает и в дальнейшем, но простые описания ее уже не удовлетворяют. Она увлекается теоретическими вопросами, разрабатывает новую методику исследований и в 1925 г. появляется работа «О спиральных аммоней», а в 1926 г. — «Внутреннее строение раковин аммоней».

Одновременно М. И. участвует в экспедициях А. А. Чернова в качестве палеонтолога и собирает обширный материал. Среди этого материала очень много мшанок из различных горизонтов. Это определяет их важность для стратиграфии, тем большую, что в то время ими на Урале никто не занимался. Вероятно по совету А. А. Чернова, М. И. переключается с аммоней на мшанки, переключается полностью и безвозвратно. С 1928 г. все ее работы посвящены только мшанкам. В то время В. П. Нехорошев и А. И. Никифорова начали применять новый микроскопический метод изучения мшанок. М. И. увлекается этим методом, расширяет его и получает очень важные и интересные данные, которые публикует в ряде работ.

С 1928 г. по 1931 г. М. И. состоит в штате Геологического комитета, в отделе монографической обработки, которым руководил А. А. Борисьяк. По сообщению А. И. Осиповой в бумагах М. И. сохранилось отношение за подписью А. А. Борисьяка о представлении краткого отчета о работе, проделанной ею с октября 1928 г. по октябрь 1929 г., — это было начало палеонтологических работ по мшанкам.

В 1937 г. М. И. приглашают в Палеонтологический институт, приглашает сам директор института — академик А. А. Борисьяк, и это определяет всю ее дальнейшую жизнь. Она оставляет преподавание, не ездит в Печорский край, и все ее внимание, ее исключительная наблюдательность и способность к теоретическим выводам и обобщениям концентрируются на одних мшанках. По предложению А. А. Борисьяка она усиливает биологическую на-

¹ Дневник М. И. Шульга-Нестеренко. Личный архив А. И. Осиповой (г. Москва).

М. И. Шульга-Нестеренко. В МГУ за шлифовальным станком

правленность своих работ и получает ряд новых, выдающихся результатов. Они обобщаются в монографии «Нижепермские мшанки Урала» (20.5 п. л.), которая успешно защищается Марией Ивановной в качестве докторской диссертации.

Одна работа следует за другой, и М. И. становится общепризнанным, ведущим специалистом по верхнепалеозойским мшанкам.

Наиболее продуктивными явились 50-е годы. С 1949 г. работы М. И. публикуются в пяти томах трудов ПИН'а общим объемом в 52 п. л. Последняя большая монография «Каменноугольные мшанки Русской платформы» выходит в свет в 1955 г. Последние две работы М. И. — это небольшие статьи, напечатанные в 1960 г.

Интересна ее характеристика собственных работ, данная в автобиографии: «После своих первых научных работ общегеологического характера я продолжала заниматься преимущественно палеонтологией, сначала как

специалист по аммонитам, потом — по мшанкам. В этих работах, не ограничиваясь обычного типа описаниями фауны, я применяла новые, более углубленные методы исследования, освещая ископаемые объекты с биологической, биостратиграфической и функционально-морфологической точек зрения. В настоящее время изучение мшанок палеозоя европейской части Советского Союза мной ведется также в аспекте филогенетического анализа с целью выяснения их конкретных филогенезов».²

Написано по существу, правда, несколько научным языком, а ведь М. И. всю жизнь была не только ученым, но и писательницей, некоторые усложнения языка ей простительны. А писательницей М. И. была прирожденной. Как уже отмечалось, еще на школьной скамье она пишет свою первую научно-популярную статью «О периодичности ледниковых периодов» (1909 г.). В следующем (1910) году выходит вторая статья «Гибель Помпеи и Геркуланума», в 1914 г. — «Снег и лед в жизни Земли» и в 1916 г. — «Вулканы и землетрясения» (7 п. л.). В рукописи осталось несколько произведений М. И., написанных живо и хорошо. Одно из них, написанное в 20-х годах, называется «На север — за углем».

«Уже в начале марта, — пишет М. И., — все более удлиняющиеся дни и все сильнее и сильнее греющее солнце будят мысли о приближающемся лете, о намеченной на лето экспедиции.

Еще снега везде достаточно и морозы дают себя знать, но веселая полуденная капель с крыш и весенний, почему-то пахнущий яблоками, воздух говорят яснее ясного, что зиме конец. А уж если потянет откуда-нибудь случайно смолистым дымом, то и вовсе терпения не хватает.

Поскорее дожидаться бы лета, уехать на волю, где будут просторы безлюдных северных рек, глушь тайги, привалы у костров и захватывающий интерес той научно-исследовательской работы и тех достижений, которые являются ее целью.

В июне экспедиция становится, наконец, реальностью. Зимняя академическая работа заканчивается. Лекции отчитаны; практические занятия выполнены. Студентами, будущими коллекторами, сдаются последние экзамены.

² Архив ПИН'а АН СССР (г. Москва). Дело М. И. Шульга-Нестеренко.

Участниками геологической партии получены командировочные удостоверения, получены авансы, начинается подготовительный период.

Надо получить здесь, на базе, все снаряжение и оборудование, начиная от палаток, которые будут в тех краях единственным убежищем, брезентов, сундуков, спецодежды и кончая точнейшими инструментами, барометрами, компасами, которые так нужны при геологической съемке.

Там, куда мы едем, кооперативы не рассчитаны на всю ту массу разнообразных исследовательских партий, которые съедутся в начале лета. Надо все обдумать, ничего не забыть, и длинные списки оборудования вырастают в записных книжках.

На далекий север посланы письма друзьям — местным жителям, из которых многие работают в печорских геологических партиях уже по нескольку лет. Им самим, их женам и детям надо закупить подарки: ситцы, духи и мыло, цветастые головные платки, а кому и темные, клетчатые, смотря по вкусу.

Все закупленное сносится на сборный пункт, в геологический кабинет, и упаковывается; скоро между витринами музея вырастают ряды зашитых в рогожи тюков и ящичков и, неподобающие в таком ученом месте, сильно слышны ароматы странной смеси мыла и яловочных сапог, всякой бакалеи, папирос и махорки».³

Читаешь эти живые, простые строки и самому так хочется в поле, в светлые, теплые леса Южного Урала, на лужайки, сплошь заросшие белыми звездочками ромашки, хочется опять ползать по известняковым скалам, опять бить ракушу, но, увы, — всему свое время.

Читаешь и думаешь, как жалко, что М. И. кроме ученых больших монографий не писала небольшие, простые рассказы о жизни геологов. Они были бы у нее хороши.

Мария Ивановна была не только выдающимся палеонтологом, но и хорошим, может быть, блестящим писателем.

Уже в 50-х годах, незадолго до прекращения работы в Палеонтологическом институте, М. И. писала веселые стихи для стенгазеты, в них, и особенно в комментариях к ним, так много юмора. Привожу стихи о хвосте и комментарии к ним. Они переданы мне А. И. Осиповой, кото-

³ Личный архив А. И. Осиповой (г. Москва).

рой мы обязаны и за выдержки из дневников М. И. Поводом для стихов о хвосте послужили стихи Маршака. Вот они.

Хвост

Медведь и слон,
Козел и дрозд —
У всех, у всех
Я вижу хвост.
У зайца хвост
И у коня,
Но нет у Вас
и у меня.
Я научусь ходить один,
Пойду в хвостовый магазин,
Мне продавец измерит рост
И, наконец, примерит хвост.
В зоологическом саду
Ко всем я клеткам подойду:
«Скажите, слон, скажите, дрозд,
Как вам понравился мой хвост?».

А вот текст Марии Ивановны.

*Стихи для детей старшего возраста,
от 25 до 80 лет*

Гиена, слон
И лептобос —
У всех, у всех
Я вижу хвост.
У диплодока,⁴ у коня...
(Хвост есть у Вас и у меня).
Я закачусь на Урал,
Пусть спит в пыли бинокляр,
И план лежит в столе один...
Я ж буду жечь в тайге бензин,
По бездорожью буксовать,
Затем из грязи ГАЗ толкать...
Мой план лежит в столе один,
Не тронут, чист и невредим.
И, наконец, потянет в рост
Мой крошка — незаметный хвост.
Я „тыщи“ камней сворочу...
Я скалы на спине стащу...
В ПИН буду гнать за тонной тонну,
Я не услышу плана стоны...
Хвост будет зреть и развиваться,
В столе не будет помещаться.

⁴ Лептобос и диплодок — ископаемые организмы.

Когда же я вернусь в Москву,
В музей наш милый попаду —
Мне скажут мамонт, лептобос:
„Вот это, братец, хвост так хвост“.

Издательства бывают разные. Но все они — бич для авторов. Они режут, кромсают, перекраивают, удлиняют, сокращают, изменяют и видоизменяют. Редсоветы часто пазывают „вредсоветами“, но это не совсем правильно, так как для некоторых авторов такие редсоветы — негласный и главный соавтор.

Редсовет ПИН'а — организация солидная и строгая. От авторов в лучшем случае остается лишь „капва“, в худшем — одно „воспоминание“.

Данное стихотворение было представлено в Редсовет, который внес ценные предложения (на 5 страницах машинописи).

1. Одобрить выбранную автором тему как полезную для производства и злободневную.

2. Предложено автору переработать „статью“ до 8 печатных строчек.

3. Осветить вопрос о наследовании этого благоприобретенного признака.

4. Показать функциональное значение хвостового признака и его действие на организм.

5. Оттенить различие хвостов, плановых и внеплановых.

Выбившись из сил, автор написал на имя Редсовета около 25 непечатных строк, не поддающихся оглашению.⁵

Интересны воспоминания Т. Г. Сарычевой. «М. И. Шульга-Нестеренко, — пишет она, — была близким другом как Е. Д. Сошкиной, так и Т. А. Добролюбовой, хотя сильно отличалась от них по характеру. Она тоже была специалистом высшей квалификации и также беспредельно была предана науке. Ее исследования также отличались ювелирной тщательностью. Она также стремилась к восстановлению истории развития изучаемых ею мшанок, но не выходила при этом за рамки филогенеза на видовом уровне. Поэтому ей было так трудно рассматривать системы высших таксонов, когда ей пришлось писать раздел „Мшанки“ в „Основах палеонтологии“.

⁵ Дневник М. И. Шульга-Нестеренко. Личный архив А. И. Осиповой (г. Москва).

Она так и не смогла довести его до конца из-за болезни. Всю основную работу в этом издании сделала Г. Г. Астрова.

В отличие от очень скромных Е. Д. Сошкиной, и особенно Т. А. Добролюбовой, Мария Ивановна оценивала себя очень высоко. Она очень чувствительно реагировала на любую критику и даже на недостаточное преклонение перед нею. Опять-таки в отличие от первых двух, которые вели спартанский образ жизни, М. И. любила комфорт, красивые костюмы, вкусную пищу, сама любила и умела хорошо готовить. Мне кажется, у нее было меньше друзей. Она многих учила и консультировала, но делала это так, чтобы ученики не забывали, что она стоит выше их всех. К подчиненным она была очень требовательна и, по видимому, не всегда замечала, что была несправедлива или недостаточно тактична. Ее лаборанты нередко плакали, как плакала она сама от руководства М. В. Павловой. Может быть, такая характеристика М. И. с моей стороны не совсем правильна, но я сужу по тому впечатлению, которое осталось о ней, когда она работала в лаборатории, которой я руководила».⁶

В дополнение к характеристике М. И., данной Т. Г. Сарычевой, надо сказать, что, несмотря на всю свою любовь к комфорту, М. И. неизменно и мужественно сопровождала А. А. Чернова во всех его экспедициях. А эти экспедиции были трудными, проходили на глухом и диком Северном Урале.

Интересны воспоминания и Г. А. Чернова. «В 1926 г. экспедиция отца проходила по Большой Сыне, в Печорском бассейне... Работать было трудно, но более всего доставалось Марии Ивановне. Она невыразимо боялась комаров и потому укутала голову какой-то невероятной чалмой. Поверх чалмы натянула накомарник. Свою довольно полную фигуру она облачила в несметное количество одежек. Поверх сапог красовались необыкновенной ширины шаровары, как у кубанских казаков, а на руках блестели лайковые перчатки. Глядя на нее, мы посмеивались. А день, как на грех, выдался солнечный. Тучи комаров вились вокруг. Мария Ивановна задыхалась в своей непроницаемой одежде, отставала, догоняла, наконец, кричала, когда оставалась одна в лесу. Мы ее ждали, теля время, и так без конца.

⁶ Личный архив Д. В. Наливкина.

Километры тянулись бесконечно долго. Грязь, вода, завалы деревьев, комары. В довершение всего сломалась одна волокуша посреди болота. Вещи пришлось вытаскивать из грязи».⁷

Но все равно ничто не останавливало М. И., и она многие годы везде сопровождала А. А. Чернова.

Семейная жизнь М. И. прошла как-то незаметно, не касаясь ее педагогической и научной работы.

В первый раз она вышла замуж в Киеве за Нестеренко. Кто он был и что с ним стало, неизвестно: ни в одной автобиографии, ни в некрологе об этом нет ни слова. Известно только, что детей у них не было. В 1919 г. М. И. начинает преподавание в университете и полевые работы на Севере, но о муже опять ни слова.

Второй раз она вышла замуж за своего руководителя — А. А. Чернова; Н. Н. Кузькокова пишет: «В 1942 г. А. А. Чернов приехал в Сыктывкар. Его жена, М. И. Шульга-Нестеренко, во время войны тоже жила в Сыктывкаре... У них была трехкомнатная квартира».⁸

То, что они поженились, вполне понятно. М. И. много лет ездила с А. А. в качестве палеонтолога, очевидно, по его приглашению. Она была милостивой, общительной, приятной женщиной, он — живой, увлекающийся, временами огненный. Всю Великую Отечественную войну они жили вместе, вместе работали по военной тематике, главным образом по геологии нефти.

Но вот война кончается, ПИН возобновляет свою деятельность, и М. И. немедленно возвращается в Москву, А. А. остается в своем Печорском крае.

50-е годы — это годы ее наиболее интенсивной и продуктивной работы. В это время М. И. публикует свои большие сводные работы. В 1955 г. выходит ее последняя большая монография, и она оставляет ПИН, уходит на пенсию.

Первые годы на пенсии она продолжает работать по мшанкам, составляя раздел «Основ палеонтологии», в 1960 г. он печатается, и это становится ее последней работой. В 1964 г. после продолжительной и тяжелой болезни она умерла. В том же году умирает и А. А. Чернов. Ему в то время было 86 лет, Марии Ивановне — 74.

⁷ Чернов Г. А. Полвека в Печорском крае. М., 1974.

⁸ Кузькокова Н. И. Александр Александрович Чернов. (1877—1963). — Изв. Коми филиала АН СССР, 1963, вып. 8.

Награжденные орденами сотрудницы Палеонтологического института. 1953 г.

Сидят слева направо: М. И. Шульга-Нестеренко, Е. Д. Сопкина, Т. А. Добролюбова, Е. Д. Конжукова, *стоят слева направо:* Е. А. Иванова, Н. А. Ширшова, О. М. Мартынова, С. Е. Розовская, Н. В. Кабакович

За выдающиеся заслуги некоторые первые русские женщины-геологи были награждены орденами Ленина. Мария Ивановна выразила свои чувства в письменной форме: «Орден Ленина . . . высокая, волнующая награда за долгую жизнь, отданную служению науке. Счастье получить этот орден за жизнь, всегда звучавшую теми необычайными высокими наслаждениями, которые дает научная работа!

Гордость в душе от того, что труд, который был радостью, начиная с далекой молодости, назван безупречным.

Его достижения признаны достойными награды — ордена имени того, кто сам отдал свою жизнь науке и труду для блага человечества, для мира во всем Мире.

Счастье жить в стране, где так оценивается труд любой специальности, когда он служит Родине».⁹

⁹ Оригинал письма находится в личном архиве А. И. Осиповой (г. Москва).

*Палеонтологический институт
и его основатель
академик А. А. Борисяк*

Среди московских учреждений особенно большую работу по подготовке первых женщин-палеонтологов выполнил Палеонтологический институт Академии наук СССР, когда директором его был А. А. Борисяк. Не менее важную работу по подготовке палеонтологических кадров ПИН выполнял и позже, выполняет он ее и сейчас.

Первые годы ПИН занимался только остеологией. В его состав входила знаменитая Северодвинская галерея, организованная А. П. Амалицким и А. П. Амалицкой, и богатейшие коллекции самого А. А. Борисяка. В 1936 г. в состав Института была включена Лаборатория палеозойских беспозвоночных, организованная Т. Г. Сарычевой. С тех пор изучение беспозвоночных значительно усилилось, и сейчас ими занимается ряд лабораторий. Усилилось также и изучение позвоночных.

В стенах этого института получили развитие и теоретические вопросы. Для примера можно назвать Лабораторию палеоэкологии, созданную Р. Ф. Геккером. В этой лаборатории до сих пор работают Е. И. Иванова и А. И. Осипова, принадлежащие к группе первых женщин-геологов курсисток.

Сейчас ПИН — это большой институт сложной структуры с многочисленными и разнообразными отделами и лабораториями, с прекрасным музеем, скоро переезжающим в новое, специально построенное здание на окраине Москвы, но самое ценное в нем — это его кадры. История создания и первых лет существования ПИН'а совпадает с историей жизни А. А. Борисяка, его основателя.

Алексей Алексеевич Борисяк — один из крупнейших советских геологов-теоретиков, основоположник учения о геосинклиналях, важнейшего учения, которое лежит в основе всей современной геологии. Выдающийся палеонтолог, ученый с мировым именем, он прежде всего был биологом. Верный ученик одного из создателей теоретической анатомии Петра Францевича Лесгафта, он всегда стремился связать части скелета с их функциями. Для него

остеологический материал был частью тела животного. Биостратиграфия всегда мало интересовала его, на первом плане всегда стояло само животное, его жизнь, движение, экология, эволюция.

В 1930 г. он реорганизовал Палеонтологический музей АН СССР в институт и включил его в Отделение биологии АН СССР. А. А. сумел при этом «победить» мнения многих геологов, требовавших включения Палеонтологического института в Отделение геологии. А. А. был непревзойденным педагогом, творцом ряда новых курсов, в том числе и такого важного курса, как геология СССР.

А. А. Борисяк родился в 1872 г. в г. Ромны. Отец его — межевой инженер — по характеру службы часто переезжал из города в город, и среднее образование А. А. получил в Самаре. В 1891 г. он поступает в Петербургский университет, где увлекается биологией и даже историей. Интересно, что эти увлечения так и остались у него на всю жизнь, но получили «геологическое оформление». Отец настаивает на том, чтобы сын стал инженером, и на следующий год А. А. переходит в Горный институт. К счастью, Горный институт всегда был передовым, новаторским учебным заведением, и у молодого студента история становится историей Земли, исторической геологией. Этой наукой он увлекается, учится и сам учит студентов десятки лет. Профессором кафедры исторической геологии он был более 20 лет.

Основное, чем увлекался А. А., что он ставил выше всего, — это была эволюция, развитие, изменчивость, а у организмов — онтогенез и филогенез. Вся историческая геология и стратиграфия для него были непрерывной, все создающей, все изменяющей эволюцией, развитием, движением, развитием от более простого к более сложному.

Особенно ярко, сильно и всеохватывающе эволюция проявляется в истории органического мира, в палеонтологии. И вот А. А. пишет новый учебник палеонтологии, весь проникнутый эволюцией, весь построенный на развитии органического мира, взаимосвязях различных групп, его слагающих. Учебник был поразительным, он «обогнал» современников на многие десятилетия, он был сложнее обычных описательных курсов, труднее их, и его не поняли и забыли. Это было для А. А. тяжелым ударом, и он больше никогда палеонтологию не преподавал.

Совсем другое дело было с исторической геологией и стратиграфией. Здесь все понимали, что основная тенденция — это эволюция, что она лежит в основе всей истории Земли. Когда появился учебник исторической геологии, написанный Алексеем Алексеевичем, он был очень хорошо принят, по нему стали преподавать во многих вузах, новые издания следовали одно за другим, и А. А. был очень доволен и полностью удовлетворен.

В жизни А. А. было две эпохи: первая — ленинградская, геологическая, и вторая — московская, палеонтологическая.

В Ленинграде основной работой А. А. была профессура. Он не только блестяще поставил курс исторической геологии, но и создал такие новаторские курсы, как геология СССР, учение о фациях, палеофаунистика. Им, наконец, как упоминалось, было разработано учение о геосинклиналях, легшее в основу современных геологических построений. Значение работ этой эпохи переоценить трудно.

В Москве характер работы А. А. изменяется чрезвычайно резко. Он прекращает преподавание и занимается только палеонтологией и всем, что с ней связано. Из геолога он становится биологом.

Ископаемыми млекопитающими А. А. начал заниматься задолго до Великой Октябрьской социалистической революции, еще в системе Геологического комитета, но преподавание и другие геологические работы оставляли ему мало свободного времени. Позже он переходит в Академию наук, в Палеонтологический музей, который благодаря энергии и настойчивости А. А. превращается в Палеонтологический институт. Первоначально в ПИН входили только остеологи. А. А. решает расширить тематику ПИН'а и включает в него Лабораторию палеозойских беспозвоночных, организованную Татьяной Георгиевной Сарычевой.

Все сотрудники этой лаборатории, в основном женщины, были типичными биостратиграфами, геологами. И вот Алексей Алексеевич вместе с Т. Г. мужественно принимаются за большую и трудную работу — за «переделку» геологов в биологов, как тогда говорили, за «биологизацию». Все сотрудники ПИН'а встретили новшество сочувственно, и их работы, ранее бывшие чисто морфологическими и стратиграфическими, стали дополняться

большими главами, посвященными эволюции изучаемых форм, их онто- и филогенезу, экологии, морфо-функциональному анализу и другим биологическим вопросам. Биологизация шла успешно, и когда через несколько лет многие сотрудники ПИН'а защищали докторские диссертации, то они становились докторами биологических наук. Этим они обязаны, конечно, Алексею Алексеевичу.

Быть директором биологического ПИН'а А. А. суждено было недолго. Через 6 лет началась Великая Отечественная война. А. А. эвакуируют в санаторий «Боровое», на севере Казахстана, а институт — в Алма-Ату. Однако вскоре они «соединяются» во Фрунзе, а уже в 1943 г. ПИН возвращается в Москву; события военных лет постепенно разрушают здоровье А. А., и без того шаткое, и в 1944 г. он умирает.

Всю свою жизнь А. А. был горячим поборником равноправия женщин. Он делал все, что мог, для того чтобы дать им высшее образование, помочь им в их палеонтологической и стратиграфической работе. Еще до Октябрьской революции, в 1911 г., он организовал в Петербурге геологический кружок для обсуждения и изучения ряда биологических, в основном эволюционных, вопросов. В этот кружок входили четыре курсистки-бестужевки.

В первые годы после Октябрьской революции выдающийся географ, позднее академик, Л. С. Берг и ряд других передовых ученых, в том числе и А. А. Борисяк, организовали в Петрограде географические курсы. Вскоре они выросли в институт, а потом этот институт превратился в географический факультет Ленинградского университета. Доступ на эти курсы был открыт для всех, и многие женщины получили на них свое географическое образование; география — наука широкого профиля, и некоторые из женщин стали геологами и палеонтологами.

Вскоре был открыт прием женщин в Горный институт, и у А. А. появился ряд учениц. Некоторые из них стали выдающимися геологами и палеонтологами. Однако наиболее важную и значительную работу по подготовке первых женщин-палеонтологов А. А. провел в Москве, в ПИН'е. В его стенах он организовал первое совещание сотрудников кафедр палеонтологии всего Советского Союза. Многие из участников этого совещания были выдающимися, ведущими учеными и профессорами и среди них — наши первые женщины-палеонтологи и геологи.

Другие московские курсистки

Члены черновской группы — это, конечно, «цвет» московских курсисток, это выдающиеся ученые, гордость советской биостратиграфии, но они не были единственными. Кроме них окончили курсы и такие выдающиеся биостратиграфы, как В. И. Громова, Д. М. Раузер-Чернусова, С. В. Семихатова, Е. И. Иванова; ряд палеонтологических монографий написала О. Г. Туманская. Выдающимся палеофитологом стала Е. Ф. Залесская-Чиркова. По мшанкам работала В. Б. Тризна. О них речь впереди.

Из оканчивающих геологическую специальность и в наше время далеко не все становятся крупными научными работниками, авторами известных монографий. Большинство уходит на производственную работу, некоторые работают в музеях, различных лабораториях, часть работает в качестве учителей. Научных работ они почти или совсем не пишут, их имена быстро забываются. Многие же просто «погружаются» в семейную жизнь. Так было и с курсистками.

«Непошедшие» по научной линии были даже среди первых курсисток. Ф. Ю. Левинсон-Лессинг (1901 г.) упоминает Л. В. Яковлеву и В. Голубцову. По окончании курсов первая опубликовала с А. Б. Миссуна небольшую кристаллографическую заметку, а вторая вышла замуж за профессора В. М. Цебрикова и, занявшись домашним хозяйством, прекратила работу.

Из числа курсисток, учившихся одновременно с В. А. Варсанофьевой, я тоже знаю «непошедших» в большую науку. Среди них можно назвать О. В. Образцову-Ельсину. Ольга Васильевна Ельсина родилась в 1892 г. в Ярославле, в семье преподавателя. В 1914 г. она окончила Московские высшие женские курсы по циклу геологии. С 1915 г. по 1920 г. преподавала в Ярославле в средних школах. В 1921 г. была зачислена преподавателем на кафедру геологии и минералогии Ярославского университета. В 1942 г. университет реорганизуют в Педагогический институт. О. В. продолжает работать и в нем, на той же кафедре, под руководством профессора Н. Ф. Чурина. Работает она там до 1931 г. В 1932 г. наступает резкий перелом — О. В. бросает преподавание, бросает геологию, научную работу и уезжает

в Москву. Уезжает уже под двойной фамилией — Образцова-Ельсина. Что с ней было дальше, я не знаю.

Научная работа, выполненная в Ярославле, невелика: маленькая заметка (2 с.) о мергелях и сравнение ярославской юры с рязанской. В Рязань она ездила в двухмесячную командировку.¹

Я уже писал, что в Москве одновременно с В. А. Варсанофьевой училась Е. Молдавская. По успеваемости она была одной из первых и зачеты сдавала только на пятерки. Однако после окончания курсов она ушла на работу в какое-то геологическое управление. Там она работала так же добросовестно, как и получала пятерки, но без всякого интереса и кроме небольших отчетов ничего не оставила.

Какое различие, например, с Е. Д. Сошкиной! Они учились одновременно. Е. Д. пятерками отнюдь не выделялась, но еще на курсах у нее появился интерес к палеонтологии, с годами он рос и в конце концов Е. Д. стала лучшим специалистом по ругозам в СССР, автором ряда выдающихся, широкоизвестных монографий.

Могу только посоветовать нашим студенткам брать пример не с Е. Молдавской, а с Е. Д. Сошкиной. Лучше не гнаться за пятерками по второстепенным предметам, а делать больше, чем на пятерки, по любимым.

Приблизительно в то же время на Высших женских курсах училась Ольга Алексеевна Денисова. По окончании курсов она под руководством академиков И. М. Губкина и А. Д. Архангельского занималась изучением Курской магнитной аномалии. Позже преподавала геологию. Палеонтологией не занималась. Умерла она в 1937 г.²

Однако вернемся к курсисткам (геологам и палеонтологам) второго поколения, труды которых составляют гордость советской науки.

¹ Материалы об О. В. Ельсинай мне сообщил и. о. профессора Педагогического института А. Н. Иванов.

² Личное сообщение Е. А. Ивановой.

Дагмара Максимилиановна Раузер-Черноусова

Дагмара Максимилиановна Раузер-Черноусова — одна из последних курсисток (окончила курсы в 1918 г.) — главный специалист по палеозойским фораминиферам, крупнейший ученый, внимательный и глубокий исследователь и выдающийся организатор. К этому можно еще добавить — бесстрашный новатор и верный товарищ.

В самом начале 30-х годов в СССР началось изучение палеозойских фораминифер и выяснение их значения для стратиграфии. Первыми занялись этой проблемой Г. А. Дуткевич и М. А. Калмыкова (1930 г.); почти одновременно с ними начала работать и Д. М. Раузер-Черноусова (1931 г.), а несколько позже и Л. П. Гроздилова (1935 г.). Л. П. Гроздилова, моя ученица, была в то время совсем молоденькой, и основная работа легла на плечи Д. М., которой в то время было уже 35 лет, и она была вполне сложившимся ученым.

В 1933 г. я работал на Южном Урале, изучая разрезы девона и нижнего карбона. Одновременно со мной работал В. Н. Крестовников. И он, и я составили разрезы по р. Зиган, они совпали, но возник вопрос о границе девона и карбона. На фораминифер я не обратил никакого внимания, как тогда и полагалось, но В. Н. Крестовников, собрав по разрезу образцы для изучения фораминифер, передал их Д. М. для изучения. Сама Д. М. в то время работала на Среднем Урале, изучая в основном фузулиниды из разрезов верхнего палеозоя, стратиграфическое значение которых уже было доказано, но не было выяснено полностью.

Года через два встречаю я в Москве В. В. Меннера (моего старого друга, ныне академика, с которым одно время мы работали в Стратиграфическом отделе ГИН'а) и спрашиваю: «Что нового?», и он с необыкновенным увлечением, даже с восторгом, говорит: «А знаете, как много дали фораминиферы даже для нижнего карбона и девона!». Я улыбаюсь: «Что-то сомнительно!». Он горячо: «Нет, нет, Раузер-Черноусова получила такие результаты!». Говорю спокойно: «Посмотрим, что будет дальше!». А он: «И смотреть нечего, надо им устроить

микрофаунистическую лабораторию!». Действительно, года через два-три и мне пришлось идти к Д. М. на поклон. Много раз я приходил к ней и позже. У них в группе всегда было очень приятно. Комнатушка маленькая, народу набито в ней масса, но все веселые, работают с увлечением, дружно, друг друга защищают. Сейчас эта комнатка набита по-прежнему, но к ней добавлена лаборатория из пяти комнат. Значение этой лаборатории очень велико, о ее истории будет рассказано ниже.

Роль Д. М. в организации лаборатории чрезвычайно велика, ее нельзя переоценить. Дело в том, что фораминиферы очень быстро изменяются. Каждый стратиграфический горизонт имеет свою фораминиферовую фауну. Достаточно небольшого кусочка породы, чтобы определить возраст. Это было исключительно важно для бурения, широко развернувшегося на Русской платформе. Бурили на каменный уголь, различные соли, но особенно много, сотни и тысячи скважин, бурили на нефть и газ. Нефтяная промышленность «схватила» за новый метод, который сэкономил ей сотни тысяч и миллионы рублей. Нефтяные геологоразведочные организации открыли у себя ряд микропалеонтологических лабораторий. Потребовались новые специалисты, и тут Д. М. и сотрудники ее лаборатории активно взялись за подготовку молодых специалистов, работа шла успешно, и сейчас многие десятки, а возможно, и сотни микропалеонтологов считают себя учениками Дагмары Максимилиановны.

Я попросил Екатерину Александровну Рейтлингер поделиться своими впечатлениями о Д. М. как о руководителе лаборатории. Она пишет: «Дагмару Максимилиановну я считаю редким явлением природы — феноменом! Кроме богатства идей и исключительной трудоспособности, она удивительно милый и отзывчивый человек! Свои идеи она щедро раздает: „не важно, кто сделал, важно, что сделано“.

Очень внимательна она и к людям. Всегда интересуется: „Что дома, что мешает работать, что огорчает, чем можно помочь?“. Советы и деньги у нее всегда наготове.

Мы все ее очень любим, но вместе с тем как руководителя лаборатории и побаиваемся. Может она и распечь. Есть у нас такая ходячая фраза: „А что тетя Дага скажет?“. Сказать, что работа сделана плохо, она непостесня-

ется, хотя потом переживает, видя наше огорчение. Стараются утешить, навести на верное решение вопроса».¹

Анализ печатных работ Д. М. интересен и ярко отражает всю ее научную жизнь. Кончает она Высшие женские курсы в 1918 г. Начинается гражданская война, а с ней и перерыв в работе. Первая печатная работа появляется только в 1928 г. Она небольшая и носит скромное название, как и подобает первой работе, «О некоторых нижнекаменноугольных аммонитах Ферганы». Эта работа была начата еще до Великой Октябрьской социалистической революции, но закончить и напечатать ее удалось только в 1928 г. Д. М. эту работу очень ценила и в письме ко мне пишет: «Если бы не перерыв в работе (1918—1925 гг.), то я бы, наверное, сделалась аммонитчицей, так как эта группа мне очень понравилась. Моя работа была отмечена Карпинским в письме ко мне, да и за рубежом эта статья дала мне значительную известность».²

Из огненной, выжженной солнцем Ферганской долины Д. М. в том же году «переходит» на прохладное дно Черного моря, и начинается серия работ, посвященных его илам. Они, как и все, что делает Д. М., солидные, содержательные и интересные, но сразу видно, что душа их автора не лежит к этим исследованиям. Ее привлекают другие вопросы, и вот илы дополняются палеонтологией — интересной работой об изменчивости *Cardium edule* — этой самой распространенной черноморской формы.

Работы по илам довольно скоро кончаются. В 1930 г. Д. М. переезжает в Москву, и в 1934 г. выходит в свет ее первая работа по фораминиферам: «Микрофауна и стратиграфия карбона Самарской Луки». Она такая же солидная и содержательная, как и работы по илам, но в каждом ее разделе сквозит, сияет увлечение, я бы сказал, радость — Дагмара Максимилиановна, наконец, находит свое призвание.

Начинается торжественное, величественное шествие фузулин, швагерин и всяких других палеозойских фора-

¹ Письмо Е. А. Рейтлингер автору книги. Личный архив Д. В. Наливкина.

² Письмо Д. М. Раузер Черноусовой автору книги. Личный архив Д. В. Наливкина.

Д. М. Раузер. Курсистка

минифер. Сначала идут уральские формы и формы центральных областей, вскоре к ним присоединяются казахстанские, арктические и башкирские формы, формы Печорского края, а шествие все продолжается, нескончаемой чередой оно идет 40 лет. В течение этого громадного срока Д. М. писала только работы, связанные с фораминиферами, никаких других работ у нее нет. Это уникально и поразительно. Общее число работ, опубликованных Д. М. за все это время, около 110. Производительность в научной работе у Д. М. очень велика. От нее отстает по объему написанного даже сама М. В. Павлова. Правда, следует заметить, что лошади и слоны крупнее фузулин и швагерин и число их видов поменьше. В справочнике-определителе, вышедшем в свет в 1951 г., дается описание более 500 видов фораминифер. Но я думаю, что если бы Д. М. пришлось изучать лошадей и слонов, то и тогда она опередила бы М. В. Такая систематичность

и трудолюбие, соединенные с высокой квалификацией, встречаются очень редко.

Интересно изменение содержания работ Д. М. До 50-х годов шел в основном фактический материал, палеонтологический и стратиграфический. В 50-е и особенно в 60-е годы Д. М. справедливо решает, что пора заняться общими, теоретическими и биологическими, вопросами — материала накопилось достаточно. Решила, и вот одна за другой появляется ряд интереснейших исследований. В 1948 г. выходит в свет работа «О периодичности в развитии фораминифер». В письме ко мне Д. М. пишет: «Эту работу я очень ценю».³ В 1949 г. она печатает статью об онтогенезе фораминифер, в 1950 г. — о фациях.

Затем она увлекается очень важным и трудным вопросом о низших систематических единицах у фораминифер и связанных с ними сверхданных стратиграфических подразделениях и в 1954—1956 гг. печатает ряд статей. Уже в 1960 г. она переходит к географическим ареалам, истории развития, к возникновению новых видов, а в 1965 г. выходит небольшая, но важная и интересная статья «Этапность и периодичность в развитии фузулинид».

За последние десять лет Д. М. написано 14 работ, не считая мелких заметок, рецензий, хроники и т. д. Половина из них носит биостратиграфический характер; это статьи о зонах, границе карбона и перми, касимовском ярусе, распределении фораминифер в сакмарском и асельском морях, другая половина — это палеонтологические исследования, посвященные эволюции фораминифер верхнего палеозоя, морфологии швагерин, систематике в палеоэкологии фораминифер.

Особенно увлекла Д. М. история изменений стенок фораминифер и значение этого для классификации. Совместно с А. А. Герке она даже опубликовала «Терминологический справочник». Эта большая и трудоемкая работа заставила Д. М. переработать обширную литературу, что в свою очередь позволило ей написать труд об историческом развитии стенок раковины и его таксономическом значении. Этот вопрос ее «всегда особенно интересовал как чрезвычайно важный и кардинальный для систематики фораминифер».⁴

³ Там же.

⁴ Там же.

Интересно, что самой Д. М. больше всего удовольствия доставила работа о периодичности в развитии фораминифер, написанная ею совместно с Е. Л. Кулик в 1948 г. Она пишет мне: «Для меня это исследование было как открытие чего-то нового».⁵

Мне пришлось писать свои работы одновременно с Д. М., и я все время завидовал ей. У нее все выходило последовательно и полно, от простого к сложному, ни на какие соблазны, особенно тематические, она не поддавалась. А мне, бедному, приходилось браться то за одно, то за другое, то за третье, почти как В. А. Варсанофьевой. Научное содержание и значение работ Д. М. более полно отражено в статьях В. В. Меннера и Е. А. Рейтлингер.⁶

Заслуживает особого внимания успешное уклонение Дагмары Максимилиановны от педагогической деятельности.

Первых женщин-геологов курсисток было немного. После Октябрьской революции появилось много новых вузов, потребность в преподавателях резко возросла, и бывшим курсисткам пришлось взяться за преподавание. Научная работа их от этого, конечно, страдала. У Д. М. хватило силы воли почти совсем отказаться от педагогической деятельности. Этим она еще более усилила свою научную работу, и без того хорошо организованную.

Организаторская деятельность Д. М. по качеству, размерам и значению не уступает научной. Наибольшее значение имеет организация Лаборатории микропалеонтологии.

Лаборатория микропалеонтологии — это своеобразное и интересное учреждение. Она интересна для демонстрации того, как вначале подсобная, потом теоретическая, маленькая ячейка может вырасти в большую систему производственных лабораторий. Эти лаборатории экономят стране сотни тысяч, а может быть, и миллионы рублей, помогая правильно направить бурение на нефть и газ.

⁵ Там же.

⁶ Меннер В. В. О научной деятельности проф. Д. М. Раузер-Черноусовой. — Вопросы микропалеонтологии, 1966, вып. 10, с. 3—12; Рейтлингер Е. А. Дагмара Максимилиановна Раузер-Черноусова (к 70-летию со дня рождения). — Советская геология, 1965, № 7, с. 164, 165.

В 1931 г. известный геолог-нефтяник В. А. Сулин предложил Д. М. заняться изучением фораминифер и их биостратиграфии. В то время была открыта первая нефть в толщах рифовых известняков верхнего палеозоя Приуралья, в Верхнечусовских Городках. Известняки были очень мощные, почти немые, и разобраться в их стратиграфии было почти невозможно. У В. С. Сулина возникла мысль — не помогут ли фораминиферы? Проверка этого предположения и была поручена Д. М. Работа была очень трудная, совершенно новая и исключительно трудоемкая. Фораминиферы можно было изучать только в прозрачных шлифах. Делать эти шлифы из твердых, кремнистых известняков было тяжело и отнимало очень много времени.

Д. М. блестяще справилась со всеми трудностями, все сделала сама и года через два получила первые результаты. Они оказались положительными. Д. М. доказала, что фораминиферы для изучения стратиграфии палеозоя имеют большое значение. Как я уже писал выше, это было выдающееся, ведущее открытие. Д. М. предложили расширить работы и дали денег для приглашения двух шлифовальщиков.

Вот тут впервые и сказались выдающиеся организаторские способности Д. М. Вместо того чтобы взять на работу двух шлифовальщиков, она приглашает двух молодых людей, кончающих среднюю школу, и делает из них не только шлифовальщиков, но и научных работников. Этими молодыми людьми были Е. А. Рейтлингер и Г. М. Беляев: Екатерина Александровна со свойственным ей остроумием пишет мне: «Кадры довольно мало-квалифицированные — прямо со школьной скамьи. Техника самая примитивная. Обыкновенная сковородка ставилась на табуретку, в нее насыпался порошок, подливалось немного водички и начиналось „трение“. Порода была очень твердая. Процесс изготовления шлифов был весьма длительным. А в общем все было весело и очень интересно!».⁷

А интересно было потому, что они не только «терли» шлифы, но под руководством Д. М. и смотрели их под микроскопом, определяли, читали книги и даже ходили в университет на лекции по биологии. Вскоре их перевели

⁷ Личный архив Д. В. Наливкина.

в «младшие палеонтологи», а Д. М. привлекла их в качестве соавторов к своим первым работам по фораминиферам.

Работа развивалась успешно, нефтяники были довольны, и лаборатория пополнилась четырьмя новыми сотрудниками. Интересно, что одним из них была жена В. А. Сулина — инициатора всего дела. Но вскоре она ушла, двое погибли во время Великой Отечественной войны и только Г. Д. Киреева стала квалифицированным специалистом, но ее сделали начальником другой лаборатории. Г. М. Беляев окончил университет и сделался зоологом (сейчас он доктор биологических наук).

В конце 30-х годов наступает второй — «академический» — период в жизни лаборатории. Она в полном составе переходит в ГИН, где находится и в настоящее время. Е. А. Рейтлингер пишет: «Коллектив образуется новый. Постепенно в него включаются О. А. Липина, С. Ф. Щербович, Е. Л. Кулик и некоторые другие. Меня тогда не было — я поступила учиться в МГРИ, вышла замуж, появились дети. Снова к Д. М. попала уже после войны и вскоре была зачислена в аспирантуру».⁸

После Великой Отечественной войны ведущее значение фораминифер для стратиграфии стало ясно каждому, и Д. М. получила возможность значительно увеличить объем лаборатории и даже поставить вопрос о реорганизации ее в институт, но тут Д. М. сделала второй мудрый шаг. Она отказалась от всякого увеличения штатов лаборатории и сказала, что Министерство нефтяной промышленности само должно создавать небольшие группы специалистов для изучения биостратиграфии нефтеносных толщ. Геологи-нефтяники так и поступили. Д. М. пишет мне: «Можно считать, что палеозойские микропалеонтологи имеются приблизительно в 150—180 ячейках. Число фораминиферчиков палеозоя около 200».⁹ Цифры, конечно, поражающие.

За собой и своей лабораторией Д. М. оставила руководство и помощь этим многочисленным специалистам. Руководство проводится через Комиссию микропалеонтологии, в которой она председательствует с 1954 г. Эта комиссия проводит коллоквиумы, семинары, всесоюзные

⁸ Там же.

⁹ Там же.

совещания и имеет свой журнал «Вопросы микропалеонтологии». Громадную, незаменимую помощь оказывают и организованные ею шлифотека — хранилище шлифов и картотека — хранилище карточек, на которых зарегистрированы все известные фораминиферы палеозоя. Эти хранилища занимают специальное помещение и непрерывно посещаются. Значение работы, выполненной лабораторией, трудно переоценить. Она исключительно важна, нужна и полезна.

Сейчас перед лабораторией стоит новая задача — биостратиграфия нефтеносного мезозоя. По своему объему и значимости она не уступает биостратиграфии палеозоя. К выполнению этой задачи привлечена В. Г. Морозова. Пока эта задача — дело будущего, но очень близкого. Запасы нефти в мезозойских толщах значительны и интенсивно разрабатываются.

Экспедиционные работы Д. М. также значительны. Сначала в течение нескольких лет ей пришлось работать на побережье Черного моря, изучая илы и собирая их образцы. Позже, когда она перешла на фузулинид, ей пришлось изучать разрезы и собирать фауну на Самарской Луке, на Южном Урале, в Приуралье, на Среднем Урале, на Тимане, в Подмосковном бассейне и в Печорском крае. После Великой Отечественной войны снова начинаются поездки. В 1946 г. Д. М. едет на Северный Урал, в 1955—1956 гг. — на Окско-Цнинский вал и даже в 1971 г., когда ей было 76 лет, она работает на шихане Шахтау около Стерлитамака, на Южном Урале.

Были поездки и за границу. Д. М. посетила Чехословакию, Швейцарию, во Франции участвовала в работе Угольного конгресса. Везде она выступала с докладами, которые привлекали большое внимание.

Перед советскими учеными часто ставят задачу — догнать и перегнать зарубежную науку, поднять престиж советской науки. Для решения этой важной задачи Д. М. сделала особенно много. Благодаря ее исследованиям, исследованиям ее многочисленных сотрудниц и последователей советская микропалеонтология сейчас стоит на первом месте в мире. Большую роль сыграли в этом многочисленные доклады и статьи, опубликованные Д. М. в зарубежных журналах.

Жизнь Дагмары Максимилиановны четко делится на три периода. Первый период — учение (по 1918 г.; год

окончания вуза). Второй период — становление (с 1918 г. по 1931 г.; годы скитаний, исканий, замужества). Третий период — годы научной работы (с 1931 г. и по ныне). В последние годы вся творческая жизнь Д. М. посвящена палеозойским фораминиферам, в первую очередь фузулинидам, и теоретическим вопросам.

Переходя к первому периоду, лучше всего начать с наследственности. Д. М. родилась в Москве в 1895 г. Отец ее был инженером, мать — учительницей музыки. Д. М. пишет: «Наследственность могла сказаться в некоторых способностях к рисованию (отец, дед), в любви к природе (от отца, любившего животных, растения) и в способностях к музыке (от матери); я училась играть на рояле и на скрипке, очень люблю музыку, играю на рояле, скрипку забросила. В выборе специальности могла сказаться наследственность от матери, страстно любившей путешествовать. Против моего учения на Высших женских курсах был отец, и стоило больших трудов уговорить его дать письменное согласие на мое поступление (без разрешения отца или мужа в высшее учебное заведение в то время не принимали). Большую помощь оказал мне в этом мой дед — человек большого ума, самостоятельно выбившийся на широкую дорогу».¹⁰

В 1913 г. Д. М. окончила гимназию с серебряной медалью, а в 1918 г. — Высшие женские курсы, уже реорганизованные во II Московский университет. Ее с полным правом можно считать «последней курсисткой». На курсах А. А. Чернов со свойственным ему пониманием людей оценил достоинства и способности Д. М. и пригласил в руководимую им Печорскую экспедицию. В 1917 и 1918 гг. она работала на Тимане. Экспедиция 1918 г. была прервана английской интервенцией.

После освобождения Архангельска от интервентов начинается второй период жизни Д. М. Она переезжает в Печорский край, в с. Усть-Цыльму, где работает в Исполкоме (до 1921 г.). В 1920 г. Д. М. выходит замуж за К. Н. Черноусова, инструктора-счетовода. В 1921 г. у них рождается дочь Ирина. Муж заболевает туберкулезом и они переезжают в Крым.

В автобиографии Д. М. пишет: «Свою научную деятельность я возобновила в 1925 г., работая добровольным

¹⁰ Там же.

Д. М. Раузер-Черноусова. 60-е годы

сотрудником Севастопольской биологической станции Академии наук и совмещая ее с основной педагогической работой в школе. В 1927 г. принята в аспирантуру Геологического института МГУ.

В 1930 г. мы переехали в Москву. Я работала ассистентом по кафедре исторической геологии в I МГУ, а затем Педагогического института. С 1931 г. я специализируюсь в новой области — микропалеонтологии, работая в тресте „Уралнефть“ (позже «Востокнефть»), а затем в Нефтяном геологоразведочном институте. После переезда последнего в Ленинград я становлюсь сотрудником Геологического института АН СССР, где и работаю по сей день». ¹¹

Эти строки можно дополнить интересной деталью. Первая работа Д. М., напечатанная в 1928 г., посвящена карбоновым аммонейм Ферганы. Естественно, возникает вопрос, откуда посреди севастопольских илов вдруг появи-

¹¹ Рукопись. Личный архив Д. В. Наливкина.

лись ферганские аммоней? Оказывается, исследование ферганских аммоней было дипломной работой Д. М. Она начала его в 1916 г. по заданию А. А. Чернова и вела в течение 1916—1918 гг., но немного не закончила. Живя в Севастополе, она ездила в Москву и там закончила работу.

На мой вопрос, что определяло выбор тематики и места работы, Д. М. ответила: «В основном случайность. Встреча с биологом В. А. Дагаевой на Биологической станции в Севастополе побудила меня заняться илами Севастопольской бухты. Встреча с В. Н. Любимовым была причиной моего изучения хлорофилла. По переезде в Москву В. А. Сулин предложил мне заняться палеозойскими фораминиферами нефтеносной Волго-Уральской области. Эта работа меня увлекла, получились хорошие результаты и, когда Геологический институт перевели в Москву, его директор — А. Д. Архангельский — предложил мне поступить в него. Условия работы там были хорошие, там я и осталась».¹²

Поступление Д. М. в ГИН сопровождал один своеобразный разговор. Когда она первый раз встретилась с А. Д. Архангельским, он предложил ей продолжать работу по фузулинидам, а потом со свойственной ему резкостью, нередко переходившей в грубость, сказал: «Из Вас ничего не выйдет, если Вы будете так прыгать по тематике».¹³ Д. М. не сообщает, что она ему на это ответила, скорее всего промолчала, но мне она пишет: «С этим я не согласна, так как мое „прыгание“ до фораминифер очень расширило мой кругозор и обогатило чтением разнообразной литературы».¹⁴

Надо сказать, что А. Д. Архангельский все-таки был прав. За несколько лет напечатать работы по ферганским аммонейм, севастопольским илам, по хлорофиллу и изменчивости *Cardium edule* немного многовато по тематике и некоторое сходство с «прыганием» есть. Правда, работы по всем четырем темам вышли хорошие, интересные и полезные, но для будущей работы Д. М. они не были особенно характерны. За все 40 последующих лет Д. М. ничего, кроме как о палеозойских фораминиферах и связанных с ними общих вопросах, не писала, но причина этого —

¹² Письмо Д. М. Раузер-Черноусовой автору книги. Личный архив Д. В. Наливкина.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

безмерное увлечение самой Д. М. Такому увлечению, такой целеустремленности можно только позавидовать!

Период научной работы — «фораминиферовые» годы — был периодом настойчивого, напряженного, целеустремленного труда. В институте вся лаборатория Д. М. находится в Стратиграфическом отделе, под руководством В. В. Меннера. Он очень высоко ценит работы Д. М., с его стороны она получает полную поддержку. Наконец, все скитания, перемены кончаются, и Д. М. впервые получает возможность сконцентрировать все свои силы на одной тематике, такой нужной нефтяной промышленности.

В автобиографии Д. М. пишет: «Великая Отечественная война застала меня на Урале, на работе. До 1944 г. я работала по специальности в Башкирии; проживала в г. Ишимбае и в Уфе. За эту работу была награждена орденом Красная Звезда».¹⁵ К этому можно добавить, что Красная Звезда — это воинский орден, и такой чести было удостоено очень небольшое число геологов, особенно палеонтологов. «Возвратившись в Москву, — пишет далее Д. М., — продолжала работу в Геологическом институте, возглавляя Микропалеонтологическую лабораторию. В 1945 г. защитила диссертацию на степень доктора геолого-минералогических наук.

Моя научно-организационная работа определялась тесной связью с нефтяной промышленностью, которая не порвалась с переходом в АН СССР. Одной из моих задач было воспитание кадров молодых микропалеонтологов для производственных и научных организаций, что осуществлялось путем консультаций и совместных исследований».¹⁶

В 1965 г. за свою выдающуюся деятельность Дагмара Максимилиановна была удостоена Ленинской премии — самой высокой научной награды Советского Союза. Ей также было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки и техники и вручен орден Трудового Красного Знамени.

Автобиография написана Д. М. в 1965 г. С тех пор прошло 10 лет; за эти 10 лет Д. М. написала еще 14 работ; ей уже 84 года, и можно лишь от души пожелать ей еще долгих лет такой же поразительной и плодотворной работы.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Вера Исааковна Громова

Не знаю почему, но остеология необычайно привлекала внимание наших первых женщин-палеонтологов. Интересно, что кости, которые их привлекали, в большинстве своем принадлежали только млекопитающим, ни удивительные мезозойские динозавры, ни еще более удивительные палеозойские рептилии их не трогали, только одна Анна Петровна Амалицкая всю свою жизнь посвятила северодвинским рептилиям и амфибиям. Остальные — М. В. Павлова, В. И. Громова, Е. И. Беляева — занимались только млекопитающими. К их чести надо сказать, что результаты их работ уникальны и неповторимы. Они превосходят результаты работ даже таких ведущих палеонтологов, как академики А. А. Борисяк и Ю. А. Орлов.

Среди всех окаменелостей кости наиболее эффектно, наиболее бросаются в глаза, наиболее необыкновенны; то, что они привлекли внимание наших женщин, вполне понятно, но почему они выбрали кости именно млекопитающих, не вполне ясно. Я позволю себе робко высказать предположение, что они испугались необычности, загадочности динозавров. Млекопитающие понятней, ближе сердцу. Думаю, что если они испугались, то испугались бессознательно. Ни одну из них нельзя упрекнуть в недостатке храбрости и мужества.

Так или иначе, но Вера Исааковна всю жизнь занималась только костями млекопитающих, причем в первые десятилетия — костями млекопитающих самых молодых, почти современных. Только во второй половине своей научной деятельности она увлеклась древнейшими палеогеновыми формами.

Вера Исааковна Бродская родилась в 1891 г. в Оренбурге. Отец ее, еврей, был юристом, мать, русская, — служащей. В 1908 г. В. И. кончает Оренбургскую женскую гимназию с золотой медалью, а в 1918 г. — Высшие женские курсы в Москве, и в 1919 г. поступает на работу в Зоологический музей Академии наук (Петроград), впоследствии преобразованный в Зоологический институт. Здесь в течение непрерывной 23-летней работы она прошла путь от препаратора до заведующего Остеологическим отделом.

По собственному опыту знаю, что в 1919 г. в Петрограде не хватало ни продовольствия, ни топлива. Жить в нем, да еще работать препаратором музея, было и голодно, и холодно, и вообще очень тяжело. Для молодой девушки, только что закончившей вуз, сознательно пойти на такую жизнь, переехать в изолированный Петроград — это мужественный, почти героический поступок. На него мог пойти только человек, который науку ставил выше всего. Этим принципом В. А. руководствовалась в течение всей своей жизни. До 1942 г. В. И. жила в Ленинграде и работала в Зоологическом музее, а в 1942 г. переехала в Москву и до 1961 г. работала в Палеонтологическом институте АН СССР. И все время кости, кости и кости, бесконечные и разнообразные.

Вера Исаковна повторила, вернее продолжила, подвиг Марии Васильевны Павловой.

«Свою научную деятельность В. И. Громова, — пишет Б. А. Трофимов, — начала с описания остеологии отдельных родов копытных и с вопросов происхождения домашних животных на основе изучения ископаемых остатков из культурных памятников. Работы В. И. Громовой оставили глубокий след в этих областях знания. Ее исследования по ископаемым домашним животным позволили пролить свет на первые этапы их появления в Восточной Европе и значительно пополнить сведения об их происхождении вообще. Через ее руки прошло огромное количество остатков млекопитающих из археологических раскопок.

Изучение фаун млекопитающих различных отделов антропогена позволило выяснить смену фаунистических комплексов и ландшафтов в Крыму, на Кавказе, в Средней Азии и в Сибири».¹

Первая работа В. И. была опубликована в 1927 г. и называлась «Фауна трипольской культуры» (2.5 п. л.).

Научная деятельность В. И. отличалась четырьмя важными особенностями — новаторством, концентрированностью, большим объемом и систематичностью.

Новаторство прежде всего заключалось в тематике. В. И. взяла за основную тему своих работ изучение самых

¹ Трофимов Б. А. 70-летие Веры Исаковны Громовой. — Палеонтолог. журн., 1961, № 1, с. 3—5.

молодых, антропогеновых и современных, ископаемых млекопитающих, главным образом копытных. Этой темой до нее никто не занимался. Однако новаторство было не только в тематике, но и в методике исследования костей.

«Млекопитающие антропогена, пожалуй, — единственный объект из всех позвоночных, на котором можно детально проследить изменение видов. В. И. Громова — пионер в этой области в нашей стране».²

Объем выполненной ею работы поражает. Достаточно сказать, что из одних археологических раскопок в ее распоряжение поступили многие десятки тысяч самых различных костей. А сколько собрала она сама во время своих поездок? Сколько костей уже хранилось в различных музеях, и в первую очередь в Зоологическом музее в Ленинграде и в Палеонтологическом музее в Москве?

Удивителен и объем напечатанных ею работ. По одним лошадиным В. И. опубликовала более 100 п. л.

Работы, проведенные В. И. по изучению костей, найденных во время археологических раскопок, исключительно важны. Они впервые воссоздали картину животного мира, среди которого жили наши далекие предки, показали, какими животными питались они и, наоборот, какие животные питались ими. Не менее важна и общая картина эволюции млекопитающих, которая проходила одновременно с эволюцией человека.

Систематичность, точность и последовательность — вот неотъемлемые признаки всех работ В. И. Поступает она в Зоологический музей — и приводит в систематический порядок невероятное количество остеологического материала. Переходит в ПИН — и там проводится ею не меньшая работа. Но стремление к систематичности этим не ограничивается. Она хочет, чтобы и другие были такими же «систематичными», и составляет определители млекопитающих по костям скелета. Первый определитель был напечатан в 1950 г., второй — в 1960 г. Подобных определителей в мировой литературе нет. Они чрезвычайно полезны для геологов, палеонтологов, археологов и краеведов.

Пока В. И. работала в Зоологическом музее, она изучала современные и антропогеновые фауны. В 1942 г.

² Там же.

В. И. Громова

она переходит в ПИН и до 1961 г. работает в нем, заведую Лабораторией млекопитающих. Здесь кругозор ее исследований расширяется: продолжая изучать молодые формы, она одновременно рассматривает и более древние, неогеновую и палеогеновую, фауны. В 1946 г. она защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора биологических наук и получает звание профессора. В 1952 г. появляется ее монография по гиппарионам, которыми так увлекалась М. В. Павлова. В этой монографии В. И. приходит к выводу, что у гиппарионов было 12 копыт, на которые они опирались во время бега. По правде говоря, зачем им были нужны эти 12 копыт, мне не совсем понятно.

Наконец, сердце В. И. не выдерживает, и она начинает увлекаться экзотикой — гигантскими носорогами. Эти поразительные, самые крупные и массивные животные из млекопитающих, когда-либо существовавших на Земле, были настолько велики, что человек мог бы свободно пройти под их брюхом, не нагибаясь. В. И. тщательно, си-

стематически изучает коллекции А. А. Борисяка, М. В. Павловой, Г. Осборна и пишет монографию «Гигантские носороги». В ней она восстанавливает их особенности: строение скелета, географическое распространение, экологию и развитие.

В дальнейшем под редакцией В. И. выходят четыре тома трудов ПИН'а, посвященных третичным млекопитающим. В них 7 статей самой В. И. В одной из них описывается новая группа животных, которые зарывались в землю, как кроты, и в то же время питались насекомыми. В. И. назвала ее «челкаридами» — от оз. Челкар, около Аральского моря.

В общей совокупности В. И. опубликовано свыше 70 работ, среди них ряд больших монографий; они принесли Вере Исааковне славу как выдающемуся, ведущему ученому, пользующемуся мировой известностью.

Организаторская деятельность В. И. протекала в двух музеях — в Зоологическом и в Палеонтологическом. И там, и тут она разобрала и систематизировала громадный остеологический материал.

Педагогикой В. И. не занималась; не увлекалась она и общественной работой. Ее любимых костей было так много и они были настолько разнообразны, что ни на что иное времени не хватало.

В характеристике В. И., составленной дирекцией ПИН'а, написано просто и кратко: «Участвует в общественной жизни института. Являясь руководителем аспирантов института, В. И. Громова воспитала много молодых специалистов».³

Семейная жизнь В. И. шла так же спокойно и хорошо, как и научная работа. Семья и работа друг другу не мешали, скорее даже помогали.

В автобиографии В. И. пишет: «В 1908 г. окончила Оренбургскую женскую гимназию с золотой медалью и в том же году поступила на Петербургские (Бестужевские) высшие женские курсы, на естественное отделение. В 1912 г. перевелась на Московские женские курсы, которые окончила в декабре 1917 г. (перевод и задержка в окончании вызваны замужеством и рождением детей)».⁴ Первый сын В. И. родился в 1912 г., второй — в 1917 г.

³ Архив ПИН'а АН СССР. Дело В. И. Громовой.

⁴ Там же.

Но годы, наполненные напряженной научной работой, идут и идут. И вот передо мной лежит бумажка, помеченная 17 мая 1958 г., в которой поликлиника Академии наук СССР сообщает директору ПИН'а: «Доктор наук В. И. Громова страдает гипертонией, общим атеросклерозом, кардиосклерозом, склерозом аорты, деформирующим спондилезом грудного отдела».⁵

В 1960 г. В. И. переходит на пенсию, но еще год она продолжает работать. 12 июня 1961 г. она уезжает в санаторий и окончательно отчисляется из ПИН'а. В приказе об увольнении в связи с переходом на пенсию по собственному желанию пишутся краткие строки: «За безупречную многолетнюю работу В. И. Громовой объявляю благодарность». И подпись: «Директор ПИН'а, академик Ю. А. Орлов».⁶

Благодарности, похвальные отзывы, премии Академии наук Вера Исааковна получала многократно. Ее выдающаяся работа получила достойную оценку. Она награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и в 1953 г. — орденом Ленина.

Умерла Вера Исааковна в 1973 г.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Софья Викторовна Семихатова

Софья Викторовна Семихатова — крупнейший специалист по биостратиграфии карбона СССР. С. В. Семихатова, Л. С. Либрович и А. П. Ротай возглавляли все биостратиграфические работы и руководили Постоянной комиссией по карбону Межведомственного стратиграфического комитета (МСК). Их предложения и мнения легли в основу унифицированной схемы стратиграфии карбона, которой и в настоящее время руководствуются стратиграфы СССР.

Как и все большие обобщающие работы, эта схема вызывает сомнения и возражения и, вероятно, со временем будет изменена, но эти изменения касаются частных вопросов. Исключительное значение схемы, одной из главных работ С. В., остается в силе. Сомнения и замечания вызывает положение двух границ: 1) между девоном и карбоном и 2) между турнейским и визейским ярусами. Спорят и о других границах карбона, но во всех случаях споры касаются определенных горизонтов и сводятся к тому: в основании или по кровле их проводить границы. Во всех случаях разрезы детально изучены, их последовательность не вызывает сомнений, и в этом большая заслуга Софьи Викторовны. Благодаря ее детальнейшим, точнейшим исследованиям была проведена корреляция разрезов различных местностей.

Особенно большое достижение С. В. — это выделение башкирского яруса в основании среднего карбона. Это стало возможно благодаря исключительно тщательному анализу развития фауны, особенно брахиопод.

Изучение разрезов карбона и анализ эволюции брахиопод и были основными направлениями научной деятельности С. В. Им она посвятила всю свою жизнь, и это постоянство позволило ей добиться выдающихся успехов.

Не менее важна и концентрация всех исследований на Русской плите и на прилегающем к ней западном склоне Урала и в Донбассе.

Постоянство в направлении исследований и концентрация их в одной области были основными причинами выдающихся достижений С. В. В этом отношении вся наша молодежь может брать с нее пример.

С. В. Семихатова. Курсистка

С. В. не только выделила башкирский ярус, она детально изучала его брахиоподовую фауну, а это позволило ей расчленить ярусы на горизонты. Выделила она в основании верхнего карбона и новый горизонт — «подтритицитовый».

Работая много лет во Всесоюзном нефтяном геологическом научно-исследовательском институте (ВНИГНИ) в Москве, она провела совещание всех «карбонистов» Волго-Уральской нефтеносной области. На этом совещании была принята схема стратиграфии карбона этой важнейшей в то время нефтеносной области. Затем схема обсуждалась в Постоянной комиссии по карбону МСК и была утверждена пленумом МСК в 1961 г. в Ленинграде. Софья Викторовна была заместителем председателя этой комиссии и членом бюро МСК. В 1965 г., после дополнительной корреляции, схема была принята МСК для всего Советского Союза.

Принятие этой схемы явилось важнейшим стратиграфическим достижением. В то время я был председателем

МСК, все происходило на моих глазах, и я могу только подтвердить и подчеркнуть то исключительное уважение, которым пользовалась научно-исследовательская и организаторская деятельность Софьи Викторовны. Исключительным уважением С. В. пользовалась до последних дней жизни (1973 г.). Не меньшим уважением ее имя пользуется и сейчас. Научный работник живет и после своей смерти, живет в своих научных трудах.

Лучший способ знакомства с деятельностью ученого — просмотр списка его работ. Передо мной лежит список работ С. В., и он заслуживает внимания. Прежде всего он значителен — в нем 90 названий. В этом отношении С. В. приближается к таким корифеям, как В. А. Варсанофьева — 101 работа и Д. М. Раузер-Черноусова — 110 работ. Обычно же число работ не превышает 20—30.

Первая работа, вышедшая в 1925 г., посвящена карбонным известнякам Доно-Медведицкого поднятия. Это явно первая попытка начинающего, скромного ученого. Написана она кратко и содержательно. За ней каждый год появляются новые работы, и все они такие же, как и первая, небольшие и содержательные. В них рассматривается стратиграфия карбона Доно-Медведицкого поднятия. Число публикаций в 1931 г. достигает уже восьми, две из них напечатаны за границей, в немецком журнале.

Как было бы хорошо, если бы наши молодые геологи обладали такой целеустремленностью, настойчивостью, а самое главное — печатали бы свои работы за рубежом, поднимая этим престиж советской науки. К сожалению, таких примеров очень мало.

Уже в то время С. В. стремится к широким обобщениям, и в 1929 г. появляется статья «К вопросу о разграничении среднего и верхнего карбона» (31 с.), напечатанная в Бюллетене МОИП, в Москве.

В следующем году она печатает в Англии, на английском языке, вторую работу общего содержания, рассматривающую границу среднего и верхнего карбона в Северном Китае и в европейской России.

Очень интересна история работ С. В., печатающихся на немецком и английском языках. Число их значительно: 6 работ за 6 лет. Первые выходили в свет в Германии и Англии, последняя — в США. Две из них среднего размера, около 30 с., остальные небольшие; одна из них палеонтологическая, остальные посвящены стратиграфии

верхнего палеозоя. Последняя работа напечатана в 1936 г. Больше С. В. ничего в иностранных журналах не печатает, а жаль: работы у нее интересные и новаторские. Единственным исключением служит перевод на английский небольшого доклада (6 с.), сделанного в 1966 г. на Международном конгрессе по геологии карбона, да и то этот перевод был обязательным.

Интересно, что палеонтологией С. В. начинает заниматься поздно. Первая работа выходит в 1932 г., и печатается она в Германии. С этого времени С. В. почти полностью переключается на изучение брахиопод карбона. Новое увлечение длится 10 лет. По стратиграфии она публикует только три небольшие статьи. Все ее внимание поглощено брахиоподами. В 1934 г. выходит ее первая большая палеонтологическая работа, содержащая описание продуктид любимого ею Доно-Медведицкого поднятия. Затем следуют две небольшие статьи, посвященные внутреннему строению и эволюции брахиопод, работы по систематике спириферид (24 с.), описание брахиопод Новой Земли (30 с.). «Брахиоподовый» этап в жизни С. В. завершается двумя большими монографиями. Обе они напечатаны в 1941 г. и обе посвящены каменноугольным спириферам, одна имеет объем 222 с., другая, содержащая описание хориститов из башкирских слоев СССР, — 161 с. Особенное значение имеет последняя работа. Она послужила основанием для выделения башкирских слоев в особый ярус.

В начале Великой Отечественной войны, в 1942 г. и 1943 г., С. В. успевает опубликовать еще две небольшие статьи по брахиоподам. Но война все-таки берет свое: в научной работе С. В. наступает перерыв, и следующая работа появляется только в 1947 г. Хотя она еще содержит описание карбоновых брахиопод далекой бухты Нордвик, но война вызывает резкое изменение научной деятельности С. В. — палеонтология сменяется стратиграфией. Правда, в 1948 г. С. В. пишет две небольшие заметки по эволюции и миграции спириферид, но это лишь последние порывы прошедшей бури. Стратиграфические работы следуют одна за другой, опять непрерывным потоком — с 1947 г. по 1959 г. их число достигает 40. Почти все они небольшие и средних размеров, только по стратиграфии и геологической истории карбона и девона Русской платформы написана (совместно с В. А. Сытовой) монография

в 185 с. В 1959 г. появляется первая статья по новой и важной тематике — этапности в развитии брахиопод. Брахиоподы снова привлекают внимание С. В., и палеонтологические работы вновь чередуются со стратиграфическими. Это чередование длится до 1971 г. — года окончания научной деятельности С. В.

В 1959 г. С. В. исполнилось 70 лет. Казалось бы, можно отдохнуть, снизить темп работ, но это не для С. В. Ее работы снова появляются одна за другой, и число их достигает 20. Такая трудоспособность, конечно, поразительна. Но конец близок. В 1970 г. С. В. пишет некролог о Л. С. Либровиче, которого она всегда уважала и мнения которого разделяла, а в следующем году (1971 г.) появляется ее последняя работа. Она посвящена башкирскому ярусу, который она выделила и обосновала: достойный конец достойно начатому делу.

Необходимо отметить одну своеобразную особенность работ С. В., проявившуюся в 1950 г., — коллективное авторство. В то время С. В. было уже 60 лет. Она была крупнейшим биостратиграфом, известным всему миру, и решила, что ей пора передавать свои знания, свой опыт молодежи, своим ученикам и помощникам. Лучший способ такой передачи — это совместная работа, а следовательно, и совместное авторство. В 1950 г. выходит небольшая работа совместно с Г. Д. Киреевой, а в 1951 г. — большая монография с В. А. Сытовой, а также другая — совместно с П. А. Меняйленко. Так все и идет. В 1965 г. С. В. привлекает к своей работе молодых башкирских ученых М. А. Юнусова и М. Ф. Юльметьева, но больше всего работ выполняется совместно с А. А. Рыжовой и В. С. Губаревой. Последняя крупная (260 с.) коллективная монография «Каменноугольные отложения Волго-Уральской области» печатается в 1970 г., когда С. В. был 81 год.

В ее некрологе написано: «Большую помощь оказывала Софья Викторовна молодым научным работникам, делясь с ними своим богатым опытом, широкой эрудицией и глубокими знаниями. Большая группа стратиграфов-карбонистов СССР является ее учениками. Даже те специалисты, которые работали в области биостратиграфии других систем, неоднократно обращаясь к ней за советами, неизменно получали самые доброжелательные и ценные указания. Общение с Софьей Викторовной, человеком большого мужества и оптимизма, оставляло в душе

каждого глубокое удовлетворение. Она всегда была равна в обращении, приветлива, доброжелательна и внимательна».¹

Мне пришлось встречаться с С. В. неоднократно. Она была заместителем председателя Постоянной комиссии по карбону МСК, я был его председателем. С. В. интересовал нижний карбон, меня он интересовал еще больше. Когда мы встречались, мы часто, а иногда и горячо обсуждали стратиграфические вопросы. Особенно нас интересовала нижняя граница карбона и граница между турне и визе.

В житейских делах Софья Викторовна всегда была мягким, деликатным, доброжелательным человеком. Сначала я думал, что такой она будет и при обсуждении теоретических, принципиальных вопросов и уговорить, переубедить ее будет легко. Но тут я жестоко ошибся и потерпел поражение. Переубедить ее оказалось совершенно невозможно, она была тверда, как камень. Самое главное, в чем она меня победила, это в горячности, в пыле, с которыми она отстаивала свое мнение. Не все ли равно, где провести границу между девоном или карбоном — над этреном или под ним, на 20 м (а то и меньше) выше или ниже. Но для С. В. это был вопрос «жизни или смерти», и я сдался. Она была непреклонна, так же как и ее единомышленник Л. С. Либрович. Пользуясь своим влиянием председателя МСК, я мог бы провести свою, противоположную, точку зрения, но у меня просто не хватило духа причинить им такую обиду и вызвать неудовольствие.

Сейчас и они, и я уже отошли от стратиграфии, но новые факты показывают, что я был прав. Границу между девоном и карбоном надо проводить под этреном, под вкюмериевыми слоями, а не над ними.

Софья Викторовна Карпова родилась в 1889 г. в Петербурге.

В автобиографии она пишет: «Окончила гимназию в 1907 г. В 1909 г. поступила на юридическое отделение Петербургских высших женских курсов. Зарабатывала самостоятельно на свое существование уроками. В 1916 г. окончила юридическое отделение заочно, так как жила с 1913 г. в Москве, где вышла замуж за Александра Семи-

¹ Геология нефти и газа, 1974, № 2, с. 77, 78.

хатова. В 1916—1918 гг. училась на естественном отделении Московских женских курсов. В конце 1918 г. оставила курсы в связи с рождением сына и продолжала заниматься геологией заочно, а позже — при кафедре профессора Я. В. Самойлова.

В 1921 г. родилась дочь. В 1924—1930 гг. работала сотрудницей Геологического комитета на Доно-Медведицких поднятиях в качестве начальника партии». ²

В 1930 г. С. В. переходит на работу в Московский нефтяной геологоразведочный институт и работает в нем старшим палеонтологом до 1934 г. В 1932 г. у С. В. родился второй сын. Воспитание троих детей требует много времени и внимания, и в 1934 г. С. В. оставляет регулярную службу и работает по трудовому соглашению сначала в Нефтяном институте, а с 1936 г. — в Палеонтологическом.

В 1942 г. С. В. вместе с семьей эвакуируется в Ташкент. Здесь она в качестве старшего палеонтолога работает в Узбекском геологическом управлении до 1944 г. Возвратившись в Москву, С. В. сначала сотрудничает в Нефтяном институте, а в 1946 г. переходит в систему учреждений газовой промышленности и, наконец, в 1953 г. поступает в Московский нефтяной институт (ВНИГНИ), где работает до последних дней жизни (1973 г.).

Длительная производственная и научная деятельность Софьи Викторовны сделала ее ведущим, крупнейшим специалистом по биостратиграфии карбона, главным образом Волго-Уральской нефтеносной области. Значение работ С. В. для познания геологии этого важнейшего нефтяного района СССР исключительно велико.

В отличие от многих других ведущих женщин-геологов С. В. никогда не вела преподавания в вузах, но всегда придавала большое значение подготовке квалифицированных молодых кадров. Эту работу она вела с большим успехом. Ее многочисленные ученики успешно защитили диссертации. Сейчас они работают во многих городах нашей Родины.

Хочется привести известные мне воспоминания одной из ее помощниц, показывающие поразительную деликатность С. В. и любовь к природе.

² Архив ВНИГНИ (г. Москва). Личное дело С. В. Семихатовой.

С. В. Семихатова в последние годы жизни

С. В. работала вместе со своими сотрудницами в одной большой комнате. Как-то раз она сказала, что уезжает и два дня приходить не будет. Сотрудницы воспользовались случаем и притащили в кабинет маленького щеночка, очень живого и приятного. Принесли его в картонной коробке, прикрытой крышкой, и поставили под стол С. В. Картонку поставили вглубь, ее было не видно, щенок мирно спал. Вдруг входит С. В. «Поездка не состоялась, пришла поработать», — говорит она и садится за стол. Сотрудницы так и замерли. Сначала все шло благополучно, все сидели и работали, но вот под столом С. В. послышался какой-то шум, С. В. немного вздрогнула, спокойно посмотрела под стол, улыбнулась и снова начала работать. Шум под столом усилился, С. В. все еще ничего не говорила. Наконец, шум стал совсем громким. С. В. не выдежала и, улыбаясь, сказала: «У нас в кабинете что-то новое, живое». Одна из сотрудниц, тоже улыбаясь, ответила: «Это новое и живое — очень маленькое и хорошенькое». С. В. встала из-за стола, щенок с восторгом ринулся за ней, сотрудницы же смотрели и ахали. Очевидно, щенок принял

туфлю С. В. за свою мамашу, а поэтому пытался сосать пуговицы. Когда ничего не вышло, он начал играть с туфлей, обсосал все ее края и успешно отгрыз две пуговицы. С. В. все это терпеливо сносила. Щенок был вскоре посажен в коробку и прикрыт крышкой. Сначала он бурно возмущался, но вскоре согрелся, притих и снова заснул. Работа в кабинете возобновилась. Так долго выносить щенка, терпеть его баловство и не сказать ни слова могла только Софья Викторовна.

Второй случай произошел во время подмосковной геологической экскурсии. Ходили долго, выколачивали фауну, устали, на ночь устроились в пустой школе, поужинали и на скамейках и на полу стали укладываться на ночь. С. В., как всегда, устроилась по-спартански — плащ подстелила под себя, им же покрылась и заснула. Заснули и все кругом. Под утро, когда уже начало светать, одна экскурсантка проснулась, посмотрела кругом и обнаружила, что С. В. нет. Она подождала, но С. В. не появлялась; она начала беспокоиться, разбудила руководителя экскурсии Василия Ермолаевича Руженцева, тот забеспокоился еще больше и разбудил всех. И вот все сидят с заспанными лицами и обсуждают, как искать С. В. Вдруг дверь в комнату открывается, и тихонько, на цыпочках, входит С. В. Видит удивленные, сразу повеселевшие лица товарок, сердитое, возмущенное лицо В. Н., совсем смущается и останавливается. В. Е. начинает ее отчитывать. С. В. стоит, виновато слушает. Наконец, В. Е. замолкает, и С. В. робко говорит: «Вечер был такой удивительный, я не удержалась и вышла, посмотрела последние, затухающие краски на небе, послушала как затихают, умолкают птицы. Было уже поздно, будить никого мне не хотелось, плащ был со мной, я устроилась под деревом в саду и задремала. А восход был еще лучше — такой поразительный, такие краски и так просыпались и оживали птицы, что я опять забылась». Затем виновато смотрит кругом и добавляет: «Я никак не ожидала, что мое отсутствие кто-нибудь заметит, все спали крепко, я очень извиняюсь». Улыбается и говорит: «А восход был такой поразительный!». Мы все весело рассмеялись, и даже В. Е. буркнул: «Вы неисправимы!».

И еще одно воспоминание дочери Софьи Викторовны — Ольги Александровны, очень похожей на свою мать. Она пишет мне в своем письме: «Мама была храбрым, муже-

ственным человеком. Как-то раз я, мой старший брат, ему тогда было 10 лет, и мама шли по большому лугу мимо стада деревенских коров. Обычно коровы были в мирном настроении, жевали траву и на нас внимания не обращали, но на этот раз какая-то корова отделилась от стада, наклонила голову, выставила рога и, враждебно настроенная, направилась к нам. Мама говорит нам: „Бегите вперед!“, а сама осталась и дожидается корову. Та подбежала, наклонила голову еще больше, приостановилась, и тут мама схватила ее за рога и держит. Нам кричит: „Бегите скорее!“, а сама корову схватила и не отпускает. Корова мотает головой, пытается вырваться, фыркает, злится, но мама, тогда молодая, полная сил, немного массивная, держит ее голову и не пускает. Так она ее и не пустила, пока не прибежал пастух и не отогнал корову. А маме хоть бы что, только дня два жаловалась, что напряжение в руках все еще чувствуется». ³ Это воспоминание очень хорошо характеризует Софью Викторовну. Немногие женщины-геологи могут похвастаться тем, что буквально держали корову за рога.

Другое воспоминание О. А. еще более интересно: «Единственно, кого боялась мама, — это мышей. Достаточно было мыши появиться в комнате, как мама в страшном испуге вскакивала на стулья, диваны, кровати... и страшно кричала: „Уберите ее, уберите!“. И видеть, как большая, высокая, несколько массивная женщина-профессор стоит на стуле, подбирает юбки и кричит, глядя на маленькую, безобидную мышь, было так странно». ⁴

Я думаю, что такой мужественный, бесстрашный человек, как С. В., конечно, не боялась мыши. Для нее мышь была чем-то омерзительным, отвратительным, одно соприкосновение с которым было ужасно.

Нужно сказать, что боязнь мышей очень распространенное явление. Причину его я не могу понять и сейчас. Почему маленький, чистый, аккуратный, такой хорошенький зверек вызывает такое отвращение? Почему мышей пугаются одни женщины, а мужчины остаются хладнокровными?

Возможно, что причина кроется в далеком прошлом — в средних веках, когда все домашнее хозяйство лежало на

³ Личный архив Д. В. Наливкина.

⁴ Там же.

женщине и она была принуждена почти все время сидеть в доме, а дом был полон мышей. В большом количестве голодные мыши действительно страшны и отвратительны. Представьте себе, что вы сидите одна в доме, а кругом вас бегают десятки и сотни голодных мышей. Они начинают заползать на вас и кусать. Тут есть чему испугаться. Вполне вероятно, что такой мужественный человек, как Софья Викторовна, стала жертвой своеобразного пережитка прошлого.

У каждого человека свои особенности характера, однако они не мешают его производственной работе, не мешали они и работе С. В., сделавшей ее одним из крупнейших специалистов по биостратиграфии карбона. А с карбоном связан громадный объем весьма ценных полезных ископаемых. Исследования С. В. не только имели выдающееся теоретическое значение, они во многом обусловили расширение сырьевой базы нашей Родины.

Елена Алексеевна Иванова

Елена Алексеевна Иванова — геолог, стратиграф и палеонтолог: после смерти отца Е. А. закончила начатое им описание брахиопод карбона Подмосковья.

Отец ее — А. П. Иванов — происходил из крестьянской семьи, окончил Московский университет, работал геологом, преподавателем и, наконец, стал профессором Московского университета.

Его дочь — Елена Алексеевна — коренная москвичка, родилась в 1901 г. в Москве, в Москве училась в гимназии, на Высших женских курсах, в Москве работала всю жизнь, работает и сейчас, хотя ей уже 78 лет. Пора бы и отдохнуть, но сидеть без дела, отдыхать, она не привыкла. В 1975 г. она пишет тезисы своих двух докладов на Международном конгрессе по геологии карбона, а в 1976 г. с большим успехом делает доклады. В том же году она пишет для меня записку «Становление и основные направления научной работы» объемом в 22 страницы машинописного текста. Эта записка и легла в основу моего очерка о ее жизни.

Многие женщины-геологи помогли мне в моей работе над этой книгой, но такой «записки», обстоятельной, детальной, интересной и важной, не написал никто. В этом отношении она уникальна.

Уникальна Е. А. и по своему разностороннему образованию, которое дал ей отец. Когда ей было 6—7 лет, он впервые взял ее с собой на работы. Работал он тогда под Москвой. Е. А. пишет: «Мы пошли на обрыв на берегу у с. Хорошово. Папа собирал окаменелости, из которых некоторые были очень красивыми, но я ими не интересовалась, я искала розовый кварц среди валунов и щебня. Под обрывом же мы и купались в омуте, что очень беспокоило маму, но я сидела у папы на плечах, и мне не было страшно. Бродили мы также по пойме и в сосновом лесу (в Серебряном бору) — изумительно красивые места. Папа вылавливал пресноводных моллюсков, которые он тогда изучал, а я искала среди растений „махровый лютик“».¹

И далее: «Отец был оригинальным и своеобразным натуралистом типа 60-х годов. Он был настоящим науч-

¹ Письмо автору книги. Личный архив Д. В. Наливкина.

ным работником с преобладающим интересом к собственно геологии, но живо интересовавшимся всеми отраслями геологических наук. Он был постоянным участником наших экскурсий в окрестностях Москвы и играл здесь роль руководителя, так как сам превосходно знал геологию и минералогию Подмосковного района и умел находить места, наиболее интересные для нас, минералогов».²

Академик В. И. Вернадский очень интересовался его работами по нефти на о-ве Челекен. До конца пребывания В. И. Вернадского в Москве он принимал живое участие в работе Минералогического кабинета. В. И. Вернадский и позже поддерживал с ним дружеские отношения, вплоть до его смерти в 1933 г. Неудивительно, что отец оказал такое большое влияние на научную работу дочери. Широким диапазоном работ Е. А. во многом обязана ему.

«Летом 1912 г., — пишет Е. А., — мы жили на р. Каширке. Тут были выходы среднего карбона, которым папа интересовался давно. В это лето я уже с удовольствием собирала ископаемых и запоминала их названия; преобладали, конечно, брахиоподы. Хотя папа охотно брал нас, ребят, с собой, он никогда не возражал, если я вместо поисков фауны отправлялась с мамой в лес за грибами».³

С тех пор каждое лето Е. А. неизменно ездила с отцом по разрезам среднего и верхнего карбона Московской области и собирала фауну. В 1915 г. она уже задавала отцу, например, такие вопросы: почему у разных спириферов разные зубные пластины? Отец объяснил, и она пишет: «Это был первый для меня урок морфо-функционального анализа. Папа был натуралистом широкого профиля — помимо геологии хорошо знал ботанику, зоологию и другие дисциплины, и в это лето он приобщил меня к ботанике, вернее вообще к систематике».⁴

Начинается увлечение Е. А. ботаникой. Хотя она по-прежнему сопровождает отца в качестве коллектора, ее основные интересы связаны уже с ботаникой.

Когда наступила Великая Октябрьская социалистическая революция, брат ушел в армию. Е. А. учится в гим-

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Е. А. Иванова. 30-е годы

назии, которую вначале сливают с реальным училищем; последнее преобразуется в трудовую школу, где больше заседают и обсуждают. Многие приходят в школу только за тем, чтобы получить кусок хлеба и миску супа. Ученье идет из рук вон плохо. Е. А. работает председателем столовой комиссии. Но вот школа окончена. В конце 1918 г. Е. А. поступает на Высшие женские курсы (бывший университет Шанявского), которые в 1919 г. сливают с Московским университетом. Здесь она с увлечением слушает лекции по ботанике, ведет ботанический практикум, и ей даже поручается изучение осок. Поручение это было неудачно, осоки — сложная и трудная группа, и Е. А. пишет: «Увы, осоки не увлекли меня, — очевидно, были не по плечу. Да кроме того все больше тянула геология».⁵ Она посещает все лекции и практические занятия по геологии у отца. На экскурсиях, которые были обязательными и являлись началом и продолжением его лекций, он учил изучать и описывать разрезы.

⁵ Там же.

На первой экскурсии он сказал: «Забудьте книгу, учитесь читать природу».⁶ Довольно скоро Е. А. оставляет ботанику и полностью переключается на геологию и палеонтологию.

И вот, Е. А. «читает природу», увлекается и пишет стихи. Пишет целую поэму, называет ее «Поэма Двадцатый год. В 20 песнях». Ниже из нее приводятся только некоторые выдержки.

Чу! Хлопанье бича, пастуший рог,
Коров мычанье, топот ног,
Овец лавины
Мой крепкий сон прервал.
Багряные лучи сквозь паутину
Уж золотили сеновал...
Довольно спать. Пора настала.
Не разбудить отца бы мне!
Спускаюсь тихо с сеновала.
«Куда? Встаешь?», — вопрос ко мне.
«Встаю, ты спи, пока не разбужу».
И соскользнувши по стене,
На речку тихую спешу,
Где туман с рекой прощается,
В последний раз ее лобзая,
Плывет, все выше поднимается.
Вода холодная, как лед.
Горит лицо и тело жжет.

И далее:

Деревня только что встает,
Дым кое-где из труб идет.
Собрав свои пожитки,
Выходим из калитки.
День радостный сияет,
Роса блестит в траве,
А сердце отбивает,
И вот мы на Протве!
Туман над речкой вьется,
Хоть выжми башмаки,
Опять идем мы вместе
С мешками на спине,
И с радостью на сердце,
И с молотком в руке!
Опять, опять увидим
Морену и пески,
И в книжечку запишем
Мы вновь известняки!...
И вновь, разрезы отмечая,

⁶ Там же.

Мы продолжаем путь.
Идем, а солнце выше,
Сильнее все печет.
Идем теперь уж тише,
Пот градом так и льет.
Едва передвигаясь,
Бредешь за шагом шаг
И только поджидаешь
Хорошенький овраг,
Где ключ бежит прохладный,
Струясь между камней.
Идешь уже шатаясь.
Скорей бы, ах, скорей.
А Черномор⁷ проклятый
Сидит уж у плечей
И тянет он, кривляясь.
Ремни сильней, сильней.
И давит, усмехаясь,
И тешится все злей.

Поэма завершается следующими строками:

Но вот уж солнце скрылось
За лесом, за рекой,
И белую покрылась
Низина пеленой.
Пора и нам на отдых,
Умаялись за день,
И путь свой направляем
В одну из деревень.
На небе, догорая,
Последний солнца луч
Осветит, убегая,
Верхушки низких туч.
Дорога заалела
И скрылась в полутьме.⁸

В стихах чувствуется большая любовь к природе, очень удачно чередование картин природы с описанием обыденной для геологов, полевой жизни. Более поздних стихов Е. А. я не знаю, а жаль.

Студенческая жизнь тогда была своеобразна. Всего было мало. Прежде всего мало было самих студентов — в группах по 4—5 человек. Мало было еды, дров, денег, приходилось подрабатывать. Е. А. пишет: «Работала я в разных местах; после работы — пешком в университет. Зимой обычно ноги промокали (обувь была самодельной, из портьер), с мокрыми ногами приходилось сидеть в не-

⁷ Черномор — рюкзак с образцами пород.

⁸ Там же.

топленных помещениях и пешком же возвращаться. Трамвай ходили редко, и сесть в них было невозможно. Но никто не жаловался и не скулил».⁹

Но постепенно с каждым годом всего становится больше: и студентов, и еды, и обуви, и денег. В 1924 г. Е. А. кончает университет и начинает работать в геологосъемочных партиях Московского отделения Геологического комитета (впоследствии Московского геологического управления). Работает сначала коллектором, затем — прорабом, а с 1930 г. по 1934 г. — начальником партии.

Коллектором и прорабом она работает под руководством отца, которому было поручено изучение стратиграфии среднего и верхнего карбона. «Деньги были скудные, — пишет Е. А., — на разъезды не хватало, ходили пешком. Работа была детальная, тщательно собирали фауну. Из дома брали хлеб, соль, какие-нибудь жиры, минимум одежды; все несли на себе; ночевали на сеновалах. Работали все с большим увлечением, радостно. Сборы фауны и образцов тоже несли на себе. Изредка отправляли почтой. К этому времени относится ряд моих карикатур и шуточных стихотворений».¹⁰ По завершении съемки отец Е. А. — А. П. Иванов — опубликовал свою схему стратиграфии среднего и верхнего карбона. Эта схема легла в основу унифицированной схемы СССР.

«Широкие, всесторонние познания отца и тонкая наблюдательность при тщательном и детальном изучении материала позволили ему, помимо установления стратиграфии, освещать фациальные особенности отложений и, кроме морфологии фауны, также характер ее захоронения. Все это сочеталось с умением из отдельных деталей делать общие выводы, обобщения, смотреть широко. Такой подход к науке был и остается для меня примером, а стратиграфия среднего и верхнего карбона и его фауна — любовью на всю жизнь. По примеру отца я привыкла обращать внимание на органические остатки всех групп и их сборы».¹¹

С 1930 г. Е. А. в качестве начальника партии само-

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

стоятельно ведет геологическую съемку Подмосковья. Ее отец начинает монографическую обработку *Productus*, но в 1932 г. заболевает и в начале 1933 г. умирает. Завершение монографии руководство Геолкома поручает дочери. С тех пор Е. А. занимается только палеонтологией.

В 1934 г. она приходит в Палеонтологическую лабораторию ВИМС'а, организованную Т. Г. Сарычевой, а в 1936 г. вместе с ней переходит в ПИН, где и работает в настоящее время. В 1938 г. ей присуждается ученая степень кандидата геолого-минералогических наук без защиты диссертации, а в 1948 г. она защищает диссертацию на степень доктора биологических наук.

К организаторской деятельности Е. А. привлекли в 1939 г. сначала в качестве секретаря Палеозойской комиссии Академии наук СССР. В 1940—1944 гг. Е. А. была научным секретарем ПИН'а. Когда началась Великая Отечественная война, она была назначена заместителем директора ПИН'а и уполномоченным по эвакуации в Алма-Ату. Е. А. совместно с Е. И. Беляевой удалось перевезти туда большую часть коллекций и организовать там ячейку, куда стали собираться сотрудники с семьями.

Эта ответственная работа занимала все время, научную работу пришлось почти прекратить. Удавалось лишь определять фауну для алма-атинских геологов. В 1942 г. во Фрунзе приезжает А. А. Борисяк и начинает «собирать» институт. В начале 1943 г. туда перебрались все сотрудники ПИН'а, в том числе и Е. А. с матерью. В конце 1943 г. Е. А. вместе с ПИН'ом возвращается в Москву. На этом организаторская деятельность Е. А. прекращается, и она снова полностью погружается в научную работу. Таковы основные этапы жизненного пути Елены Алексеевны. Путь был ясен и прост, он дал ей возможность выполнить исключительно важную научную работу.

В своей научной работе сама Е. А. выделяет три основных направления.

1. Палеоэкологическое направление в широком смысле, т. е. связь развития и распространения организмов со средой. Сначала оно разрабатывалось на брахиоподах. Первые попытки — в работах 1937 и 1941 гг., наиболее полно — в 1949 г. (докторская диссертация, 152 с.). Затем с этой точки зрения были освещены все группы фа-

уны (работы 1958—1964 гг., в том числе большая монография в 27 п. л.).

2. Эволюционно-морфологическое направление. Разрабатывалось на брахиоподах, в основном по спириферидам. Первая работа опубликована в 1937 г.; затем следуют три небольшие работы в 1943, 1949 и 1955 гг.; более полно результаты излагаются в статьях 1959 и 1967 гг. и в монографии 1972 г. (450 с.).

3. Стратиграфическое направление. Первое по времени разработки изучение средне- и верхнекаменноугольных отложений; продолжается оно и до сих пор. К нему относится ряд работ, имеющих существенное научное значение.

Общий список работ Е. А. включает в себе 78 названий, в их числе и работы, дополняющие эти три основных направления. Прежде всего это геологические, описательные работы, связанные с соответствующим периодом жизни Е. А. Их довольно много — 17. Ряд отчетов имеет большой объем, но все они остались в рукописном виде и хранятся в фондах Московского геологического управления.

Первая палеонтологическая работа опубликована в 1936 г. Это описание продуктид верхнего и среднего карбона Подмосковья.

Затем идут работы, перечисленные выше. Интересно, что среди них есть монография «Развитие фауны в связи с условиями существования» (25 п. л.), переведенная на французский язык и напечатанная в Париже в 1960 г. Это еще раз подчеркивает ее важное значение.

В 1950 г. ПИН, как и другие институты Академии наук СССР, получает правительственное задание — усилить работы на востоке страны, в Сибири, и Е. А. покидает свою родную подмосковную котловину и едет в дебри Западной Сибири на целых 8 лет: 2 года она работает на глухой Подкаменной Тунгуске, 3 года — в Минусинской и Тувинской котловинах и 3 года — в Кузбассе.

В Сибирь Е. А., уже немолодая (ей 50 лет), поехала с восторгом и упоением. В своей автобиографии она пишет: «Я осуществила свою давнишнюю мечту — побывать на Подкаменной Тунгуске, местоположение которой на геологической карте почему-то меня привлекло. Все было организовано очень быстро — в течение двух-трех

Е. А. Иванова во время полевых работ

недель. С кошкой работы С. В. Обручева (известного исследователя Сибири, — Д. Н.) и «мощной» поддержкой в виде Я. М. Эглона и коллектора М. И. Сорокиной я взялась за эту авантюру без серьезной предварительной подготовки, не зная местных условий. До сих пор удивляюсь своему легкомыслию в немолодые уже годы.¹²

И вот Е. А. едет на поезде, летит на самолете и, наконец, плывет вверх по дикой, величественной реке на лодке, которую на бечеве тащат вверх по течению две собаки. Ночуют прямо на берегу, у костра, питаются хариусами, которых тут же ловят, и собирают окаменелости. Разрезы великолепные, фауна богатейшая, поразительной сохранности. И все очень интересно, хорошо и красиво. С таким же удовольствием едет она на Тунгуску на следующее лето, но уже подготовившись получше. С ней едут Г. Г. Астрова для сбора мшанок и повариха. И следующее лето проходит так же хорошо, интересно и приятно. Но, увы, третий раз ей побывать здесь не уда-

¹² Там же.

лось — не пустило начальство; скрепя сердце, пришлось ехать в Минусу и Туву, а через три года — и в Кузбасс.

И, как всегда, Е. А. быстро публикует результаты своих работ — в 1955 и 1958 гг. появляются большие сводные работы по фауне ордовика, ее экологии и стратиграфии.

«Когда эти работы были в разгаре, — пишет Е. А., — пришлось опять круто повернуть и окунуться в работу совершенно иного профиля: начались „Основы палеонтологии“. Окончание работ по силуру и девону Сибири пришлось прервать и публикацию перенести на 60-е годы».¹³

Первая сводка (14 п. л.) появилась в 1962 г. и была посвящена экологии и развитию брахиопод силура и девона, вторая, написанная совместно с И. И. Чудиновой в 1964 г., была посвящена условиям их обитания (20 п. л.). Кроме изучения брахиопод был сделан ряд существенных наблюдений по стратиграфии.

Что касается «Основ палеонтологии», то сначала предполагалось, что это будет компилятивная работа, и на выполнение ее были даны сжатые сроки. В действительности оказалось, что необходимо провести большую работу по систематике и морфологии. Времени не хватало, и многим авторам пришлось очень тяжело. Е. А. писала обзор спириферид объемом в 33 страницы, но для написания этих страниц пришлось провести очень большую работу. «Основы» вышли в свет в 1960 г.

После «Основ» Е. А. в Сибирь не едет, ей уже 60 лет, но, несмотря на годы, полевые работы не прекращает. В 1961 г. она едет в Подолию, в 1962 г. — на Северный Урал, в 1963—1964 гг. — в Рязанскую, Новгородскую и Ленинградскую области, в 1965 г. — на Средний и Северный Урал, в 1966 г. — в Подмосковье и в 1967 г. — в Башкирию и Оренбургскую область. Ее энергии и трудоспособности можно только удивляться и завидовать. В последний раз в поле Е. А. едет в 1973 г., в свое Подмосковье, для подготовки экскурсии Международного конгресса по карбону.

Еще более удивительна камеральная работа Е. А. За 60-е годы она публикует 14 работ, из них три монографические. Даже за 70-е годы выходит 12 работ, среди них монография «Введение в изучение спирифе-

¹³ Там же.

рид» объемом 9 п. л. и еще более значительная монография «Состав, система и филогения отряда спириферид» (450 с.).

Но этого мало. Она пишет: «Мною с 1976 г. поставлена специальная тема по эволюционной морфологии спириферид. В задачу темы входит выяснение последовательного формирования морфологических структур брахиопод в онтогенезе и в течение геологического времени». ¹⁴ Что ж, остается только пожелать ей успеха.

В настоящее время Елена Алексеевна — лучший в СССР специалист по спириферидам — этой важной в стратиграфическом отношении группы. Кроме того она выдающийся знаток экологии и эволюции брахиопод, а экология сейчас имеет большое значение. Наконец, почти всю свою жизнь она работала по верхнему палеозою Подмосковья, и нет геолога, который бы лучше ее знал его стратиграфию.

Очень существенны и зарубежные связи Е. А. Она ведет обмен публикациями и переписывается почти с 90 палеонтологами из 18 стран, в число последних входят все социалистические страны и многие дружественные государства всех частей света. Такой обмен повышает престиж советской науки и может служить хорошим примером для наших молодых геологов.

¹⁴ Там же.

Ольга Григорьевна Туманская

Среди учениц А. Б. Миссуна обособляется Ольга Григорьевна Туманская. Если можно так сказать, «она обособляется своей обособленностью». Она никогда долго не вела преподавания и не состояла долго в штатах вузов. Почти никогда не состояла она долго и в штатах геологических учреждений. Их помощью она, конечно, широко пользовалась, без этой помощи она не смогла бы выполнить те многочисленные, трудные и дорогостоящие работы, которые она проводила в течение десятков лет.

Вторая не менее важная ее особенность — это целеустремленность, концентрированность ее работ. Все они, как бы разнообразны и многочисленны ни были, уместаются под одним названием, кратким и ясным: «Биостратиграфия перми Тетиса». Никаких других научных работ она не вела. Этому можно только позавидовать,

Третья особенность, тоже достаточно своеобразная, — это полное отсутствие научных руководителей, даже в самом начале работ. Почти у всех наших женщин-геологов, особенно в начале их научной жизни, были руководители, которые помогали им, направляли их работу. У О. Г. таких руководителей никогда не было, она всегда работала сама. Консультировалась она у многих, но это были консультанты, а не руководители.

Мне с О. Г. пришлось встречаться довольно часто в течение всей ее жизни. Чаще всего она просила организационной помощи, содействия различных учреждений. Нередко она показывала свои работы, свои поразительные, иногда уникальные коллекции. Но это всегда были только демонстрации и консультации. Никакого руководства она не просила, да и не нуждалась в нем. В ряде вопросов она была самоучкой. Это придавало ее работам оригинальность, новаторство, хотя иногда и снижало их качество. По своей природе О. Г. была выдающимся, крупным коллекционером. Одни собирают книги, другие — гравюры, третьи — почтовые марки, О. Г. собирала пермскую фауну Тетиса. Собирала она ее страстно, с необыкновенным увлечением, и коллекция действительно такого увлечения стоила.

В Крыму коренных выходов пермских известняков нет. Только у Симферополя обнажаются небольшие мас-

сивчики — глыбы светлых массивных известняков. Эти глыбы зажаты, вмяты в сланцевую толщу. Сланцы почти немые, но известняки местами переполнены фауной. Фауна поразительная, разнообразная, богатейшая и очень хорошей сохранности. Многие раковины просто красивые. Вот этой-то фауной и увлеклась О. Г., увлеклась глубоко и надолго.

Первая ее работа по крымской перми появилась в 1916 г. С тех пор она занималась только крымской фауной. Первая работа по аммонейм перми Памира была напечатана в 1963 г., а по перми Нахичевани — в 1966 г. С 1916 г. по 1963 г. — промежуток времени почти полувековой, и весь он занят изучением крымской перми. Такая концентрация усилий и интересов уникальна.

Сначала она занимается аммонеймами, затем трилобитами, потом фузулинидами и гастроподами. Каждая группа, составляющая фауну Крыма, настолько дорога ей, что она просто не может расстаться с ней, передать на определение кому-нибудь другому.

А годы идут, превращаются в десятилетия, десятилетия сменяют друг друга. Из-под пера О. Г. выходит одна монография, вторая, третья; она становится доктором геолого-минералогических наук. Иногда ей тяжело, не хватает денег на новые сборы фауны, не печатают ее работы, а она одинока и ни одно учреждение ее не защищает. Она обращается за помощью то к одному геологу, то к другому.

Не помню, как я с ней познакомился, это было очень давно, но геология Крыма меня почему-то интересовала всю жизнь, а такие палеонтологи-энтузиасты, как О. Г., мне всегда нравились, все-таки они очень редки; и я охотно помогал О. Г. чем только мог. Знакомства у меня были обширные, и я несколько раз помог ей, и помог существенно; мне это было приятно.

Работать одиночкой и полезно, и вредно. Польза в том, что О. Г. что хотела, то и делала, никто ей «палки в колеса не ставил». Вред заключался в оторванности от коллектива. Коллектив увидит то, что одиночка не заметит. Если бы О. Г. работала в Палеонтологическом институте, конечно, ее монографии были бы лучше. А. А. Борисяк обратил бы внимание на необходимость более глубокой и полной проработки теоретических, особенно биологических вопросов. А монографии О. Г. хотя и насыщены по-

вым и полным фактическим материалом, подобно монографиям Е. Д. Сошкиной и М. И. Шульга-Нестеренко, но в теоретическом плане значительно им уступают. Однако, несмотря на этот недостаток, цикл монографий О. Г. по пермской фауне Крыма представляет собой выдающееся явление. Теоретические вопросы можно доработать и позже, они «не убегут», а такую поразительную коллекцию теперь уже не собрать. Она была уникальной и хорошо описана. Очень жаль, однако, что она почти не сохранилась.

На Памире О. Г. сама не работала, она определяла чужие коллекции фауны. Не знаю, работала ли она в Нахичевани. Во всяком случае эти две работы по сравнению с работами по Крыму имеют второстепенное значение. Они только показывают, что в конце жизни О. Г. сделалась общепризнанным авторитетом по пермской фауне Тетиса, к ней многие обращались за помощью.

А вот и некоторые биографические данные об О. Г. Они взяты мной из ее автобиографии, любезно предоставленной мне В. В. Тихомировым.

Родилась Ольга Григорьевна в 1888 г. в семье служащего, в Ялте. Ее девичья фамилия своеобразна — Широкобрюхова. С детства она привыкла к Крыму. В 1905 г. она с золотой медалью кончает Ялтинскую женскую гимназию. В 1908 г. поступает на Московские высшие женские курсы.

На курсах О. Г. полностью окунулась в студенческую жизнь. В своих воспоминаниях М. И. Шульга-Нестеренко пишет, что член бюро геологической секции кружка О. Г. Широкобрюхова (впоследствии Туманская) должна была изображать птеродактиля и сама шить себе костюм. О. Г. была высокого роста, солидного телосложения, и изображать хрупкого, изящного птеродактиля, да еще с громадными крыльями, ей было трудно. Но важно, конечно, не это. Важно то, что О. Г. была членом бюро секции и, следовательно, пользовалась среди курсисток известностью и уважением. Во время летних каникул О. Г. систематически возвращается на родину, в Крым, и работает там сначала по мезозою, а начиная с 1914 г. — по верхнему палеозою. Затем наступает перерыв в учебе, вызванный болезнью.

В период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны она работает в своем род-

ном Крыму. В 1916 г. опубликовывает работу, в которой доказывает пермский возраст отложений, ранее считавшихся верхнекарбонными. Только в 1923 г. О. Г. кончает I Московский университет по специальности геология и приглашается ассистентом во II Московский университет.

В 1924 г. О. Г. впервые получает от Геологического комитета деньги на полевые работы в Крыму. В 1929 г. она зачисляется в штат Геолкома — позднее ЦНИГРИ (ныне ВСЕГЕИ) и по-прежнему работает по Крыму. Только Великая Отечественная война заставляет ее эвакуироваться на Урал, где ее исследования были связаны с военной тематикой. После войны О. Г. снова возвращается во ВСЕГЕИ и снова работает в Крыму, временами кратковременно выезжая в Закавказье для изучения верхнего палеозоя. Последние годы жизни она работала в Москве, в Институте горючих ископаемых, и здесь опять занималась палеонтологией своего любимого Крыма. Умерла она в 1970 г.

Где и когда О. Г. вышла замуж и кто был ее муж в автобиографии об этом ничего не говорится. Из разговоров же с ней я помню, что муж ее не был геологом, но много помогал ей, будучи хорошо обеспеченным человеком. После его смерти ей стало значительно труднее.

Педагогическая деятельность О. Г. в вузах была довольно значительна. Она началась в 1921 г. в Симферополе, в Крымском университете, где О. Г. состояла в должности старшего ассистента. В 1923 г. О. Г. переходит во II Московский университет и преподает здесь до 1930 г. Ей были поручены практические занятия по палеонтологии и исторической геологии. В 1930 г. О. Г. оставляет преподавание ввиду невозможности совмещения его с работой в ЦНИГРИ и больше его не возобновляет.

Никакого энтузиазма по поводу преподавания в автобиографии О. Г. не чувствуется — это ведь не пермская фауна Крыма!

Пермь Крыма и Ольга Григорьевна Туманская в моей памяти неразрывно связаны, обе интересны и исключительно своеобразны.

Елена Федоровна Залесская-Чиркова

Елена Федоровна Чиркова была, пожалуй, единственной женщиной-палеонтологом, которая фамилию мужа ставила перед своей. До Великой Октябрьской социалистической революции все было ясно — после замужества жена обязательно принимала фамилию мужа. В послереволюционный период дело стало сложнее, появились три возможности: жена могла сохранить девичью фамилию, могла принять фамилию мужа, возможны были и две фамилии. В последнем случае обычно сначала ставили фамилию жены, а потом фамилию мужа, например Раузер-Черноусова. Елена Федоровна пошла наперекор обычаю и первой поставила фамилию мужа, став, таким образом, Залесской-Чирковой.

Это было вполне понятно и даже неизбежно. Михаил Дмитриевич Залесский был крупнейшим советским палеоботаником. Он обладал неровным, тяжелым характером, иногда бывал неприятным для окружающих. Елена Федоровна всю жизнь боготворила его, он был ее кумиром. Сначала она была его верной и покорной ученицей, а затем стала его преданной помощницей. Все, что он говорил, все, что он делал, — лучше, по ее мнению, и быть не могло.

Когда у М. Д. умерла жена и он остался одиноким, почти беспомощным, Е. Ф. вышла за него замуж. Для нее это было безумное счастье, она ставила его настолько выше себя, что никакого разговора и быть не могло — она должна принять его фамилию! Но в то время она была уже квалифицированным ученым, имела ряд работ, и, чтобы сохранить авторство, она ставит свою фамилию после его. Так и получилась Е. Ф. Залесская-Чиркова.

Этот поступок очень характерен для всей жизни Е. Ф. Она действительно боготворила М. Д., разделяла все его мнения, выполняла все, что он говорил. Для нее он был высшим существом, но, как хорошая, хозяйственная крестьянка, она не забывала и себя. Такой она и осталась на всю жизнь.

В своей автобиографии Е. Ф. указывала, что родилась в 1894 г. Отец и мать из трудового класса: отец — из

крестьян, мать — из мещан; оба служащие.¹ Но все же родители нашли возможность дать дочери очень хорошее образование. В 1914 г. она кончает Московскую гимназию и поступает на Высшие женские курсы, на историко-филологический факультет. В 1918 г., окончив курсы и сдав государственные экзамены, Е. Ф. целых 6 лет ведет преподавание в средних школах Москвы.

Казалось бы, все сделано, жизнь налажена, можно успокоиться, но преподавание не удовлетворяет Е. Ф., в 1924 г. она поступает в университет и в 1930 г. кончает его, получив специальность геолога. Почему Е. Ф. сделала такой важный шаг, в автобиографии она не пишет.

Далее Е. Ф. отмечает, что тоже весьма характерно: «С 1929 г. работала в Геологическом комитете (ЦНИГРИ и ВСЕГЕИ) младшим научным работником, затем старшим научным работником над изучением угленосных толщ Донбасса, Кузбасса, над пермью Урала и над нижним карбоном Урала.

Была ученицей чл.-корр. Академии наук СССР М. Д. Залесского, основателя русской палеоботанической науки, и сотрудницей его во ВСЕГЕИ по изучению флоры палеозоя СССР».²

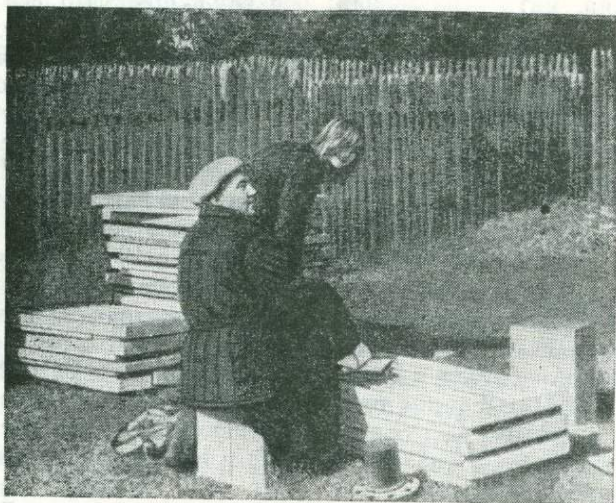
Все это время я тоже работал во ВСЕГЕИ и хорошо знал их обоих. Е. Ф. определяла мне уральскую девонскую флору. Детально интересовался я и их работами по флоре кунгурского яруса.

Михаил Дмитриевич бесспорно был выдающимся, ведущим палеоботаником, но некоторые его стратиграфические построения были ошибочными, а как человек он мне просто не нравился.

Елена Федоровна, напротив, была хорошим, простым и трудолюбивым человеком. Она выполняла громадную определительскую работу, стала высококвалифицированным специалистом, знатоком палеозойских флор. Стратиграфией она интересовалась мало. Мало интересовали ее и общие вопросы. Как говорится, «звезд с неба она не хватала», но на земле «звезды» не упускала. Но все равно пользоваться ее помощью палеоботаника было всегда приятно и полезно. До Великой Отечественной

¹ Архив Института геологии и разведки горючих полезных ископаемых (ИГ и РГИ) АН СССР (г. Москва).

² Там же.

Е. Ф. Залеская-Чиркова за изучением керна буровых скважин.
1965 г. □

войны, когда я работал на Урале, это случалось довольно часто.

Годы войны, 1941—1944 гг., Е. Ф. провела в «угольном» городе Егоршино, на восточном склоне Урала. Во время Отечественной войны каменные угли Урала имели особо важное, стратегическое значение. Работы Е. Ф. по флоростратиграфии угленосных толщ были существенны и отмечены медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны».

После войны Е. Ф. вместе с мужем переезжает в Москву, и оба они поступают в Угольный отдел ВИМС'а, где изучают флору Подмосковского угольного бассейна.

В 1946 г. Е. Ф. постигает самое тяжкое для нее горе — умирает ее учитель и муж М. Д. Залесский, человек, который был для нее дорожке всего на свете. Два года она нигде не работает, резко меняет тематику исследований, бросает каменноугольные толщи и переходит на палеофлористику нефтегазоносных отложений.

В 1948 г. она поступает в Институт нефти АН СССР, позже реорганизованный в Институт геологии и разведки

горючих ископаемых, и работает в нем до ухода на пенсию (1970 г.).

В 1972 г. тяжелая и продолжительная болезнь свела Елену Федоровну в могилу.

Научная работа Е. Ф. громадна и значительна. Она изучала своеобразный растительный материал из палеозоя СССР. Кроме своих личных больших коллекций она знала, изучала и хранила еще более обширные коллекции М. Д. Залесского. В их распоряжении были богатейшие уникальные коллекции нижнепермских растений Печорского угленосного бассейна и всего западного склона Урала. Не менее значительные коллекции были с Донбасса, Кузбасса и всех месторождений Урала.

После войны и смерти мужа Е. Ф. переключилась на палеозойскую флору Волго-Уральской нефтеносной области. Ею были просмотрены и определены керны из многих буровых скважин. В этих кернах были встречены не только хорошо известные пермские и карбоновые растения, но и менее изученные девонские, вплоть до самых древних — псилофитовых.

С псилофитами у нее приключилась интересная история. В Приуралье их нашли в кернах ашинской серии. Эта серия лежит под морским средним девоном. После нахождения псилофитов ее стали относить к нижнему девону. Позже в других районах установили, что она лежит под морским силуром и даже ордовиком. Сейчас принято относить ее к верхнему протерозою, но в верхнем протерозое псилофиты неизвестны. Естественно, что в точности определений Е. Ф. усомнились и сказали ей об этом. Она спокойно посмотрела на геологов и сказала: «Какого возраста ваша ашинская серия, я не знаю, но я точно знаю, что те растения из нее, которые вы мне давали, это псилофиты». Как ее ни убеждали в невозможности этого факта, ничего не вышло, она категорически стояла на своем.

Геологи-нефтяники сделали просто. Они отнесли ашинскую свиту к протерозою, а определения Е. Ф. забыли. А дело обстоит значительно сложнее. Сомневаться в качестве определений Е. Ф. нельзя, она квалифицированный специалист. Стратиграфия же в различных районах различна. Там, где немые континентальные песчано-сланцевые толщи лежат под ордовиком, они, конечно, верхнепротерозойские или кембрийские. Там же, где они

лежат под средним девоном, они могут быть и нижнедевонскими. Нельзя забывать, что вдоль всего Урала идут массивы рифовых известняков нижнего девона. К западу от них располагалась пустынная суша и прибрежные равнины. На этих равнинах отлагались терригенные породы с псилофитами. Пока мы их относим к докембрию просто потому, что ашинская серия — докембрийская, а она в ряде областей Приуралья должна быть и нижнедевонской.

Несомненно, что возраст отложений Приуралья и западного склона Урала, которые мы называем ашинской серией, в различных областях различен. Он колеблется от нижнего девона до верхнего протерозоя.

В ряде областей СССР Е. Ф. приходилось определять возраст угленосных толщ палеозоя. Она делала это по обязанности, душа ее к стратиграфии не лежала. Естественно, что ряд ее стратиграфических выводов, так же как и выводов М. Д. Залесского, вызывает сомнения.

Другая интересная особенность научных работ Е. Ф. — почти полное отсутствие теоретических выводов и построений. Она их не любила и кроме того считала, что это дело М. Д. Залесского, ее учителя, а ее дело — собирать для него фактический материал.

Перу Е. Ф. принадлежит 47 работ, 36 из них опубликовано. В основном они посвящены, как уже сказано, флорам угленосных толщ Печорского, Донецкого и Кузнецкого бассейнов. Работы по флорам девона Волго-Уральского нефтеносного бассейна немногочисленны.

Елена Федоровна защитила кандидатскую и докторскую диссертации. Преподаванием в вузах она никогда не занималась. Оно было не в ее характере, да и палеоботаника поглощала все ее внимание, определяла всю ее научную жизнь. Она была специалистом, о котором, следуя известному афоризму Козьмы Пруткова, можно было бы сказать: «Его полнота подобна флюсу — она односторонняя». Но в данном случае односторонность Е. Ф. говорит в ее пользу, ибо ей не было равных в определении палеозойской флоры.

Общественной деятельностью Е. Ф. также не увлекалась.

Валентина Борисовна Тризна

Валентина Борисовна Тризна — одна из последних курсисток. В 1916 г. она поступила на Высшие женские курсы в Москве, а завершила высшее образование уже в советское время, только в 1930 г., закончив Среднеазиатский государственный университет (САГУ).

В. Б. — ведущий специалист по верхнепалеозойским мшанкам, одна из активнейших сотрудников Нефтяного геологоразведочного института (ВНИГРИ), в котором она проработала с 1935 г. по 1959 г. Это исключительный труженик, приятный, спокойный, выдержанный, скромный и благожелательный человек, хороший товарищ и общественник.

Жизнь В. Б. резко делится на две части. Первая — среднеазиатская геологическая — охватывает 40 лет, вторая — ленинградская палеонтологическая — включает 25 лет научной работы. От первой геологической части никаких следов в виде печатных работ не осталось, от второй мы имеем четыре большие ведущего значения монографии по мшанкам Урала и Кузбасса. С этими работами и связано имя Валентины Борисовны Тризна.

В. Б. родилась в 1892 г. в г. Каттакурган Самаркандской области, в семье офицера. После Великой Октябрьской социалистической революции отец был командиром войск охраны железных дорог. Кончив в 1914 г. женскую гимназию в Ташкенте, в 1916 г., как отмечалось, В. Б. поступила на Высшие женские курсы в Москве, но осенью 1917 г. была вынуждена по семейным обстоятельствам вернуться в Среднюю Азию. Октябрьскую революцию и гражданскую войну она провела в Ташкенте, работая в различных советских учреждениях. В 1922 г. поступила в Среднеазиатский университет в Ташкенте, однако тяжелая болезнь и смерть матери на три года прервали учебу, и университет В. Б. закончила только в 1930 г. В это время она почти каждое лето, а иногда и зиму работает в Средней Азии в различных геологических партиях. Чего только она не делала! В 1922—1923 гг. она была препаратором в палеонтологической партии З. Ф. Гориздро-Кульчицкой, и, по-видимому, здесь и проявилась у нее склонность к палеонтологии. Однако из этой склонности в то время ничего не вышло, и в 1926 г. В. Б. уже

работает в гидрогеологической партии, а с 1927 г. по 1929 г. — в Отделе минеральных ресурсов под руководством профессора А. Л. Протоdjяконова, просматривая и собирая данные о всех нефтяных и угольных месторождениях Средней Азии. Наконец, в 1930 г. она ведет геологическую съемку под руководством В. Г. Мухина.

В том же году она кончает САГУ, зимой переезжает в Москву, где работает по гидрогеологии до 1932 г. Далее следует год работы в Гидрологическом институте в Ленинграде, наконец, в 1934 г. все это бесконечное разнообразие мест и работ кончается навсегда. В 1935 г. В. Б. поступает во ВНИГРИ, и начинается второй этап ее жизни — палеонтологический. В. Б. здесь занимается палеонтологией — палеозойскими, каменноугольными и пермскими мшанками.

Как произошло это резкое, фундаментальное изменение всей ее жизни, всей научной работы, я не знаю. Сама В. Б. в своей автобиографии пишет: «В феврале 1935 г. поступила во Всесоюзный геологоразведочный нефтяной институт на должность младшего палеонтолога и занялась изучением палеозойских мшанок под руководством А. И. Никифоровой. С 1939 г. работаю самостоятельно в качестве старшего палеонтолога, продолжая изучение палеозойских мшанок Урала».¹ Вот и все. О том, почему она вдруг сделалась палеонтологом, ничего не сказано. К счастью, В. П. Нехорошев рассказал: «Виновницей всего была О. И. Сергунькова. В конце 1934 г. у В. Б. были неприятности в Гидрологическом институте, она ушла из него и уехала в Среднюю Азию к отцу, который был заведующим заповедником в Туркестанском хребте, где работала О. И. Сергунькова, учившаяся вместе с В. Б. в САГУ. Сергунькова была другом А. И. Никифоровой. Той в то время нужен был сотрудник, О. И. посоветовала взять Валентину Борисовну, и Никифорова взяла ее».²

Александра Ивановна Никифорова была очень хорошим учителем, а затем и руководителем. Этого и следовало ожидать. Прежде всего она была очень хорошим человеком, умным, внимательным, а когда надо, и строгим.

¹ Архив ВНИГРИ (г. Ленинград). Дело В. Б. Тризна.

² Нехорошев В. П. Александра Ивановна Никифорова. — ВПО, 1945, т. XII, с. 100, 101.

В. Б. Тризна

Она сама была крупным специалистом, да вдобавок всегда работала со своим мужем — Василием Петровичем Нехорошевым, крупнейшим специалистом по мшанкам у нас в Советском Союзе. Они двое и сделали из гидрогеолога В. Б. Тризна выдающегося специалиста по мшанкам.

В Нефтяном институте (ВНИГРИ) работа у В. Б. шла хорошо, последовательно она прошла все стадии, от препаратора до старшего научного сотрудника. В 1948 г. она защитила в Ленинградском горном институте диссертацию на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук, а в 1949 г. была утверждена в звании старшего научного сотрудника. После этого В. Б. еще 10 лет изучала мшанки, но уже из нижнего карбона Кузбасса.

Собранный ею обширный материал — 5 больших монографий, высокая квалификация и широкая известность, несомненно давали ей право на докторскую сте-

пень. Однако скромность В. Б., иногда чрезмерная, не позволила ей защищать диссертацию, и она так и осталась кандидатом. Да и кандидатскую диссертацию она решилась защищать только после 10 лет самостоятельной работы, имея три большие опубликованные монографии.

К сожалению, такая чрезмерная скромность для наших женщин-геологов обычное явление. Многие из них имеют большой стаж, являются выдающимися, ведущими специалистами, имеют крупные монографии, но каких трудов стоит заставить их защитить докторскую диссертацию. Нашей молодежи не следует брать этого в пример; четырех-пяти лет самостоятельной углубленной и целенаправленной работы вполне достаточно для защиты кандидатской диссертации, пять-шесть лет последующей работы — можно и должно защищать докторскую диссертацию.

Сама В. Б. в своей автобиографии пишет: «Мною изучены мшанки верхнего карбона и перми обширной территории вдоль западного склона Урала, начиная от Башкирии и кончая Полярным Уралом, и составлена единая схема вертикального распространения мшанок в разрезе верхнего карбона и перми. Новые виды из этих отложений опубликованы в двух монографиях в трудах ВНИГРИ и две монографии подготовлены к печати».³ Сейчас напечатаны и они.

В 1951 г. В. Б. переходит на изучение мшанок нижнего карбона Кузбасса и ведет эту работу успешно до 1959 г. В том же году, в возрасте 67 лет, она уходит на заслуженный отдых.

Кроме этой основной научной работы В. Б. выполняет громадную определительскую работу. Кому только она не определяет мшанки: тут и Институт геологии Арктики, и ВСЕГЕИ, и 5-е Геологическое управление, и Приморское геологическое управление, и Ленинградское геологическое управление, и Гипрвостокнефть, и Ленинградский нерудный трест, и Азербайджанский индустриальный институт, и, конечно, многочисленные геологи своего института (ВНИГРИ).

Но это далеко не исчерпывает дополнительную научную работу В. Б. Она пишет значительное число рецензий и отзывов, редактирует работы, подготавливает моло-

³ Архив ВНИГРИ (г. Ленинград). Дело В. Б. Тризна.

дые кадры. Существенное значение имеет и участие В. Б. в различных совещаниях по стратиграфии верхнего палеозоя.

Значительна и общественная деятельность В. Б. В ее характеристике говорится: «За свою общественную деятельность в институте имеет отличную и хорошую оценки, много лет была проформгом, стахановкой производства. За свою работу неоднократно получала благодарность, именные подарки, денежные премии».⁴

Во время блокады Ленинграда работала в госпиталях, участвовала в оборонных работах. В. Б. награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и «К 250-летию Ленинграда». Одним словом, Валентина Борисовна была достойной ленинградкой.

Список законченных научных работ, составленный самой В. Б. в 1949 г., интересен и своеобразен. Он содержит 34 работы, но из них только 3 печатных объемом 4—5 п. л. каждая. Среди рукописей пять больших монографий, каждая объемом от 150 до 250 с. с многочисленными таблицами фотографий, остальные работы небольшие.

Такое небольшое число опубликованных работ — при достаточном числе законченных, но находящихся в рукописях, — своеобразно. У мужчин-геологов такое бывает редко, но у женщин, к сожалению, обычно, и поэтому заслуживает внимания. Что это означает? Прежде всего — скромность. Автор не хочет навязывать другим свои работы. Надо сразу сказать, что такая скромность из добродетели превращается в порок. Человек не ценит свою работу, забывает, что единственное внедрение палеонтологических работ в производство — это их публикация. Если автор ценит свою работу, он должен добиваться ее опубликования. Этого забывать нельзя.

К чести В. Б. надо сказать, что в последующие 10 лет своей научной работы она эту ошибку исправила и дополнительно напечатала ряд солидных монографий с многочисленными фототаблицами. Тем самым она стала одной из ведущих специалистов по палеозойским мшанкам и по стратиграфии карбона и перми. Большинство этих монографий посвящено мшанкам Урала и одна (объемом 27 п. л.) — нижнекаменноугольным мшанкам Кузбасса.

⁴ Там же.

Все эти монографии имели большое значение для геологических работ в Волго-Уральской нефтеносной области и в угленосных толщах Кузбасса.

Я спросил Василия Петровича Нехорошева, ведущего специалиста по мшанкам всего мира, кто лучше — В. Б. Тризна или работавшая одновременно с ней М. И. Шульга-Нестеренко. Он сказал мне, что они обе «лучше», они обе выдающиеся специалисты по мшанкам, но работы их различны. М. И., как и подобает ученице А. А. Борисьяка, прежде всего палеонтолог, ее интересуют сами животные, их строение, жизнь, экология, филогения. В. Б. — это типичный биостратиграф, ее больше интересует не строение мшанок, а те стратиграфические выводы, которые они позволяют сделать. Они обе дополняют друг друга. Как хорошо, что они обе в основном изучали мшанки карбона и перми Урала. Благодаря их исследованиям эти мшанки могут служить примером для других областей.

На этом мы и закончим описание жизни и деятельности В. Б. Тризна — среднеазиатского геолога и ленинградского биостратиграфа.

Мария Евгеньевна Мирчинк

Мария Евгеньевна Мирчинк — представительница основной группы московских курсисток, современница В. А. Варсанофьевой и других учениц А. А. Чернова. Ее главной воспитательницей и наставницей была Анна Болеславовна Миссуна. Ей она обязана своим включением в среду наших геологов. Ей она выразила благодарность, написав очень хорошую биографию.

М. Е. почти моя ровесница. В 1906 г. она поступила на Высшие женские курсы в Москве, а я в Горный институт в Петербурге. Но кончила она раньше, как и полагалось, в 1910 г. Мое окончание Института затянулось до 1915 г. из-за участия в геологической съемке. Поэтому получить от нее письмо в 1976 г., когда ей было 89 лет, мне было особенно приятно. Письмо ее полно бодрости. Она пишет: «Родилась я в небольшой усадьбе в Смоленской губернии в 1887 г. Здесь я безвыездно прожила до 9-летнего возраста. В 1905 г. окончила Смоленскую женскую гимназию и на следующий год поступила на Высшие женские курсы в Москве. Курсы окончила в 1910 г.»¹

И далее: «С 1913 г. работала ассистенткой у профессора М. В. Павловой, которая читала лекции в университете Шанявского до 1918 г.

В 1918 г. университет Шанявского закрыли, и я поступила в Московский государственный нефтяной институт. Позже перешла в Геологический институт Академии наук СССР, где кончила служить в 1939 г.»²

М. Е. вспоминает, что сначала в университете Шанявского учиться было очень трудно. Лекции и занятия велись в трех пунктах, значительно удаленных друг от друга, и курсисткам приходилось непрерывно перебегать из одного пункта в другой. Было мало помещений, раздевалок совсем не было, аудитории едва вмещали всех желающих. Вдобавок на курсах был обычай, взятый из парижской Сорбонны, — на лекции вход был свободный для всех. Кроме курсисток в аудитории, и без того переполненные, заходили прямо с улицы — посидеть в тепле, отдохнуть, подремать. Был поднят вопрос о контроле при

¹ Личный архив Д. В. Наливкина.

² Там же.

М. Е. Мирчинк. Курсиетка. 1905 г.

входе, и М. Е. вспоминает, как она искренне возмущалась этим контролем, запрещением свободного доступа к знанию. К счастью, для курсов вскоре построили новое здание, и все уладилось. Думаю, что и контроль у входа стал регулярнее и строже.

Но вот наступает Великая Октябрьская социалистическая революция, М. Е. уже работает в Московском университете ассистенткой у М. В. Павловой. Мария Васильевна требует от нее научную работу и в качестве материала дает ей юрские кораллы Крыма. М. Е. изучает их и описывает: так появляется ее первая печатная работа.

Появление первой печатной работы совпадает с первым семейным горем — на руках у М. Е. умирает отец. За горем следует радость — М. Е. выходит замуж за Георгия Федоровича Мирчинка, известного профессора, выдающегося специалиста по антропогену. Под руководством Е. Д. Сошкиной она работает на Урале. Затем ей поручают изучение перми севера Русской платформы. В 1938 г. появляется ее вторая статья, посвященная Пи-

М. Е. Мирчик. 1931 г.

нежскому пехштейну и его брахиоподам. Но рождаются дети, и в 1939 г. М. Е. вынуждена оставить научную работу.

М. Е. хорошо знала немецкий язык, обладала легким, хорошим слогом, и ее переводные работы заслуживают внимания. Сначала, в 1925 г., она перевела книгу А. Вегенера «Происхождение материков и океанов», которая была издана дважды. Затем она перевела большой курс геологии профессора Кайзера, пользовавшийся большой популярностью.

Начинается Великая Отечественная война и на М. Е. обрушиваются несчастья. В 1942 г. на дальнем Северо-Востоке СССР гибнет муж. Немцы на оккупированной территории расстреливают ее брата. В 1948 г. умирает ее дочь-геолог, успешно работавшая на востоке Сибири. Ее сын, душевнобольной, все время находится в тяжелом состоянии и нуждается в непрерывной помощи и наблюдении. Но все проходит. М. Е. живет теперь с другой дочерью-биологом. И вот, в 1976 г., в письме ко мне она пи-

шет: «Так много и так разнообразно пережито. Всякие воспоминания для меня мучительны. Приходится вызывать столько дорогих теней моих мучеников. Время ничего не исцеляет, время подобно пеплу, который покрывает горящие угли, дунет ветер воспоминаний — и уголья вспыхивают с новой силой».³

Но все же М. Е. находит силы, и в 1940 г. появляется написанная ею биография А. Б. Миссуна. Она так и называется: «А. Б. Миссуна. 1869—1922». Эта небольшая книжечка в бумажной желтоватой обложке объемом в 15 страниц написана поразительно хорошо, ясно, легко, содержательно и увлекательно, от всего сердца. Читаешь и не можешь оторваться.

Немногие профессора и преподаватели имеют биографии, написанные их учениками так хорошо и увлекательно. Конечно, монография В. А. Варсанофьевой об А. П. Павлове гораздо больше, полнее и содержательней, но по силе впечатления эти биографии не уступают друг другу.

Увековечивая память А. Б. Миссуна, написав свою лучшую работу, М. Е. Мирчинк тем самым увековечила и себя. Скончалась Мария Евгеньевна в 1978 году.

³ Там же.

Елизавета Дмитриевна Ревуцкая

Елизавета Дмитриевна Ревуцкая — типичный представитель курсисток-музейных работников, верная сотрудница В. И. Вернадского.

Еще на Высших женских курсах в Москве она увлеклась минералогией и работала под руководством В. И. Вернадского, тогда еще профессора университета и курсов.

Когда Е. Д. закончила курсы, В. И. оставил ее у себя ассистенткой, когда его избрали академиком и он переехал в Петербург, то перевел и ее в Ленинград в качестве хранителя Минералогического музея АН СССР.

Еще в Москве на курсах В. И. организовал хороший минералогический музей, и в этой работе ему помогала Е. Д. В Петербурге, в Академии наук, минералогический музей был старинный, большой, весьма разнородный по структуре и содержанию. В него входили даже коллекции Петра Первого, а также коллекции всех академиков XVIII—XIX вв., путешествовавших по беспредельным просторам царской России. Все коллекции были в самом разном состоянии и не менее разнообразного качества. Среди них было много редких, иногда уникальных образцов минералов. В. И. увлекся ими и решил привести их в порядок, расположить в систематической последовательности, выделить и экспонировать редкие штуфы и кристаллы. Он с удовольствием руководил этой громадной и сложной работой, многое приходилось определять заново, систематика также требовала корректуры, а иногда и коренной переработки. Еще больше было обычной черновой работы, особенно по экспозиции.

В общем работа длилась около 5 лет и в ней самое активное участие приняла Е. Д. Совместными усилиями они создали великолепный, исключительно интересный музей, один из лучших в мире. Он занимал весь верхний этаж громадного старинного флигеля главного здания Академии наук. Я помню, как ходил по бесконечным залам этого музея, поражаясь обилием и красотой выставленного материала. Это было после Великой Октябрьской революции, я уже был палеонтологом, на минералогию смотрел снисходительно, но все равно музей поражал.

Закончив организацию музея, Е. Д. так в нем и осталась. Музейная работа стала основной работой ее жизни. Помимо работы в самом музее Е. Д. совершала длительные поездки для сбора новых экспонатов, преимущественно на Урал и в Крым.

Печатных работ она оставила немного. По заключению В. И. Вернадского, «она не любила писать». Ее отзывчивый и приветливый характер вызывал общую симпатию. Вскоре с музеем она переехала в Москву, где стала одним из наиболее активных его сотрудников.

Умерла Е. Д. в Ленинграде в 1941 г.

Заключение

В книгу вошли очерки о жизни 19 наших первых женщин-геологов, 5 из них — это «первые из первых», а 14 — московские курсистки, в основном работавшие по палеонтологии и стратиграфии. Трое из них вели научную работу только до Великой Октябрьской социалистической революции. Отдельные работы их интересны и важны, но в целом они имеют второстепенное значение. Остальные 16 курсисток начали работать еще до Октябрьской революции, но основные исследования их выполнены при Советской власти. Они громадны, поразительны и очень важны. Значение их подчеркивается тем, что одна из первых женщин-геологов М. В. Павлова стала почетным академиком АН СССР, 15 — получили степень доктора наук. Не имели ученых степеней только трое. Конечно, московских курсисток-геологов, не имевших ученых степеней, было больше. Точное число их из-за отсутствия данных неизвестно. Некоторые из них кратко охарактеризованы в очерке о Московских высших женских курсах.

Педагогическая работа, выполненная первыми женщинами-геологами, также велика и удивительна, и не менее, чем научная. В первые годы Советской власти геологов было мало, их постоянно не хватало, их надо было срочно готовить. В этой важнейшей работе первые женщины геологи сделали особенно много. Из 19 в преподавании приняло участие 8, четверо из них стали профессорами с большим стажем. Они подготовили сотни геологов. Преподавание их отличалось высоким качеством. В. А. Варсанюфьева была даже избрана членом-корреспондентом Академии педагогических наук.

Их организаторская деятельность тоже была ценной и очень важной. Она шла в трех направлениях — создания

и развития кафедр в вузах, создания и развития музеев и организации экспедиционных исследований.

Организация и развитие кафедр легли на плечи четырех профессоров — М. В. Павловой, М. А. Болховитиновой, В. А. Варсанофьевой и Е. Д. Сошкиной.

Музейную работу вели многие, но особенно много сделала М. В. Павлова. Она организовала Геологический музей Московского университета (позже Московского геологоразведочного института) и заведовала им. А. П. Амалицкая приняла активное участие в организации Северодвинской галереи Палеонтологического музея АН СССР. Д. М. Раузер-Черноусова создала своеобразный музей — картотеку палеозойских фораминифер при кабинете микропалеонтологии Геологического института АН СССР. Этот музей оказал исключительную помощь при поисковых и эксплуатационных работах на нефть и газ. В. А. Варсанофьева создала Ылычский заповедник — своеобразный природный музей. Наконец, А. Д. Ревуцкая всю жизнь отдала Минералогическому музею АН СССР.

В организации экспедиционных и камеральных работ женщины-геологи ни в чем мужчинам не уступали и не уступают. Не уступают они ни в бесстрашии, ни в настойчивости, ни в наблюдательности. Любые работы, самые трудные, они выполняют спокойно и успешно.

Их общественная научная работа неопределима. Наши первые женщины-геологи принимали и принимают самое активное участие в работе бесконечных и разнообразных конгрессов, совещаний, симпозиумов и в других общественных мероприятиях. Всегда они выступали и выступают очень хорошо и их доклады и сообщения пользуются большим успехом.

Значение этих работ для поднятия престижа советской геологии исключительно велико.

Оглавление

Введение	3
Первые из первых	10
Мария Васильевна Павлова	13
Мария Кузьминична Цветаева	37
Евгения Викторовна Соломко	42
Анна Болеславовна Миссуна	45
Анна Петровна Амалицкая	55
Высшие женские курсы и основатель московской школы геологов А. П. Павлов	59
Мария Александровна Болховитинова	68
Александр Александрович Чернов и черновская группа	75
Вера Александровна Варсанофьева	86
Елизавета Дмитриевна Сошкина	109
Татьяна Алексеевна Добролюбова	121
Мария Ивановна Шульга-Нестеренко	133
Палеонтологический институт и его основатель академик А. А. Борисяк	145
Другие московские курсистки	149
Дагмара Максимилиановна Раузер-Черноусова	151
Вера Исааковна Громова	164
Софья Викторовна Семихатова	170
Елена Алексеевна Иванова	181
Ольга Григорьевна Туманская	192
Елена Федоровна Залесская-Чиркова	196
Валентина Борисовна Тризна	201
Мария Евгеньевна Мирчинк	207
Елизавета Дмитриевна Ревуцкая	211
Заключение	213

Дмитрий Васильевич Наливкин

**НАШИ ПЕРВЫЕ
ЖЕНЩИНЫ-ГЕОЛОГИ**

*Утверждено к печати
Отделением геологии,
геофизики и геохимии*

Редактор издательства *Семенова Е. А.*

Художник *Л. А. Яценко*

Технический редактор *И. М. Кашеварова*

Корректоры *Г. И. Суворова* и *Е. В. Шестакова*

ИБ № 8960

Сдано в набор 17.04.79. Подписано к печати
02.08.79. М-25761. Формат 84×108^{1/32}. Бумага
типографская № 1. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Печ. л. 6^{3/4}=11.34 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 11.23. Тираж 4000. Изд. № 7380.
Тип. зак. 303. Цена 75 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

2957